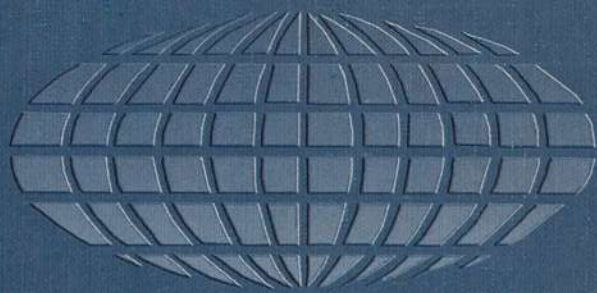

РОССИЯ - США - НАТО

О.А. Колобов
Д.Г. Балугев
В.А. Гаврилов
О.П. Иванов
А.А. Корнилов
А.С. Макарычев
М.Г. Макарычева
М.И. Рыхтик
О.О. Хохлышева

динамика
современных
взаимоотношений
и возможности
преодоления
кризиса доверия

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НИЖЕГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО

ИНСТИТУТ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

АКАДЕМИЯ ВОЕННЫХ НАУК РОССИИ

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ
ЕВРОАТЛАНТИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

ПРОГРАММА АМЕРИКАНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ПРОГРАММА ЕВРОПЕЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

О.А. Колобов, Д.Г. Балуев, В.А. Гаврилов
О.П. Иванов, А.А. Корнилов, А.С. Макарычев
М.Г. Макарычева, М.И. Рыхтик, О.О. Хохлышева

РОССИЯ – США – НАТО:

**динамика современных
взаимоотношений и возможности
преодоления кризиса доверия**

Монография

Москва — Нижний Новгород
2000

ББК 66.01
К 86

Коллектив авторов: О.А. Колобов, Д.Г. Балуев, В.А. Гаврилов, О.П. Иванов, А.А. Корнилов, А.С. Макарычев, М.Г. Макарычева, М.И. Рыхтик, О.О. Хохлышева.

Под общей редакцией академика **О.А. Колобова**

РОССИЯ — США — НАТО: динамика современных взаимоотношений и возможности преодоления кризиса доверия: Монография / О.А. Колобов, Д.Г. Балуев, В.А. Гаврилов и др.; Под общ. ред. О.А. Колобова. — Москва — Нижний Новгород: АВН РФ, РАЕАС, ИСИ ННГУ, 2000. — 243 с.

В монографии рассматриваются особенности взаимоотношений России, США и НАТО после косовского кризиса 1999 г.

Для специалистов-международников, студентов, аспирантов и докторантов университетов России.

ББК 66.01 (США)
К 86

© Исторический факультет ННГУ, 2000
© Институт стратегических исследований ННГУ, 2000
© Академия военных наук России (Нижегородское отделение), 2000
© Российская ассоциация евроатлантического сотрудничества (Нижегородское отделение), 2000

ВВЕДЕНИЕ

Взаимоотношения США, НАТО и Запада в целом с обновляющейся Россией на современном этапе носят сложный характер. Это объясняется многими причинами, которые включают в себя и фактор глобализации в жизни человечества.

Вызов глобализации заставляет многих представителей властной элиты индустриально развитых стран задуматься о новых подходах к решению актуальных проблем международно-политического характера. При этом, безусловно, стали превалирующими качественные характеристики. Руководство США, НАТО и Запада в целом данное обстоятельство учитывает в полной мере. К сожалению, этого нельзя сказать о современном российском политическом истеблишменте, довольно смутно представляющем себе перспективы страны, которая веками была великой державой и продолжает быть таковой, невзирая на трудности экономической жизни.

Сегодня мы являемся свидетелями формирования новой структуры международных отношений, которая характеризуется наличием пока еще мало понятных, но тем не менее уже сформировавшихся тенденций. Характеризуя эту структуру, следует говорить о глобализации и регионализации, интеграции и фрагментации, гуманизации и росте насилия и терроризма. От того, какие из означенных тенденций преобладают, во многом зависит содержание будущих международных отношений. Новые условия существования в окружающем мире требуют иных подходов к организации своего бытия. Причем перед субъектами этих отношений стоят две задачи: определить новые цели и найти пути решения старых задач в новых условиях.

Многие ведущие государства стоят перед необходимостью принять такую национальную стратегию, которая, сохраняя существующее сегодня достаточно хрупкое равновесие между традиционными центрами сил — государствами, одновременно определила бы внешнюю политику с учетом новых тенденций. Необходима стратегия, реализация которой будет осуществляться на двух новых уровнях системы международных отношений: государство — международные институты и государство — индивид. Глобальные финансовые структуры или такие лю-

ди, как Билл Гейтс, Ли Кашин или Усама Бен Ладен, способны оказывать серьезное функциональное влияние на международную систему, что и заставляет многие государства вносить корректировки в свои внешнеполитические доктрины. В принципе, любая великая держава настойчиво пытается «придерживать» слишком ретивых новых игроков. Борьба американского суда с «Майкрософт» может быть рассмотрена также в контексте противостояния между традиционным центром силы и новым претендентом. Промышленно развитые страны также стремятся выйти на новый организационный уровень борьбы с терроризмом, создавая межправительственные структуры, предназначенные для нейтрализации этой угрозы. Активность нового президента России В.В. Путина по созданию антитеррористического центра в рамках СНГ как нельзя лучше свидетельствует об этом. Активизация деятельности международных институтов вносит серьезные коррективы в характер современных межгосударственных отношений. Именно с учетом данной новой тенденции о роли НАТО в меняющемся мире и возможной эффективной внешней политике России и размышляют авторы монографии.

Чтобы органично подключить Россию к важнейшим тенденциям мирового развития, необходимо понять истинные намерения США, НАТО и Запада в целом, выраженные во многих официальных документах относительно тактики и стратегии в мировом масштабе.

Эти документы не только должны быть прочтены, но и максимально учтены лицами, принимающими решения (ЛПР) в России при выработке долгосрочной программы развития.

Настоящая работа предполагает комплексный междисциплинарный подход к анализу состояния тех внешнеполитических дел Запада в целом, которые непосредственно относятся к Российскому государству.

В конечном итоге будущее человечества зависит от нормального состояния взаимоотношений на уровнях Восток – Запад; Север – Юг. Если материал, предложенный читателю, заставит ЛПР в России задуматься о важности столь актуальной научной проблемы, то авторы книги будут считать свою миссию выполненной.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

США, НАТО, ООН И ЗАПАД В ЦЕЛОМ В ПОИСКЕ ОПТИМАЛЬНОГО ВАРИАНТА УПРАВЛЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНО-ПОЛИТИЧЕСКИМИ ПРОЦЕССАМИ НА ГЛОБАЛЬНОМ И РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЯХ

Развитие человеческой цивилизации вступило в критическую фазу тотальной глобализации¹, которая направлена прежде всего на глубокое изменение социальных связей и общественных институтов в пространстве и во времени таким образом, что, с одной стороны, на повседневную деятельность людей все растущее влияние оказывают события, происходящие в других частях земного шара², а, с другой стороны, действия многих местных структур могут иметь важные последствия в мировом масштабе³.

«Глобализация, — справедливо отмечает известный российский политолог Г.С. Гаджиев, — предполагает, что множество социальных, экономических, культурных, политических и иных отношений и связей приобретают всемирный характер. В то же время она подразумевает возрастание уровней взаимодействия как в пределах отдельных государств, так и между государствами. Новым для современных процессов глобализации является распространение социальных связей на такие сферы деятельности, как технологическая, организационная, административная, правовая и другие, а также постоянная интенсификация тенденций к установлению взаимосвязей через многочисленные сети современных коммуникаций и новые информационные технологии»⁴.

Сам процесс разрешения глобальных проблем человечества в современных условиях взаимозависимости вызвал оживленную дискуссию в академических, политических и государственных кругах ведущих стран Запада. В этом важном деле обновляющаяся Россия, разумеется, не осталась в стороне, о чем свидетельствуют материалы «круглого стола» по актуальным вопросам глобализации, организованного в начале 1999 г. редакционной коллегией журнала «Мировая экономика и международные отношения»⁵.

«Человечество, — заявил один из участников данного мероприятия, заместитель директора Национального института развития отделения экономики РАН, д.и.н. М.А. Чешков, — являясь идеальным объектом, описывается нами с помощью концепции глобальной общности (см.

«Глобальное видение и новая наука». М.: ИМЭМО РАН, 1998). Исходя из традиции разделения человеческой души на три ипостаси — человеческую, святую и звериную — можно представить природу или сущность человека и человечества как взаимнеобходимую соотношенность трех начал — социального, природного и субъектно-деятельного. Такое представление о человечестве выражает его, так сказать, абсолютное бытие как «продукта» антропосоциогенеза. Это представление конкретизируется и «историзируется», если выделить специально исторические формы глобальной общности человечества, используя этот термин отечественных системников. Не описывая подобные формы истории человечества с древних времен до XV в. нашей эры, выделим ту, что зарождается с XVI в. и становится за последние 100-150 лет. По параметрам бытия и сознания она определяется как *индустриально-модернистская форма*: достигнув пика в середине XX в. перерастает или переходит где-то на рубеже 70-80-х гг. в новую историческую разновидность глобальной общности человечества, которую, по аналогии с первой, можно определить как информационно-глобалистскую. В 80-90-е годы на наших глазах происходит трансформация первой формы во вторую или, точнее, одного исторического типа глобальной общности в другой ее тип.

Этот сдвиг прослеживается по ряду параметров глобальной общности: все ядро социального начала теряет свою доминантную роль и происходит сбалакирование этого начала и начала природного (в ходе экологического кризиса); прежняя моносубъектность («Запад») сменяется множеством различных агентов, в том числе индивидом, становящимся «вселенским человеком», и особенно коалициями, претендующими на роль носителя общечеловеческой субъективности: организация из моносистемной становится полисистемной, где конституантами выступают связи, а структура определяется гибкими потоками, сетями, «сетями потоков» и пр.; воспроизводственные единицы обретают вид океаническо-континентальных связей; отношения первенства деполяризуются, а их иерархия становится более гибкой и т.д. Не будем перечислять изменения других параметров, но подчеркнем, что в таком процессе смены (точнее — сдвига) исторических типов вписывается и российская трансформация»⁶.

Всесторонняя характеристика современного состояния глобализации постепенно привела к введению в научный оборот и дипломатическую переписку правящих кругов и великих держав термина «глобальное гражданское общество». Американский исследователь Х. Булл одним из первых сфокусировал внимание мировой общественности на необходи-

мости построения «глобального гражданского общества» в процессе развития международных отношений периода «холодной войны»⁷.

Его коллега и соотечественник Дж. Розено также активно использовал понятие «глобальное гражданское общество» при характеристике различных новых типов гражданства и национально-культурного самосознания в меняющемся мире⁸.

Что касается представителей «глобального» («интегрального») федерализма, то они склонны к императивным оценкам следующего содержания: «Нужно не просто поставить государство на свое место, но и вообще отказать ему категорическим образом в праве на выживание»⁹.

Постмодернизм при объяснении процессов глобализации в целом и сути «глобального гражданского общества» в частности настаивает на утверждении новых политических пространственных принципов, опять-таки отвергающих системные взаимоотношения национальных государств. «Пространственные границы глобального гражданского общества совершенно иные, ибо его независимость от границ государственной системы дает ему свободу в создании новых политических пространств, — пишет профессор калифорнийского университета Р. Липшатц. Эти политические пространства очерчены сетью экономических, социальных и культурных отношений и населены деятелями, добровольно объединившимися в ассоциации и, несмотря на разницу в местоположении, они связаны друг с другом в единые сети для реализации конкретных политических и социальных целей... Хотя составные части этих сетей, формирующих глобальное гражданское общество, и взаимодействуют с государствами и правительствами по конкретным политическим вопросам, сами по себе эти сети выходят за пределы государственных границ и не ограничены государственной системой»¹⁰.

Постмодернистская модель «глобального гражданского общества» предполагает «глобальные» и «внетерриториальные» умонастроения людей, при этом общечеловеческий подход оказывается отнюдь не «идеей для всех», а лишь инструментом деятельности «золотого миллиарда» жителей земли, отстаивающих свое право в борьбе с коммунизмом, «право» цивилизовать другие нации, а точнее, жить за счет последних. Таким образом, «глобальное гражданское общество» постмодернистов на деле может означать соответствующим образом обустроенное (отвоеванное у других) «жизненное пространство», которым следует управлять из единого центра. Отсюда и противоречия смыслового характера, которые при осуществлении на практике глобальной дипломатии великих (индустриально развитых) держав, обустроивших себе «рай на земле» в виде ограниченного во внутренних (по качеству жизни)

пределах, но всеобъемлющего по критериям эксплуатации всех ресурсов планеты «глобального гражданского общества», фактически приведут к глобальному тоталитаризму, если под последним понимать единую (универсальную) идею «сильных мира», упорно навязывающих всем жителям Земли свои либеральные ценности в яркой демократической упаковке.

«Не лишне будет заметить, — пишут в этой связи российские политологи А. Макарычев и А. Сергунин, — что теоретические конструкции постмодернистов непоследовательны в том смысле, что они не доводят идею глобального гражданского общества до ее логического конца, если есть такое общество, то должно быть и «глобальное государство» или, проще говоря, мировое правительство, с которым это общество должно взаимодействовать. Подобная же перспектива вряд ли радует самих постмодернистов. Ведь возникновение схемы «мировое правительство — глобальное гражданское общество», помимо утопичности и скорости самой идеи, привело бы к простому переносу вечного противостояния между государством и гражданским обществом на иной уровень, а вовсе не к преодолению кризиса модели либерального государства-суверена, на что надеются постмодернисты. Кстати говоря, видимо ощущая шаткость своих позиций, постмодернисты заранее делают отговорки: «необходимо отметить, однако, что возникновение глобального гражданского общества необязательно приведет к более спокойному и единому миру. С одной стороны, вполне возможен обратный эффект — возникновение новой разновидности средневекового мира с высокой степенью конфронтации. С другой стороны, в нем может и содержаться надежда на лучшее будущее (Fukuyama F. The End Of History, and the Last Man, p. 287-321).

Как и в случае с обещанной близкой кончиной государства-суверена, постмодернисты поторопились с пророчествами относительно возникновения «глобального гражданского общества». Они преувеличили значимость интернационализации общественной жизни различных стран и поспешили возвести ее в ранг новой научной теории»¹¹.

Тем не менее постмодернистское дело живет и побеждает.

От академических дискуссий относительно глобализации в целом и глобального общества в частности эксперты и лица, принимающие решения (ЛПР) на Западе постепенно перешли к обоснованию идеи «глобального управления» (Global Governance)¹². При этом четко определились следующие точки зрения относительно шансов реализации различных интегративных управленческих схем общепланетарного назначения:

1. **Супергосударственная.** Когда мировое сообщество представляется в виде гипертрофированной модели национального государства, глобальное управление понимается как своеобразный международный, универсальный вариант обустройства внутренних дел¹³.

2. **Реформаторская, применительно к ООН.** Представлена авторами, считающими реформированную и сильно измененную ООН в качестве главного действующего лица в институциональной организации процесса глобализации. При этом Совет Безопасности ООН воспринимается как квазиправительство, Генеральная Ассамблея как эквивалент национальных парламентов, Международный валютный фонд как мировой центральный банк, организация ООН по защите окружающей среды, которую еще нужно создать, как глобальное министерство охраны окружающей среды и т.д. Такой подход направлен на исключительную централизацию управления международными делами в интересах горстки промышленно развитых стран — основных доноров ООН. Автономия каких-либо подсистем в таком варианте глобализации, включая когнитивные структуры и частный бизнес, не допускается¹⁴.

3. **Реалистическая.** Основана на идеологии, обосновывающей необходимость политического управления глобальным развитием, при участии, прежде всего, США и других сверхдержав, способных осуществлять на практике свои международные проекты и ставить остальному миру свои условия¹⁵.

4. **Кооперативная.** За основу взят некий проект «кооперативного глобального управления» («cooperative global governance»), который направлен на коллективное преодоление участниками процесса всевозможных вызовов универсальной системе международных отношений¹⁶.

Перспективы установления оптимальной модели глобального управления международными процессами в мире связаны с осознанием того, что:

1. **Архитектура глобального управления полицентрична.** В то время как государство — если мы говорим об отдельной стране — располагает иерархическим и мажоритарным потенциалом поиска решений и регулирования проблем, то в международной системе нет никакой верховной инстанции, сравнимой с национальным государством. Политика основывается здесь на коллективных процессах поиска решений и взаимопонимании правительств стран-участников, итак, априорно на системе «поделенных суверенитетов»¹⁷.

2. **Глобальное управление осуществляется не только правительствами.** Для оформления глобализации необходимо мобилизовать потенциал разрешения проблем частных игроков, экономики, профсоюзов,

неправительственных организаций. Глобальное управление не может быть ни эффективным, ни законным без знаний предпринимательских структур и негосударственных организаций о будущем раскладе проблем, о комплексных взаимозависимостях в процессе действия, о технологической динамике развития и о различных возможностях решения, а также без функций определения повестки дня, контроля, проведения мониторинга и работы с общественностью, свойственных неправительственным организациям. Правительства сохраняют за собой монополию на закрепление и проведение тех или иных политических линий, однако частные акторы играют все более весомую роль на этапах определения проблемы, анализа проблемных связей и непосредственного исполнения¹⁸.

3. *Глобальное управление основывается на различных формах международного сотрудничества между общественным и частным сектором («public-private partnership»), а также на коллективном поиске и разрешении проблем.* Поскольку управленческие ресурсы по решению международных и глобальных проблем (знание взаимосвязей, способность устанавливать рамки и наведение порядка) часто расщеплены по различными игрокам, значение «public-private partnership», выходящего за рамки отдельной страны, возрастает. Государства в ряде случаев зависят от ноу-хау или кооперации частных акторов-участников процесса, поскольку в противном случае в сложных политических вопросах они смогут оказывать свое регулирующее воздействие на стремительные процессы преобразования только «задним числом» (например, когда речь идет о развитии серьезного международного контроля за банками).

Предпринимательские структуры, с другой стороны, зависят от глобальных структурных достижений (например, на мировых финансовых рынках), от стабильных рамочных условий и стандартов, которые рынок сам по себе не производит (например, социальный и экологический стандарт-минимум, необходимый для того, чтобы избежать обвинений со стороны негосударственных организаций и соответствующей потери престижа). Негосударственные организации, действующие на международном, государственном и локальном уровнях, являются в становящемся все более взаимосвязанном мире важными системами, предупреждающими о будущих проблемах, они во все большей степени утверждаются в качестве компетентных партнеров правительств и частных субъектов принятия решений. Международные организации в архитектуре глобального управления могут взять на себя координирующие функции и содействуют выработке глобальных способов рассмот-

рения и восприятия проблем, благодаря чему может быть скорректирована национальная близорукость и ограниченность других игроков¹⁹.

4. *Глобальное управление находится в точке пересечения национальных интересов, властных отношений (зачастую асимметричных) и необходимости совместного разрешения проблемы сотрудничества.* Совместные усилия по решению проблемы и участие - необходимые механизмы регулирования глобальных взаимозависимостей и проблем, выходящих за рамки отдельных государств. Если дееспособные игроки ориентируются только на свои национальные интересы или если они готовы к реализации решений только под свои условия, то во многих проблемных областях существует угроза политической несостоятельности.

Фактически асимметричные властные отношения в мировом сообществе до сих пор частенько приводили к тому, что о глобальном управлении вспоминают тогда, когда затронуты интересы влиятельных стран и игроков (например, интересы промышленно развитых стран и международных банков, пытающихся смягчить последствия азиатского кризиса). Если этого нет, то проблема не решается (например, если речь идет о списании долгов наиболее бедным развивающимся странам, которое годами топчется на месте). Подобная ситуация является сомнительной не только по нормативным причинам, прежде всего она подрывает готовность более слабых стран к сотрудничеству и тем самым - на более длительную перспективу шансы на преодоление мировых проблем, для разрешения которых необходимы усилия и этих государств (например, в области охраны окружающей среды). В глобализованном мире и слабые иногда имеют власть²⁰.

5. *Глобальное управление не ограничивается принципом максимальной многосторонности, т.е. привлечения возможно большего количества участников.* Оно базируется на многоуровневой архитектуре, предполагая наличие таких уровней, как локальный, национальный - региональный - межрегиональный и международный - глобальный. При этом проблемы, выходящие за рамки отдельных государств, и глобальные проблемы решаются отнюдь не только на глобальном уровне, не только международными организациями или международными режимами. Решающим является то, что многие проблемы делают необходимыми политические ответы на всех уровнях - от локального до глобального²¹.

6. *Глобальное управление приводит к глубинной трансформации политики и вынуждает к институциональным инновациям: политика будет осуществляться в структурах, пронизанных становя-*

щимися все более плотными горизонтальными и вертикальными сетями. Значение сетевых структур внутри общественных систем и между ними растет, концепция национально-государственного суверенитета размывается, в рамках архитектуры глобального управления действует большое количество частных и публичных игроков, и система министерств отдельных государств встает перед необходимостью адаптации. Трансформация политики в этом направлении уже давно осуществляется во многих сферах (например, в области охраны окружающей среды). Требование состоит в том, чтобы продвигать точечные, институциональные и процедурные реформы на различных уровнях с точкой схода в проекте *глобального управления* для составления прочного пестрого ковра из имеющихся лоскутков, для превращения хрупкой политической мешанины (например, из изолированных, пересекающихся, частично противоречащих друг другу режимов защиты окружающей среды) в жизнеспособную и продуктивную политическую сеть (например, «мировой политики по охране окружающей среды») ²².

Академическое осмысление процессов глобализации на Западе в целом предполагает уже в самом ближайшем будущем размыв общественных представлений о границах большой политики. Считается, что политика, выходящая за рамки одной страны, будет охватывать гораздо более широкий круг проблем по сравнению с классической внешней политикой и политикой безопасности. Научная, технологическая, энергетическая, транспортная, социальная политика, политика в области охраны окружающей среды и т.д. все глубже интернационализируются. Таким образом, границы между внутренней и внешней политикой становятся расплывчатыми, внешнеполитические отношения стран видоизменяются.

Данное обстоятельство усиливает значение глобальных проблем и вызывает к жизни новые требования к их своевременному разрешению ²³. Это касается прежде всего:

— **глобальных общественных благ.** Здесь затронуты, с одной стороны, проблемы всемирного масштаба (например, изменения климата, озоновые дыры, прогрессирующий процесс образования пустынь (наступление пустынь), угроза биологических диверсий, опасности для мира во всем мире, нестабильные финансовые рынки), где речь идет о защите глобальных ценностей. Проблемы могут быть порождены или обострены действиями некоторых игроков (например, выбросами углекислого газа промышленными странами), превращаясь тем не менее в угрозы для всего мира. С другой стороны, глобализация требует от экономики, в особенности от рынков капитала, разработки всеобъемлющих

правил стабилизации мирового хозяйства (стабильность как «общественное благо»);

— **глобальных проблем, связанных со взаимозависимостью.** Экономические кризисы влекут за собой процессы обнищания, которые, свою очередь, могут вызвать усиление миграционных потоков, критическое состояние окружающей среды может стать причиной войн, мировая торговля повышает уровень благосостояния народов, но из-за увеличения транспортных потоков может стать угрозой для окружающей среды и т.д. Обеспечение политических связей и управление взаимозависимостями между полями политики и проблемными областями в рамках отдельного государства уже представляет собой заметную трудность и развито недостаточно. Что касается международного уровня, то здесь дефицит в практических действиях еще больше. Дееспособные международные организации (например, ВТО, МВФ) являются классическими образцами моноориентированных организаций, недостаточно учитывающих комплексные последствия своих действий. На всемирных конференциях 90-х годов многие из этих взаимосвязанных проблем были разработаны и получили свое закрепление в документах. Тем не менее на всех уровнях — от локального до глобального — ощущается явный дефицит институтов, которые занимались бы вопросами, возникающими на стыке важных проблемных областей, наблюдали бы за взаимодействием, брали бы на себя функции координации и сводили бы воедино различные подходы к разрешению проблем ²⁴;

— **глобальных феноменов.** Неуправляемость городов-миллионеров, кризисы крупных, построенных по иерархическому принципу организаций государственных управленческих структур или процессы нарастающей обособленности в обществе — это проблемы, которые мы находим повсюду, причем они вовсе не обязательно вызваны мировыми взаимозависимостями. В этом смысле нищета и голод тоже часто рассматриваются как глобальные феномены. Этот тип мировых проблем может и должен решаться и впредь в основном в рамках национально-государственной политики. Опыт других стран и регионов может быть систематически проанализирован. В рамках архитектуры глобального управления существуют подходы к решению проблем этого типа, но они по своей сути носят точечный характер, а не являются стратегическим элементом дальновидной стратегии. В будущем особенно динамично будут развиваться те страны, которые окажутся способными систематически учиться на чужом опыте. Государства, в сравнении с действующими по всему миру предпринимательскими структурами, давно простирающими свои инновации и обучающее

партнерство за рамки отдельных государств, испытывают потребность наверстать упущенное²⁵;

— **системной конкуренции отдельных государств в мировой экономике.** Глобализация мирового хозяйства и либеральные сдвиги во всем мире обострили системную конкуренцию между отдельными государствами. Не только экономические институты, но и социальные системы и системы, регулирующие отношения с окружающей средой, конкурируют друг с другом в мировой экономике. Если эта конкуренция не будет введена в институциональные рамки, то возникает угроза нарастания дерегулирования и сбивания цен, что дестабилизирует мировую экономику и ущемляет социальные завоевания и достижения политики в области охраны окружающей среды. Должны быть разработаны политико-экономические ответы на национальном, региональном и международном уровнях. Например, европейская конвенция, которая определяет нижнюю границу общих издержек в связи с объемом валового внутреннего продукта (ВВП) на душу населения. На международном уровне есть потребность в мировых экономических упорядочивающих рамках. Такие феномены, как миграция, загрязнение Северного моря, кислотные дожди или трудовая миграция (например, в рамках ЕС) выходят за рамки сферы действия политики отдельного государства и ставят под вопрос традиционную концепцию национально-государственного суверенитета, поскольку действия или бездействие одной страны (сброс вредных веществ в Северное море) оказывают влияние на другие страны, даже если они не достигают всемирных масштабов. Они требуют более высокого уровня сотрудничества между отдельными государствами и другими задействованными в этом процессе группами действующих лиц и консолидации воли для совместного разрешения проблем, что находится уже по ту сторону классической внешней политики. Многие проблемы, выходящие за рамки отдельных государств, могут быть решены в контексте региональных интеграционных проектов²⁶;

— **комплексного характера архитектуры глобального управления.** Если удастся и далее трансформировать политику в направлении дифференцированной и пронизанной многочисленными сетями архитектуры глобального управления и таким образом противодействовать процессу «лишения политики власти», то нельзя упускать из виду, что архитектура глобального управления в силу своей сложности сама может стать глобальной проблемой. Границы политического руководства в масштабах отдельного государства и его ловушки хорошо исследованы, в глобальном масштабе возникает качественно новый и дополни-

тельный расклад проблем. Не в последнюю очередь возникает вопрос, каким образом в контексте глобального управления может быть обеспечена демократия, организационно оформленная до сих пор в рамках отдельных государств²⁷.

На сегодняшний день новый мировой порядок можно характеризовать как концепцию общественного развития, которая предусматривает коренное социально-экономическое преобразование человеческого общества, то есть такую реорганизацию международных, политических, экономических и культурных взаимосвязей, которая позволила бы снять или смягчить кризисность, конфликтность и конфронтационность во взаимоотношениях между богатыми и бедными, между экономически развитыми и развивающимися государствами, между странами с различными социальными системами и помогла бы человечеству избежать катастрофы, прежде всего ядерной.

Она представляет собой самостоятельное направление западной экономической и общественно-политической мысли в 1970-е г. Впоследствии проектирование нового общества составило целую эпоху в развитии неоллиберализма. Следует отметить, что теории *нового мира* и *нового общества* развивают концепцию постиндустриализма. К приверженцам этого направления следует отнести представителей либерально-демократической «гуманистической» футурологии — В Вагнера, Ф. Полана, А. Уоскоу, а также школу проектирования моделей *нового мирового порядка*, к которой относятся такие видные исследователи, как Я. Бхагавати, Р. Фалк, Й. Галтунг, А. Мазруи и другие. Исследователи, принадлежащие к данной научной школе, прокламировали идею развития «нового космополиса», некоего общества интегрального гуманизма, в котором будет сохраняться мир, обеспечивающий человеку благополучие, справедливость, гармонию, «многообразие жизненных стилей и гуманистических убеждений»²⁸.

Многие эксперты считают, что таким же по существу является и подход христианства к изменению общества, традиционно трактующий обновление с точки зрения «христианского порядка», библейских универсалий, как установление нравственного, справедливого и пользующегося всеобщей поддержкой общественного устройства. Сразу же оговоримся, что такая точка зрения не совсем верна, так как все модели *нового мирового порядка* — это модель развития человечества, в то время как христианство обращается исключительно к человеческой душе.

Современная западноевропейская американская общественно-политическая мысль при объяснении основных тенденций развития но-

вого общества делает акцент на взаимопереплетение экономических, социальных и политических факторов. Она олицетворяет собой манихейское видение всех человеческих проблем: добро побеждает зло, правда — ложь, демократия — коммунизм, Бог — атеизм. Таким образом в сознание людей внедряются стереотипы, отвергающие закономерный ход истории. Новый мировой порядок отнюдь не ведет к появлению некоего лучшего мира. Напротив, он представляет собой комплексно закамуфлированный вариант геополитики, которую осуществляли великие державы в XIX веке и до Второй мировой войны, полагаясь исключительно на использование силы²⁹.

Сторонники этого направления предполагают интеграцию развивающихся стран в систему капиталистических отношений в роли так называемого «зависимого капитализма».

Особое влияние на современные концепции нового мирового порядка начинают оказывать теории, базирующиеся на основах конфуцианства, буддизма и ислама. При этом если первые предполагают построение справедливого общества путем искоренения лобого насилия, то последняя предполагает в качестве его основы «обладание свободой выбора и действий», а также «возможности для развития мышления, а не чувств и эмоций».

Основными проводниками идей о новом мировом правительстве прежде всего являются сегодня ООН и ее подразделения. Примером может послужить конференция в Ямасукро, проведенная с 26 июня по 1 июля 1989 г под эгидой ЮНЕСКО, которая была посвящена развитию возможностей формирования *справедливого общества*. По мнению авторов выработанной концепции, основными принципами, на которых должно базироваться новое общество, являются равенство, солидарность и свобода, а для скорейшего их достижения необходимо «стремление человечества к тотальному разоружению, мирному разрешению любых конфликтов и защите и соблюдению прав человека»³⁰.

Авторы концепции нового мира особое внимание обращают на то, что лидеры и лица, принимающие решения, должны быть ответственны за свои действия на пути установления нового мирового порядка, который должен быть установлен на основе солидарности, прогресса и легитимности. Основными причинами, которые могут помешать установлению нового порядка были признаны *во-первых*, экономический дисбаланс между Севером и Югом, *во-вторых*, демографическая ситуация; *в-третьих*, рост потребления, диктуемый жизненным стилем Запада, *в-четвертых*, природные ресурсы, провоцирующие конфликты и войны *в-пятых*, неадекватность политики правительств. Особое беспокойство,

кроме того, у авторов концепции вызвало различие культур, поэтому они предложили создать «глобальную культуру мира, основанную на гуманистических принципах. Несмотря на то что подобные измышления носят утопичный характер, у авторов концепции не вызывает сомнений то, что выполнение этих рекомендаций будет способствовать продвижению формирования на планете справедливого мирового порядка»³¹.

Характерно, что ООН и связанные с ней международные учреждения всячески поощряют подобного рода «проекты». Так, например, в 1991 г. ЮНЕСКО был учрежден специальный приз за лучшую программу формирования справедливого общества.

Обнаруживая в последние годы все большее стремление выработать некую универсальную формулу глобального управления человечеством, Запад в целом рассчитывает на утверждение новой парадигмы миропонимания, новых стандартов поведения и новых принципов морали людей³².

Новации состоят в синтезе различных культурных, религиозных, политических, философских достижений. Мир данности, таким образом, постепенно отдалается от чисто иудейских, христианских, исламских, конфуцианских или буддистских обоснований³³. Практицизм и предопределенность вытеснят все и вся. «Человек с подошвами из ветра» (Леви) объявлен самоцелью всей глобальной программы мироустройства. Святое православие с его идеей богоподобия любого индивида, живущего по библейским заповедям, фактически объявлено вне закона. Не случайно же именно этот вариант христианства З. Бжезинский счел наиболее важной мишенью идеологических атак Запада в целом на современном этапе и в ближайшем будущем³⁴. Международные дела на планете все более идут к тому, что известная триада (национальная психология — национальное самосознание — национальный характер) начинает быть трудноприменимой по отношению ко всему народонаселению тех «периферийных» территорий, которые удалены от «просвещенного центра» и не воспринимают должным образом новый цивилизационный вызов Запада в целом остальному миру.

Таким образом, суть новой парадигмы миропонимания оказывается предельно четко сформулированной на глобальном идеологическом обеспечении реальной политики (realpolitik) по комбинационной формуле C_4I_1 (или по-русски K_4P_1), где целых четыре части обозначены такими важными терминами, как «коалиция, командование, контроль, компьютеры», а одна определяется магическим словом «разведка» (Intelligence)³⁵.

С точки зрения *geopolitik* коалиция в глобальном масштабе предусматривает временный военно-политический союз, способный отстоять интересы расширяющегося демократического сообщества. В этом смысле само толкование термина представляет собой модифицированный вариант положения об одной из основных целей преамбулы Конституции Соединенных Штатов — «образовать более совершенный союз»³⁶. Речь идет о стержневом компоненте системы многопрофильных взаимоотношений великих держав под эгидой Соединенных Штатов, разумеется. Поэтому процессы глобализации и расширяющейся демократизации в весьма противоречивом, но во многом едином мире развиваются не параллельными курсами, а взаимно пересекаются.

«По мере развития мировой политики в начале грядущего столетия, — отмечает директор Научного института Германского общества внешней политики, профессор политологии Боннского университета Карл-Отто-Вольф Кайзер, — вновь станет вопрос о демократии. Две противоположные тенденции определяют ныне происходящие процессы: с одной стороны, переплетение современных обществ, связанное с глобализацией, подрывает механизмы демократического контроля национального государства, которое само по себе представляет собой пройденный этап. С другой стороны, новые технологии электронной коммуникации открывают индивидуумам и группам столь широкий доступ к информации, что это все больше осложняет дальнейшее существование авторитарных политических режимов. Хотя это и противоположные тенденции развития, они не оказывают компенсирующего воздействия: шанс на демократизацию, обусловленный доступом к информации, не в состоянии ни внести коррективы, ни прекратить эрозию механизмов демократического контроля, возможно, частично (но только частично), потому что они проявляют свою эффективность в различных режимах. Но общим признаком этих двух процессов является то, что они ставят под вопрос существующие порядки. Тем самым указанные выше развития вносят свой вклад в динамику и нестабильности новой эры мировой политики. Иллюстрацией этого стало бессилие правительств перед лицом международных финансовых и валютных кризисов или эффект усиления радикальных движений, вызванных трансграничной коммуникацией»³⁷.

Таким образом, *коалиция в глобальном измерении для Запада* в целом имеет особый смысл, так как встречает все большее сопротивление европейских союзников по НАТО, но суть самого замысла Запада в целом состоит в том, чтобы мир в рамках нового мирового порядка управлялся на глобальном уровне оперативно и чтобы глобальное управление

действиями коалицией индустриально развитых держав во всем мире было централизованным и эффективным. Неудивительно поэтому желание президента США У. Клинтона придать новый динамизм ООН, превратив последний не только в сверхправительство, но и в глобальный оперативный штаб, оснащенный всем необходимым для тотального контроля над мировыми политическими процессами.

Глобальный контроль, осуществляемый цивилизованными нациями, означает прежде всего и главным образом достижение организационного превосходства над многими нациями, не сумевшими сплотиться ни для протеста, ни для структурного взаимодействия.

Командование в глобальном контексте воспринимается западными стратегами как квинтэссенция определенности во всем³⁸.

«Со времен Платона до времен НАТО, — пишет в связи с этим известный американский военный аналитик Мартин ван Кривельд, — история командования в войне содержала бесконечный призыв к определенности, включая:

— определенность относительно состояния дел и намерений вражеских сил;

— определенность относительно различных сопутствующих факторов, которые составляют в совокупности своей окружающую среду для войны (сюда можно отнести погодные условия, распространение радиоактивности или присутствие ядовитых химических веществ) и, наконец, что очень важно:

— определенность относительно состояния дел, намерений и действий своих собственных сил»³⁹.

Соединенные Штаты склонны рассматривать решение проблемы глобального командования исключительно по формуле: *U.S. only C²* (только американский контроль и американское командование в любой коалиции)⁴⁰. В этом своем намерении оно воспринимается как максимальное напряжение организационных, финансовых, информационных возможностей «сильных мира сего». В этом плане компьютеры играют наиболее существенную роль. Создание единого информационного пространства уже радикально изменило международно-политическую и экономическую жизнь народов планеты.

Индивидуумы, группы, фирмы и целые общества сплетаются невиданным доселе образом в единую информационную сеть. Поскольку информация и знания являются предпосылкой для демократического самоопределения, индивидуумы и группы могут добиться с их помощью прямо-таки качественной трансформации своей способности участвовать в общественной жизни. Особенно радикальные политические

последствия будет, видимо, иметь Интернет, вызывающий к жизни такую «международную политику», которая, открывая информацию для всех, индуцирует изменения в поведении и с помощью порождаемых этим процессов демократизации может оказывать миротворческое воздействие⁴¹.

Постоянно растущий Интернет может действительно внести свой вклад в глобализацию сфер жизни, цивилизацию политики, содействовать развитию демократии. Недемократические режимы, которые хотят воспользоваться преимуществами Интернета и современной коммуникации (и должны делать это в интересах собственных стратегий развития), раньше или позже не смогут уже закрывать своим гражданам свободный доступ к информации. Усилия одного правительства контролировать коммуникацию с Интернетом посредством определенных выходов (Китайская Народная Республика пытается, например, сделать это) потерпят в конечном счете неудачу, когда в ходе продолжающегося экономического развития неизмеримо возрастут электронные связи с внешним миром за счет использования расширяющейся телефонной сети или спутниковой коммуникации⁴².

Новейшие технологии, обеспечивающие Западу глобальное преимущество, предельно сориентированы на коалиционные действия в жесткой схеме «командование и контроль» (англ. Command and Control — C²), которая предполагает осуществление ярко выраженных управленческих функций в сочетании с весьма широким использованием человеческих ресурсов, разного вида организационных мероприятий и специального электронного снаряжения⁴³. К последнему Соединенные Штаты испытывают особенный пиетет. Не случайно же имели место быть различные американские государственные инициативы C² от Дж. Картера до У. Клинтона, включительно. Они-то и позволили США и Западу в целом создать известные спутниковые системы коммуникаций (DSCIII, SHF, MILSTAR, FLTSATCOM, EHF, UHF, JSTAR, JTIDS, NOMAD), с помощью которых электронное глобальное управление стало реальностью.

Разведке, опять-таки в глобальном смысле этого слова, Запад в целом уделяет исключительно важное значение по все тем же причинам эффективного управления в рамках нового мирового порядка⁴⁴.

Запад в целом рассчитывает на значительное перераспределение всех жизненно важных ресурсов планеты в свою пользу. Его новые стратегические установки полны прагматизма и реализма. В своей совокупности они конечно же составляют мощное организационное оружие, но применяя последнее на практике в условиях разрушения биполярной

структуры мира США и их союзники по НАТО утратили привычные ориентиры, поддавшись иллюзиям относительной возможности быстрого решения собственных внешнеполитических и иных проблем на фоне дезинтеграционных процессов. Это разблокировало те культурно-этнические, национальные, конфессиональные противоречия, которые связаны с попытками некоторых государств, считающих себя членами элитарного «клуба богатых цивилизованных стран», обеспечить свое благополучие за счет остального мира. В результате появился эффект противостояния Западу в целом со стороны крепнущих в Азии, Африке и Латинской Америке новых «центров силы», претендующих на лидерство. Разнонаправленность их целевых установок постоянно генерирует новые угрозы национальной и всеобщей безопасности, серьезность которых обуславливается тем, что по-прежнему одной из ведущих форм разрешения противоречий и главным средством достижения политических целей остается вооруженный конфликт, война.

О возможности нагнетания растущих противоречий внутри евроамериканской коалиции предупреждает З.Бжезинский.

«Каким бы ни было будущее, — подчеркивает он в своей работе «Великая шахматная доска», — разумно сделать вывод о том, что американское главенство в Европе столкнется с различными волнениями, возможно, с отдельными случаями насилия. Ведущая роль Америки потенциально не защищена от новых проблем, которые могут создать как региональные соперники, так и новая расстановка сил. Нынешняя мировая система с преобладанием Америки, снятием «угрозы войны» с повестки дня, стабильна, вероятно, только в тех частях мира, в которых американское главенство, определяемое долгосрочной геостратегией, опирается на совместные и родственные общественно-политические системы, связанные иностранными рамками»⁴⁵.

Таким образом, международное положение в мире ухудшается, тем более что объективно формируемая Западом в целом новая глобальная система международной безопасности продолжает быть весьма недоброжелательной по отношению к обновляющейся России.

«Что увеличивается быстрее: перечень развивающихся опасных процессов, докучающих человечеству, или число международных институтов и мер, призванных избавить всех живущих на Земле от таких бедствий? — пишет Вольфганг Вагнер, издатель журнала «Europe-Archive». — Ответить на этот вопрос не просто. Прошло уже почти пятьдесят лет с момента крушения первой, оказавшейся недостаточной попытки создать Лигу Наций, предпринимая которую мировое сообщество приступило к созданию институтов, призванных решать специфици-

ческие земные проблемы. В сравнении с историей человечества этот срок ничтожно мал. Поэтому было бы удивительно, если бы уже сегодня мы могли говорить о больших успехах. С другой стороны, не проходит и года без того, чтобы сообщество существующих на нашей планете государств не осознало появление новой напасти, с которой нельзя справиться, от которой невозможно хотя бы частично избавиться, если не предпринимать коллективных усилий.

Ни одна из значительных международных организаций, которые созданы в нынешнем столетии для борьбы с великими бедами и несчастьями человечества, не была до сих пор распущена на том основании, что смогла справиться с решением задач, которые перед нею ставились. И все же в некоторых областях достигнут существенный прогресс. Благодаря концентрированным усилиям мирового сообщества и медицинской науки, сфокусированным в деятельности Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), уже не внушают былого ужаса некоторые болезни, которые когда-то вызывали наибольшее количество смертей: чума, холера, оспа, детский церебральный паралич. Хотя сомнения в благословенности помощи развивающимся странам, кажется, нарастают по мере того, как увеличиваются ассигнования, выделяемые на эти цели богатыми и благополучными странами, но без такой помощи беды и несчастья людей в этом мире были бы еще больше.

Ныне идет, пожалуй, состязание между расставлением галочек перед уже решенными проблемами и появлением новых нападений человечества. Строятся и догадки, кто победит в этом соревновании, но объявлять победителя пока еще рановато. Впечатление, будто за каждую решенную проблему на человечество насылаются две новые, покоится частично на оптическом обмане. В большинстве случаев проблемы, за решение которых оно решительно берется, не являются новыми в том смысле, что они только что возникли. Скорее, на них только сейчас обратили внимание, что позволили сделать новые научные открытия, технические методы, или только теперь появились испытанные средства, позволяющие взяться за них самым серьезным образом. Например, только доклад Дэниса Медоуза и его коллег из Римского клуба, названный ими «Границы роста», довел фундаментальные проблемы человечества до массового сознания, а некогда недолюбливаемые сферы науки, такие, как космические полеты и биотехнологии, создали базу, позволяющую приступить к решению «новой» проблемы⁴⁶. Политические достижения в глобальном масштабе объявлены этим известным немецким журналистом-международником весьма значительными.

«Было бы слишком категорично отказывать политике в способности преодолевать кризисы и решать большие проблемы человечества, — справедливо отмечает он. — За последние десять лет мир освободился, благодаря достижениям политиков, от бремени многих закладных. Достаточно напомнить о трех событиях: окончание конфликта между Востоком и Западом, принуждение Ирака к выводу войск из завоеванного им и аннексированного Кувейта и прекращение кровопролития в Боснии и Герцеговине.

Мирное разрешение всемирно-исторических противоречий между Советским Союзом и Западом во главе с Соединенными Штатами Америки помогло по человеческому разумению обуздать в обозримом будущем величайшую опасность, когда-либо грозившую человечеству и исходящую от его же руки. Ядерный «холокост», который вследствие неверного политического решения или «по недоразумению» мог разразиться в любой момент, пока между двумя вооруженными до зубов ядерными сверхдержавами царил глубокий недоверие, хотя и не исключен полностью, но стал крайне маловероятным.

И это, вне всякого сомнения, заслуга политиков и государственных мужей, причем не только тех стран, которые были главными участниками конфликта. Отношения между всеми другими парами ядерных держав лишены подобного потенциала напряженности, в котором таятся столь большие опасности. И если в будущем появятся новые государства, обладающие ядерным оружием, и одно из них пустит его в ход, это не приведет к всемирному пожару. Человечество может считать себя свободным от такого кошмара.

Кроме того, вследствие окончания этого конфликта стали постепенно сокращаться самые большие накопления оружия, которые когда-либо существовали на ограниченном географическом пространстве — в Европе. На протяжении многих десятилетий постоянно высказывалось опасение, будто бы при таком всеохватывающем (и дорогостоящем) соперничестве в военной области обязательно наступит момент, когда эти средства насилия, даже если официально они и предназначались только для устрашения, будут пущены в ход. Это опасение также сошло на нет. Оно не сможет вновь запросто появиться на свет, поскольку все страны, которые были вовлечены в конфликт между Востоком и Западом, очень сильно заинтересованы в сокращении военных потенциалов. Европа избавилась от страха новой войны.

Уход Ирака из Кувейта, к чему его вынудили в ходе войны в Персидском заливе многонациональные силы, возглавленные Америкой, по своему политическому значению намного уступает окончанию кон-

фликта между Востоком и Западом. Но не следует недооценивать влияние этого события на развитие международных отношений в девятые и, возможно, в грядущие годы. Нападение Ирака на Кувейт и последующая аннексия означали, что впервые с момента создания Организации Объединенных Наций один из членов этой всемирной организации предпринял попытку стереть с лица земли другого ее участника. Это было самое тяжкое из всех мыслимых нарушений миропорядка под эгидой ООН. И если бы мировое сообщество допустило такое деяние, это широко распахнуло бы все двери и окна перед анархией в межгосударственных отношениях. Посему было принято политическое решение не жалеть никаких усилий и сорвать этот план. Оно связано, прежде всего, с именем американского президента Джорджа Буша. Это решение принесло свои плоды. Хотя оно и не могло гарантировать мир во всем мире, но все же положило конец грубейшему произволу.

Что же касается, наконец, боевых действий в Боснии, которые были скорее гражданской войной, чем выяснением отношений с помощью оружия между враждебными государствами, то от их окончания, конечно же, не зависело благосостояние человечества. Но если бы сообщество западных государств после своего успеха в конфликте между Востоком и Западом продемонстрировало неспособность положить конец взаимному растерзанию трех народностей, которые в течение многих столетий жили вместе и друг возле друга, это стало бы сигналом с невообразимыми последствиями. И здесь поворот к лучшему наметился после политического решения, которое не случайно вновь принял американский президент, на этот раз Билл Клинтон. Америка осталась единственной мировой державой, и поэтому ее решению последовал весь западный военный союз.

То, что в двух из трех этих случаев с конфликтом было покончено не с помощью переговоров и соглашений, а в результате применения военной силы, наводит на размышления. Но в главном конфликте мировой политики — между Советским Союзом и Западом — оружие играло лишь роль потенциала устрашения. Что же относится к конфликтам в Персидском заливе и в Боснии, то нельзя забывать, что применению вооруженной силы там предшествовало широкое использование мирных средств принуждения. Экономические санкции породили, по крайней мере в бывшей Югославии, такую фрустрацию и усталость от войны, что достаточно было просто продемонстрировать готовность прибегнуть к военной силе.

Можно констатировать тот факт, что во всех трех случаях Организация Объединенных Наций и ее органы не сыграли решающей роли.

Правда, Соединенные Штаты накануне войны в Персидском заливе, придавали большое значение тому, чтобы международные вооруженные силы, которые они организовывали, получили мандат Совета Безопасности. Но они ни на минуту не задумывались о том, чтобы привлечь ООН к войне в заливе. Предысторией военного вмешательства НАТО в Боснии послужило то обстоятельство, что действовавшие там силы ООН привлекали к себе внимание скорее своей беспомощностью, чем полезной активностью. К решениям, которые привели к окончанию конфликта между Востоком и Западом, эта всемирная организация вообще не имеет никакого отношения. Они были приняты столь далеко от ООН, словно этого центрального пункта управления мировой политикой вообще не существовало»⁴⁷.

Глобализация в своем конкретном воплощении оказывается явлением чрезвычайно сложным. По В. Вагнеру три следующих набирающих силу процесса привели к ухудшению перспектив успешного разрешения людьми на нашей планете основных проблем:

«1. Уже давно осознается опасность того, что население Земли возрастет настолько, что человеческое общежитие в том виде, в каком мы его наблюдаем, окажется более невозможным. Стремительное ускорение этого прироста в последние десятилетия ясно показало, что такая опасность быстро приближается, хотя его темпы в последнее время несколько снизились. Но до начала девяностых годов существовало лишь отдаленное представление о тех последствиях, которые возникнут, если плотность населения в каком-либо регионе превысит все мыслимые пределы. В общем и целом предсказывалась новая миграция, которой с тревогой ожидали особенно благополучные нации в Северном полушарии.

Сегодня, кажется, все больше и больше прокладывает себе дорогу понимание того, что причиной массовой резни в Африке, исходной точкой которой стали Руанда и Бурунди, в значительной степени является перенаселенность, наступившая во многих местах экваториальной Африки в результате безудержного роста населения в наше время. Если это соответствует действительности, то напрашиваются предположение и констатация: возможно, демографический взрыв представляет для индустриально развитых стран гораздо меньшую опасность, чем для людей в развивающихся государствах. И мы должны сами себе признаться в том, что мировое сообщество не просто растерянно и беспомощно застыло перед лицом дикой силы этих варварских кампаний массового уничтожения. Было еще хуже: сначала оно облегчило убийства, позволив размещенным там «голубым каскам» ООН уклониться, а когда

вновь организовало помощь, чтобы спасти преследуемых, то тем самым поддержало и убийц, сделав более легким их кровавый промысел. Мы потерпели политическое фиаско.

2. Всегда было ясно, что ущерб, который человек наносит окружающей его среде, каким-то образом связан с тягой к деньгам и наживе. Поэтому коммунистическим государствам, до тех пор, пока они вели идеологический спор с Западом, было легко обвинять в нанесении такого ущерба капиталистические страны, которые не делали никакой тайны из того, что к главным законам, которыми они руководствуются, принадлежит и получение максимальной прибыли. И только после крушения коммунистических режимов стало очевидно, что в отношениях с окружающей средой они действовали по меньшей мере столь же безоглядно, как наихудшие нарушители экологии в других частях мира, причем по вполне похожим причинам. Независимо от того, идет ли речь о загрязнении морей, утончении и разрушении озонового слоя, уничтожении многих видов животных и растений или тропических лесов — подоплекой всегда являются эгоистические мотивы.

Но в последние годы развитие событий во всем мире привело к повсеместному обострению конкуренции. Границы национальных государств представляют все меньшее препятствие для торговли, все больше и больше образуются всемирные рынки. В мире говорят сегодня о глобализации. Капитализм одержал победу по всему фронту, и вновь подтверждается, что прав был Йозеф Шумпетер, который назвал свой метод «творческой деструкцией». Участники ужесточившейся конкуренции вынуждены сводить к минимуму издержки производства. Следует ожидать, что многие из них еще в большей степени чем до сих пор будут пытаться обойти те предписания, исполнение которых связано с затратами; например, те, которые касаются защиты окружающей среды. А поскольку государствам из-за глобализации становится все труднее заставить выполнять предписания и не существует международных организаций, которые могли бы прийти им на помощь и заставить всех во всем мире делать это, проблемы в данной области намного возрастут.

3. В начале девяностых годов нам пообещали «новый миропорядок», который должен был даровать человечеству мир, демократию и право. И действительно, после этого практически не было войн между государствами. Но надежда на то, что сила и произвол утратят свою важную роль в международных отношениях и наступит надежный порядок, не оправдались.

Вооруженные конфликты, которыми раньше изобиловали межгосударственные отношения, во многих регионах переместились внутрь го-

сударств. И оказалось, что эти гражданские войны несколько не уступают по степени насилия, жестокости и количеству жертв прежним войнам. В этом отношении они представляют для мирового сообщества большую проблему, поскольку в его распоряжении нет пока испытанных и доказавших свою эффективность методов и механизмов, чтобы положить им конец. Серия кровавых оргий в районе Великих озер в Африке застала мир врасплох. Вместо нового порядка наблюдается множась анархия. Впервые заговорили о «конченных» странах, в отношении которых утеряны последние надежды, что там когда-нибудь будет восстановлен внутренний порядок. Даже в самых развитых странах все шире распространяется терроризм. Не ведая препятствий, развиваются такие формы международной преступности, как торговля наркотиками. До сих пор не найдено эффективных средств против действующих по всему миру преступных организаций, таких, как китайские триады. Кажется, что способность мирового сообщества устанавливать и поддерживать порядок не увеличивается, а убывает⁴⁸.

Существуют определенные негативные формы глобализации, очевидные для федеративных государств и не столь очевидные для унитарных, где власти сконцентрированы на государственном уровне. Прежде всего деятельность субъектов федерации за рубежом может осложнить возможность государства выступать «единым фронтом» на международной арене.

Другие слабые стороны федерализма включают:

- недостаточное сотрудничество на внутригосударственном уровне в поиске общих решений проблем, возникающих в связи с глобализацией;
- дублирование международных программ;
- серьезную и дорогостоящую конкуренцию между субъектами федерации за привлечение иностранных корпораций на территорию своей юрисдикции;
- недостаток национальных стандартов в ряде важных областей, включая законы об ответственности, фидуциарную ответственность, нормы в отношении охраны окружающей среды и т.д.;
- субнациональный протекционизм и другие барьеры, затрудняющие свободное перемещение товаров, услуг и людских потоков в пределах федерации, что создает препятствия местным товаропроизводителям в их попытках быть конкурентоспособными на международном уровне;
- частое столкновение интересов в области бюджетного федерализма;

— периодически возникающие дебаты по поводу того, какой уровень государственной власти имеет больше возможностей для решения широкого спектра возникающих проблем.

Глобализация также может обострять проблемы национального единства в «хрупких» федерациях в смысле их дезинтеграции⁴⁹.

С другой стороны, федеративные государства могут иметь и некоторые преимущества по сравнению с унитарными государствами в том, что касается решения проблем, связанных с глобализацией. Богатый опыт федераций в области внутригосударственных отношений позволяет им взаимодействовать с другими странами и их субнациональными подразделениями. Более того, региональные и местные органы власти в федерациях обычно имеют более полное представление о том, что происходит на местах и какие меры необходимы для улучшения благосостояния граждан. У них также имеются полномочия, гибкость в действиях и часто бюджетные ресурсы для проведения программ, которые, в случае успеха, могут быть взяты за основу другими субъектами федерации. Постоянная конкуренция между уровнями власти субъектов федерации за создание у себя условий, благоприятных для экономического развития, не дает успокоиться и всегда предполагает поиск новых инновационных решений. В идеале, такая гибкость и изобретательность должна дополняться преданностью делу национального экономического союза и отсутствием торговых и иных барьеров, которые затрудняют взаимоотношения между участниками федеративного союза⁵⁰.

Без сомнения, понадобится гораздо больше консультаций и сотрудничества на межгосударственном уровне, прежде чем федеративное государство сможет в полной мере воспользоваться преимуществами глобализации и минимизировать ее отрицательные эффекты. В качестве примера, одним из вопросов, который встанет перед федерациями, будет тот, как различные уровни власти внутри них могут выработать общую политику в отношении электронной коммерции, которая не признает никаких границ. Быстрый рост объемов электронной торговли может представлять угрозу для настоящей (а не виртуальной) розничной торговой сети, а также повлечь за собой снижение налогов с продажи и на недвижимость и увеличение количества безработных. Некоторые федеральные органы власти приняли решение не облагать налогами электронную коммерцию, таким образом давая этому виртуальному предприятию дополнительные льготы по сравнению с реальной локальной торговой сетью. И феномен глобализации, и развитие технологии будут иметь своим результатом целый ряд проблем, аналогичных проблеме с электронной коммерцией, и потребуют широких внутригосу-

дарственных консультаций и взвешивания всех «за» и «против» в отношении государственного и частного секторов⁵¹.

Входя в новый век, общество сталкивается с серьезной вероятностью того, что движение по пути к глобализации будет только усиливать взаимозависимость между экономическими процессами на местном, национальном и международном уровнях. Это не означает, что государственные границы совсем перестанут иметь значение (особенно в смысле перемещения товарных потоков), т.к. торговля внутри государственных границ, в смысле расстояния и объемов, все же в несколько раз больше, чем торговля через границы. Тем не менее дальнейшее развитие глобальной и региональной торговли и либерализация в области инвестиций, происходящая в связи с деятельностью в рамках Всемирной организации по торговле (WTO), Евросоюза, Североамериканского соглашения о свободной торговле (NAFTA), предложенного соглашения о Свободной экономической зоне американских континентов (FTAA) и других международных соглашений несомненно сократит разницу между объемами внутренней и международной торговли⁵².

Органы власти внутри федеративных государств должны задать себе вопрос, какими должны быть направления развития институтов власти и их деятельности в целях обеспечения эффективного взаимодействия между всеми уровнями власти, частным сектором и рабочей силой и другими группами в рамках частного сектора. Представители муниципальных органов власти тоже должны быть активно вовлечены в этот процесс, так как большинство федераций сильно урбанизированы и большие города — это «новая география централизации и разделения». Это означает, что большинство хорошо образованных и высокопрофессиональных работников, которые смогут воспользоваться преимуществами глобализации во всей их полноте, сосредоточено в больших метрополиях. И это также означает, что многие их тех, кто менее подготовлен, как, например, бедные слои населения, люди не закончившие образование, недавно переехавшие иммигранты и социальные меньшинства с меньшим количеством преимуществ часто оказываются сгруппированными внутри городских агломераций. Диалог на внутригосударственном уровне должен охватывать целый ряд вопросов, связанных с глобализацией и благосостоянием местного населения, включая:

- системы образования, приспособленные к эпохе информации;
- обучение и переобучение работников в связи с быстрой сменой технологий;
- развитие и поддержка объектов инфраструктуры на уровне мировых стандартов;

— новые стратегии в социальной сфере, адаптированные к демографическим и глобализационным тенденциям;

— обоснованный режим контроля за деятельностью и налогообложением частного сектора, который бы способствовал развитию его конкурентоспособности, одновременно давая органам власти возможность стоять на страже интересов своих граждан⁵³.

«Думай глобально, действуй локально» — это традиционный лозунг, который выражает желание видеть региональные и местные органы власти активными участниками на международной арене. Внутри федераций, однако, этот лозунг может стимулировать либо положительные, либо крайне разрушительные последствия, в зависимости от того, кто допускается к такому участию и строится ли сотрудничество между различными уровнями власти изначально на основе сотрудничества или же конфронтации⁵⁴.

Совершенно очевидна для всех федеральных государств, и для обволакивающей России, необходимость оперативного качественного решения задач, связанных с эффективной адаптацией к глобализации на пороге XXI века.

«Операция «глобальность для России», — отмечает М. Чешков, — не кажется безнадежной, поскольку имеет и определенные основания, и наличие агентов. Основанием служит гуманистическое сознание, зародившееся в 60-е годы и достигшее пика в эпоху перестройки. Более конкретно оно предстает в виде правозащитного и экологического сознания, агенты которых в различных общественных движениях ориентируются на общечеловеческие ценности и, даже может быть в перспективе, на общечеловеческую идентичность. Эти формы сознания противопоставляются и отвергаются сторонниками и западной либеральной модели, и неотрадиционалистами. Их оппозиционность имеет общее основание в том, что в их глазах мир и человечество заменяются Западом, который принимается или за идеал, или за носителя зла, что вполне соответствует мышлению атомистскому и редукционистскому. Гуманистическо-экологическое сознание представляет ту новейшую разновидность гуманизма (практический или критический гуманизм — агональный — по А. Нанда), который и несет в себе возможности выработки того, что мы называем глобализацией для России»⁵⁵.

Ответ Российского государства на вызовы глобализации должен быть хорошо структурированным. Пока его, к сожалению, нет, а Запад в целом данный ответ уже имеет, причем он его сформулировал постепенно, двигаясь от общего к частному:

— вначале были теоретически обоснованы положения о человечности, вселенском человеке, взаимозависимом, но весьма противоречивом обществе;

— затем было сделано все для определения параметров деятельности глобального гражданского общества;

— далее речь пошла о различных версиях глобального управления;

— и, наконец, дело дошло до образования нового мирового порядка, который становится константой всех институциональных мероприятий, осуществляемых Западом в целом на глобальном уровне.

Остается консолидированная организационная мощь индустриальных держав, применяемая повсеместно под эгидой США. Таким образом, чтобы понять смысл глобализации по-американски или по-западно-европейски, достаточно усвоить содержание «Полевого устава вооруженных сил Соединенных Штатов», нормативные документы военного комитета НАТО, а также военные директивы президента США последних лет XX века⁵⁶. Глобальное становится удивительно локальным и вполне конкретным явлением, когда речь идет о новейшей геостратегии США, НАТО и Запада в целом в ее непосредственном применении. С точки зрения новейшего миропонимания народы планеты должны обратить особое внимание на те экономические, политические, идеологические «частности», против которых решительно выступает Запад в целом, строя «новый мир» исключительно для себя.

Преодоление глобальных препятствий на пути прогресса человечества зависит от аккорда усилий всех людей доброй воли. Надежда последних на то, что устроители нового мирового порядка создадут весомые предпосылки для образования справедливого глобального сообщества — иллюзорны. В то же время целенаправленные действия прогрессивной мировой общественности с учетом новой парадигмы миропонимания и разумного глобализма были бы вполне приемлемы применительно к любому аспекту международно-политической жизни на планете. Прежде всего это касается приостановления гонки вооружений и решения важных народнохозяйственных задач на региональном и глобальном уровнях, не говоря уже о миротворчестве во всех его проявлениях.

Взаимосвязанный и взаимозависимый мир настоятельно требует от человечества отхода от традиционных методов обеспечения коллективной безопасности, внедрения новых инструментов глобальной дипломатии и предотвращения войны на планете в сочетании с новым эффективным противостоянием гонке вооружений и достижением состояния оптимума при распространении обычных и ядерных вооружений, не

говоря уже о процессе разоружения во имя сохранения жизни на Земле в целом⁵⁷.

Тенденция ко всестороннему всеобъемлющему подходу при решении сложнейших проблем разоружения и установления рамок устойчивого мира на современном этапе совершенно очевидна. Ведущие западные эксперты считают, что до 1960 г. «контроль за вооружениями» — лишь первые шаги по ограничению или прекращению гонки вооружений⁵⁸. С 1960 г. этот термин воспринимается как управление гонкой вооружений. Оно, конечно, охватывает эскалацию военной деятельности, которая поддается, и тому имеются примеры, регулированию посредством международных соглашений⁵⁹.

«Разоружение, — подчеркивает один из крупнейших американских специалистов по конверсии, сопредседатель сторонников безъядерного мира, Сеймур Мелмен, — это процесс, направленный на уменьшение влияния организаций, связанных с военной деятельностью, по взаимному согласию между правительствами. Взаимная договоренность по военным, политическим и экономическим вопросам в качестве ключевых элементов должна предполагать соглашения о тщательно спланированном, поэтапном, поддающемся проверке сокращении вооруженных сил, вооружений, бюджетов, а также военно-промышленных предприятий, научных учреждений, военных объектов и контингента лиц (гражданских и военнослужащих, находящихся в их распоряжении)»⁶⁰.

Совершенно очевидно, что ликвидация опасных последствий гонки вооружений сопряжена с комплексным решением проблем глобальной институционализации. Это же касается и достижения человечеством состояния всеобъемлющей безопасности.

«При определении глобальной безопасности, — пишет Майкл Интрилигатор, профессор экономики и политических наук, директор Центра по изучению международных и стратегических проблем при Калифорнийском университете в г. Лос-Анджелес, — все существующие в мире нестабильности и различные изменения международной ситуации должны быть учтены.

Особое значение имеет тот факт, что современные системы связи и сообщений резко усилили взаимосвязи и взаимозависимость на планете. В результате как глобальных нестабильностей, так и глобальных взаимозависимостей, традиционные методы обеспечения безопасности становятся все менее и менее подходящими, и политики и аналитики в равной степени пытаются создать новые механизмы безопасности. Традиционные методы направлены на достижение военной безопасности, главным образом в контексте «холодной войны» между Востоком и За-

падом, и в основном в Европе. По сути, сейчас наступило время огромных возможностей, время, когда политические деятели могут изменить мир. Чтобы найти подобный период перемен, неопределенности и возможностей, нужно было бы вернуться назад на четыре десятилетия, к периоду непосредственно после Второй мировой войны. Задача теперь состоит в том, чтобы создать новую систему глобальной безопасности, отражающую реальности современного мира, и в частности фундаментальные изменения, происходящие в международной системе в течение последних нескольких лет»⁶¹.

Майкл Интрилигатор, как и некоторые другие ведущие эксперты-международники рассматривает новейшую систему глобальной безопасности как отсутствие или эффективное предотвращение угроз жизненным интересам всей планеты⁶². Она непременно формируется из всевозможных структур безопасности регионального уровня, которые обеспечивают решение следующих задач:

Во-первых, сотрудничество стран некоторого данного региона должно способствовать лучшему взаимопониманию и позволять более точно оценивать намерения и потенциал из стран региона. Это позволило бы избежать непонимания и необоснованных подозрений. Если у одного из членов ассоциации появятся честолюбивые намерения, которые могли бы угрожать безопасности в регионе, такую угрозу можно было бы своевременно обнаружить и не дать ей развиться дальше. Разумеется, такая структура предполагает готовность к тесному сотрудничеству со стороны военных кругов, включая учреждения разведки, всех стран-членов.

Во-вторых, тесное взаимодействие между странами — членами региональной структуры безопасности отвратило бы угрозу агрессивных действий со стороны не входящих в данный регион держав. Даже если какая-либо посторонняя держава и обладала бы более мощными вооруженными силами и современными сложными видами оружия, сила единой региональной ассоциации заставила бы ее отказаться от любых наступательных действий, направленных против данного региона.

В-третьих, появилась бы возможность координации в производстве оружия и его закупках вне пределов региона. Государства-члены сохранили бы свой суверенитет и право принимать самостоятельные решения, однако при наличии тесного взаимодействия и рационального подхода к созданию наилучших условий для каждого из государств-членов можно было бы полагаться на то, что решения каждого из правительств будут совместимыми с общими интересами региона. Вероятно, можно было бы даже рационализировать производство с целью предотвратить

дублирование и обеспечить стандартизацию. Это благотворно повлияло бы на экономику всех стран-членов. Координация импорта не позволила бы иностранным производителям и правительствам играть доминирующую роль и в то же время не позволила бы той или иной стране-члену осуществлять чрезмерно большие закупки, которые могли бы стать дестабилизирующим фактором в регионе.

Несомненно, эта концепция региональной структуры безопасности предполагает готовность каждой страны региона к сотрудничеству в интересах безопасности. Это невозможно в регионах, в которых страны относятся друг к другу с подозрением и не проявляют готовности к улучшению отношений. В условиях, существующих в настоящее время на Ближнем Востоке, где Израиль и арабские страны считают друг друга врагами и где даже в среде самих арабов нет единства, такая структура была бы невозможной. То же можно сказать и о ситуации в Южной Азии, где неспособность народов преодолеть традиционный антагонизм помешала бы достижению взаимопонимания, которое является главным условием для достижения взаимного доверия и тесного сотрудничества, Юго-Восточная Азия, в основе единства которой лежит Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН), представляется одним из тех достаточно зрелых регионов, в которых такая структура может быть реализована⁶³.

«В рамках региональной структуры безопасности, — подчеркивает М. Интрилигатор, — было бы возможно более эффективное сотрудничество в деле разоружения и контроля над вооружениями. Мог бы быть введен запрет на биологическое и химическое оружие. Появилась бы возможность предотвратить распространение ядерного оружия и ввести количественные и качественные ограничения для этого оружия. Возможным стало бы также урегулирование размеров вооруженных сил и категорий обычных вооружений таким образом, чтобы они обеспечивали достаточную степень обороноспособности и безопасности, но не представляли бы угрозы для других государств.

Однако для реализации всех этих мер необходимо, чтобы во всех странах-членах существовала демократическая система. Разумеется, каждая страна-член обладает суверенным правом устанавливать у себя ту или иную политическую систему. Тем не менее ассоциация также имела бы право обезопасить регион от отрицательных последствий существования авторитарного режима в той или иной стране региона. Используя мирные средства, например экономические санкции и распространение информации с помощью электронных средств массовой информации, ассоциация и ее члены могли бы способствовать развитию

здоровых политических процессов в регионе. Очень хорошим примером такого рода может служить сдвиг в сторону демократии в Восточной Европе, чему способствовало воздействие извне»⁶⁴.

На глобальном уровне Организация Объединенных Наций должна продемонстрировать свою способность играть важную роль в регулировании международных отношений и в предотвращении войн. Основным органом принятия решений является Совет Безопасности действующий при поддержке прочих органов Организации Объединенных Наций.

«Однако, — предлагал М. Интрилигатор в 1991 г., — в самой Организации Объединенных Наций необходимо в первую очередь произвести структурные изменения в членском составе Совета Безопасности. В настоящее время более не представляется реалистичным, чтобы постоянными членами Совета Безопасности были пять государств-победителей во Второй мировой войне. С тех пор прошло уже почти полвека, и в мире за это время произошло много кардинальных изменений. Конечно, такие государства, как Соединенные Штаты, Советский Союз и Китай, оказывают влияние в масштабах всего мира. В то же время Франция и Соединенное Королевство являются сейчас, и останутся в будущем, лишь рядовыми членами Европейского сообщества. В глобальном масштабе их влияние не превосходит влияния Японии и Индии. Поскольку каждому постоянному члену принадлежит право вето, дающее ему возможность навязывать свою точку зрения на глобальном уровне, постоянная структура более не может признаваться соответствующей потребностям мирового сообщества в настоящее время и в будущем.

В новой структуре Совета Безопасности должны быть лучше отражены действительные реалии современной мировой политики. Помимо Японии и Германии, значение которых в мировой политике возрастает, следует обращать внимание и на некоторые страны, пользующиеся большим влиянием на региональном уровне.

Изменения, наступившие после окончания "холодной войны", положительно повлияли на Организацию Объединенных Наций, поскольку сейчас Соединенные Штаты и Советский Союз в целом сотрудничают друг с другом и больше не составляют в применении права вето при принятии всех важных решений. Мы заинтересованы в том, чтобы такое положение сохранялось и впредь. Это означает, что мы ждем дальнейших изменений в Советском Союзе, которые гарантировали бы продолжение демократического процесса.

Процесс разоружения необходимо подкрепить решениями на уровне Организации Объединенных Наций. Однако еще большее значение

имеют переговоры о контроле над вооружениями и соглашениями между Соединенными Штатами и Советским Союзом о сокращении стратегических вооружений, ликвидации их запасов химического оружия и по другим аспектам разоружения. Можно ожидать, что роль Организации Объединенных Наций в вопросах разоружения усилится после того, как две сверхдержавы заключат и реализуют соглашения о своих обычных вооруженных силах и других видах оружия.

Более сильная Организация Объединенных Наций сможет оказывать влияние на состояние безопасности на региональном уровне. Это особенно важно для регионов, в которых страны испытывают значительные трудности в разрешении старых предубеждений и неспособны поддерживать конструктивные отношения со своими соседями. Использование методов политического и экономического давления, вероятно, способствовало бы изменению такого положения.

Региональное сотрудничество и решения, принятые на уровне Организации Объединенных Наций, позволят лучше, чем в прошлом, регулировать производство и передачу оружия. Необходимо исключить впереди возможность эксплуатации развитыми индустриальными странами бедных развивающихся стран путем продажи им в больших количествах дорогостоящих сложных видов оружия. В будущем Совету Безопасности следует применять экономические и иные санкции к любой стране, практикующей такие действия»⁶⁵.

Организация Объединенных Наций действительно вполне способна использовать санкции, включая применение силы, против стран, не желающих следовать ее правилам и решениям⁶⁶. Поэтому важно, чтобы Совет Безопасности мог вырабатывать решения, поддерживаемые всеми его членами или большинством из них, и чтобы его действия не были парализованы применением права вето в тех случаях, когда он сталкивается с фактом серьезных нарушений его решений любой страной⁶⁷.

«Вплоть до недавнего времени применение силы от имени Организации Объединенных Наций осуществлялось главным образом вооруженными силами Соединенных Штатов. Примером может служить война в Корее в 50-х годах, а также конфликт в районе Персидского залива начала 90-х годов XX века, — пишет М. Интрилигатор, — поскольку действия, предпринимаемые Организацией Объединенных Наций, являются коллективными действиями ее членов, нельзя создавать впечатления, что санкции Организации Объединенных Наций являются главным образом делом Соединенных Штатов. Все другие члены Организации, включая Советский Союз, должны в равной мере участвовать в осуществлении санкций. Для этого потребуются внести изменения в

конституцию некоторых влиятельных членов Организации, таких, как Япония, конституция которой запрещает использование вооруженных сил как средства решения международных проблем. Именно по этой причине Япония не направила свои силы для участия в иракско-кувейтском конфликте.

Необходимость совместных военных акций в целях осуществления санкций предполагает также, что Организация Объединенных Наций должна быть способна эффективно проводить военные операции. Следует рассмотреть возможность создания немногочисленного военного штаба, который подчинялся бы Совету Безопасности. Международный штаб мог бы также регулярно проводить штабные учения с участием офицеров генеральных штабов государств-членов, с тем чтобы знакомить их с основными стратегическими и тактическими концепциями и тем самым облегчить проведение любых возможных совместных военных операций. В то же самое время военный штаб мог бы руководить действиями сил Организации Объединенных Наций по поддержанию мира в таких опасных районах, как Ближний Восток.

Сочетание национальной устойчивости, регионального сотрудничества в интересах безопасности и более заметной роли Организации Объединенных Наций, особенно Совета Безопасности, в решении международных проблем должно послужить верной основой для будущей структуры глобальной безопасности. Для реализации этой идеи необходимо сотрудничество со стороны всех государств и, особенно, наиболее крупных из них»⁶⁸.

На современном этапе утверждение и практическое воплощение концепции глобальной безопасности логически увязывается с осуществлением разных программ разоружения в региональном и глобальном контексте. В этой связи чрезвычайно важной остается проблема эффективного контроля за торговлей оружием на планете посредством специальных международных и многосторонних механизмов⁶⁹. К числу подобных принадлежит прежде всего регистр международной торговли оружием Стокгольмского института изучения проблем мира (СИПРИ), и регистр оружия массового уничтожения ООН, призванный обращать внимание мировой общественности на опасные последствия гонки обычных и ядерных вооружений⁷⁰.

Данные усилия дополнены аналогичной деятельностью Европейского сообщества и Японии, а также различными международными конференциями по разоружению, систематически организуемыми ООН, ОБСЕ, другими влиятельными международными объединениями, министерствами иностранных дел и ведомствами обороны ведущих индуст-

риальных держав и некоторыми неправительственными (частными) аналитическими учреждениями⁷¹. Важную роль в наблюдении за процессами разоружения в различных регионах земного шара играют всевозможные инспекции, смысл деятельности которых «на местах» сводится к тому, чтобы в перспективе контроль за обычным и ядерным вооружением и торговлей оружием в целом был всеобъемлющим, а, значит, глобальным.

Сейчас все, что касается глобального разоружения, приобретает черты вполне конкретного (локального, государственного, регионального, межрегионального) перевооружения, с учетом особого внимания правящих кругов США и их союзников на категории, High-Tech и High-Home, сложная комбинаторика которых, возможно и будет способствовать образованию в обозримом будущем системы наиболее эффективно действующих международных отношений на нашей планете. Впрочем, в контексте тех глобальных изменений на уровне международных отношений «Восток-Запад», которые начали происходить на рубеже 80-90-х годов, Североатлантический союз уже сумел существенно укрепить основы военно-политического сотрудничества промышленно развитых держав под эгидой США⁷². Совершенствованию НАТО способствовали принятие в 1967 году доктрины Армеля, суть которой заключалась в достаточном обеспечении обороны и формальном провозглашении стремления к ослаблению напряженности на Европейском континенте, переход в 1969 году правительства Федеративной Республики Германии к «Остполитик» Вилли Бранта, направленной на установление более позитивных отношений с восточноевропейскими странами, намечаемых внутренней и внешней политикой их правительств, а также принятие в августе 1975 г. Хельсинского заключительного акта СБСЕ, установившего новые стандарты обсуждения вопросов прав человека и впервые утвердившего меры по укреплению взаимного доверия между Востоком и Западом⁷³.

В 80-е гг. развитие отношений между Востоком и Западом было отмечено не менее важными событиями. К ним обычно относят: развертывание НАТО ядерных средств промежуточной дальности в Европе после принятия в декабре 1979 г. двойного решения о модернизации ядерного арсенала и контроле над вооружениями; последовавший за этим Вашингтонский договор, подписанный в декабре 1987 г., который в конечном счете привел к ликвидации американских и советских ядерных ракет промежуточной дальности; первые признаки перемен в Восточной Европе, связанные с появлением и признанием, несмотря на его последующие неудачи, независимого профсоюзного движения «Соли-

дарность» в Польше в 1980 г.; последствия ввода советских войск в Афганистан в декабре 1979 г. и их окончательный вывод из этой страны в феврале 1989 г. и выдвижение в марте 1985 г. М.С. Горбачева на пост Генерального секретаря Коммунистической партии Советского Союза⁷⁴.

Не случайно в марте 1989 г. в Вене начались новые многообещающие переговоры в рамках СБСЕ по контролю над вооружением между 23 странами НАТО и Организацией Варшавского договора (ОВД), посвященные сокращению обычных вооруженных сил в Европе.

На фоне этих событий встреча стран, членов НАТО, на высшем уровне, произошедшая в Брюсселе в конце мая 1989 г, имела особое значение, поскольку были опубликованы два важных заявления Североатлантического союза: Декларация по случаю сороковой годовщины Североатлантического союза, в которой устанавливались цели и политика союзников на пятое десятилетие их сотрудничества, и Всеобъемлющая концепция контроля над вооружениями и разоружения⁷⁵.

В Декларации встречи на высшем уровне 1989 г. признавались перемены, происходившие в Советском Союзе и других восточноевропейских странах, обозначился подход Североатлантического союза к преодолению раскола Европы и установлению в ней нового справедливого и мирного порядка, подтверждалась постоянная необходимость наличия надежных и эффективных сил сдерживания и обеспечения достаточного уровня обороны, а также одобрялась инициатива президента Дж. Буша по контролю над вооружениями, суть которой сводилась к призывам ускорить переговоры об ОБСЕ в Вене, а также значительно сократить дополнительные категории обычных вооруженных сил и численность военного персонала США и СССР, размещенного за пределами государственных границ обеих стран. В документе были обозначены широкомасштабные мероприятия, предполагавшие сотрудничество Востока и Запада в военно-политической области, на условиях НАТО, разумеется⁷⁶.

После выхода Польши, Венгрии, Болгарии, Чехословакии, Румынии из-под влияния СССР и объединения Германии Североатлантический союз отнюдь не утратил своего положения, по-прежнему представляя собой структуру, обеспечивающую необходимую базу для консультаций между странами-членами и координации их политики в целях контроля над всевозможными кризисами, тогда как Организация Варшавского договора распалась стремительно.

В 1991 г. НАТО опубликовало свою новую стратегическую концепцию, основанную на широком подходе к международной безопасности⁷⁷.

При определении институциональной основы будущей системы международных отношений документ исходил из того, что в условиях меняющегося мира какой-либо один институт не в состоянии справиться с комплексным решением стоящих перед объединенной Европой и США задач.

Безопасность была объявлена неделимой. В связи с этим принципом, нападение на одного члена Североатлантического союза является нападением для всех. Присутствие североамериканских войск и наличие войск, специально предназначенных для использования в Европе, до сих пор остается жизненно важным для обеспечения европейской безопасности, которая неразрывно связывается с безопасностью Северной Америки. Не удивительно поэтому, что в изменившихся обстоятельствах силы НАТО подвергаются существенной модернизации. Им придается большая мобильность в целях повышения способности быстрого реагирования на любое изменение обстановки.

В стратегической концепции 1991 г. особо подчеркнута необходимость глобального подхода к безопасности Североатлантического союза. Данная перспектива и обусловила появление концепции расширения НАТО. При этом важной инициативой Североатлантического союза явилась программа «Партнерство во имя мира» (ПВМ)⁷⁸.

На состоявшейся в январе 1994 г. встрече на высшем уровне в Брюсселе руководители заявили: «Мы приняли решение немедленно приступить к выполнению практической программы, которая приведет к изменению отношений между НАТО и государствами-участниками. Эта новая программа выходит за рамки диалога и сотрудничества и преследует цель установления подлинного партнерства — Партнерства во имя мира»⁷⁹.

Государства, входящие в Совет североатлантического сотрудничества (ССАС), и другие страны СБСЕ, способные и готовые внести свой вклад в эту программу, получили приглашение присоединиться к странам — членам НАТО в рамках этого партнерства. Североатлантический совет предложил государствам-партнерам принять участие в проводимой в штаб-квартире НАТО работе политических и военных органов, относящейся к партнерской деятельности. Это партнерство призвано расширить и активизировать политическое и военное сотрудничество по всей Европе, повысить стабильность, уменьшить масштабы опасностей, угрожающих миру, и построить более прочные отношения посредством утверждения духа практического сотрудничества и приверженности принципам, лежащим в основе деятельности Североатлантического союза⁸⁰.

НАТО обязалось проводить консультации с любым активным участником партнерства, если он почувствует прямую угрозу своей территориальной целостности, политической независимости или безопасности. При соблюдении темпов и масштабов, определяемых возможностями и желанием отдельных государств, принимающих участие в этой программе, НАТО выразило также намерение вести конкретную работу с партнерами с целью достижения транспарентности в деле выделения средств на оборону, содействовать демократическому контролю над министерствами обороны, совместному планированию, совместному проведению военных учений и обретению способности к взаимодействию с войсками НАТО в таких областях, как поддержание мира, проведение поисково-спасательных и гуманитарных операций и т.д. на основе достигнутой договоренности⁸¹.

Следует подчеркнуть, что процесс, приведший к инициативе «Партнерство во имя мира», начался с решений, принятых на Лондонской (в мае 1990 г.) и Римской (в ноябре 1990 г.) встречах на высшем уровне, повестки дня которых были посвящены преобразованию НАТО после окончания «холодной войны». Ключевым моментом этого процесса стало образование 6 декабря 1991 г. Совета североатлантического сотрудничества — специальной структуры, обеспечивающей проведение диалога и организацию сотрудничества между Североатлантическим союзом, странами Центральной и Восточной Европы, а также новыми независимыми государствами, образовавшимися на территории бывшего Советского Союза⁸².

Программа «Партнерство во имя мира» была создана в рамках Совета североатлантического сотрудничества. Она опирается на сделанное ССАС в этой области и открывает путь к дальнейшему углублению и расширению сотрудничества Североатлантического союза со странами Центральной и Восточной Европы, а также другими государствами — участниками партнерства с целью укрепления безопасности и стабильности в Европе и на всей территории, входящей в сферу действия ССАС. Для обеспечения максимальной эффективности вся деятельность в соответствии с программой «Партнерство во имя мира» координируется с другими видами деятельности, осуществляемой в рамках ССАС. Сюда входит постепенное включение в программу ПВМ относящейся к обороне практической деятельности по военному сотрудничеству. По-прежнему выполняются мероприятия ССАС по сотрудничеству, содержащиеся в Рабочем плане ССАС и охватывающие области, не вошедшие в программу «Партнерство во имя мира», включая регулярные консультации по вопросам политики и безопасности⁸³.

В качестве конкретных целей такого партнерства были объявлены:

- содействие достижению транспарентности в планировании национальной обороны и выделении средств на оборону,
- обеспечение демократического контроля над силами обороны,
- поддержание способности и готовности вносить свой вклад в операции, проводимые под эгидой ООН или входящие в компетенцию СБСЕ с учетом положений национальных конституций,
- развитие в военной области основанных на сотрудничестве отношений с НАТО в целях организации совместного планирования, боевой подготовки и военных учений для расширения возможностей участников программы ПВМ по проведению операций по поддержанию мира, поисково-спасательных, гуманитарных и других операций, по которым впоследствии может быть достигнута договоренность,
- формирование в долгосрочной перспективе сил, имеющих большие возможности взаимодействия с вооруженными силами стран — членов Североатлантического союза⁸⁴.

Новая программа играет важную роль в процессе постепенного расширения НАТО, о котором правительства Североатлантического союза сразу же заявили, что «ожидают и будут приветствовать его как часть эволюционного процесса, учитывающего развитие событий в области политики и безопасности на всей территории Европы». В статье 10 Вашингтонского договора не случайно предусматривается подобное расширение с включением в Североатлантический союз других европейских государств, готовых развивать принципы этого договора и вносить свой вклад в обеспечение безопасности Северной Атлантики⁸⁵.

Для оформления своего участия в программе «Партнерство во имя мира» государства обязаны были подписать Рамочный документ и согласиться защищать существующие демократические общества, соблюдая принципы международного права. Они также заявили, что будут добросовестно выполнять обязательства, вытекающие из Устава Организации Объединенных Наций, и соблюдать положения Всеобщей декларации прав человека, включая отказ от применения силы или угрозы ее применения в отношении территориальной целостности или политической независимости любого государства, а также уважение существующих границ и мирное решение споров. Кроме того, государства, официально оформившие свое участие в программе «Партнерство во имя мира», подтвердили взятое на себя обязательство соблюдать положения Хельсинского заключительного акта и всех последующих документов СБСЕ, а также выполнять взятые на себя обязательства в области разоружения и контроля над вооружениями⁸⁶.

В соответствии с достигнутыми договоренностями каждый партнер представил руководству НАТО презентационный документ, в котором определялись масштабы, темпы и уровень участия в мероприятиях НАТО по сотрудничеству, включая совместное планирование, боевую подготовку, учения и пр. Кроме того, в презентационном документе указывались меры, намеченные каждым партнером для достижения политических целей партнерства, а также военные и другие силы и средства партнера, которые могут быть предоставлены им для деятельности по программе этого партнерства. В современных условиях подобный документ до сих пор служит основой для разработки индивидуальной программы партнерства, подлежащей согласованию между НАТО и партнером. Согласно принятым НАТО правилам, партнеры должны сами финансировать свое участие в мероприятиях, проводящихся в рамках партнерства, и стараться брать на себя часть постоянно растущих расходов на проведение военных учений, участниками которых они являются.

Военно-политический руководящий комитет, выполняющий функции рабочего органа программы «Партнерство во имя мира», обычно заседает под председательством заместителя генерального секретаря НАТО. Заседания могут иметь различную форму и представлять собой встречи союзников по НАТО с отдельными партнерами для изучения соответствующих вопросов, относящихся к индивидуальной программе партнерства присутствующей на заседании страны. Кроме того, проводятся заседания с участием всех партнеров по ССАС/ПВМ с целью обсуждения общих вопросов партнерства во имя мира, обеспечения транспарентности, индивидуальных программ партнерства и рассмотрения всей проводимой в его рамках рабочей программы.

В целях содействия мероприятиям по сотрудничеству странам — партнерам ССАС и другим государствам, участвующим в программе ПВМ, предлагается постоянно направлять офицеров связи в штаб-квартиру НАТО и в отдельную группу по координации партнерства в Монсе (Бельгия), где располагается также штаб Верховного главнокомандующего объединенными вооруженными силами НАТО в Европе. Находясь в подчинении Североатлантического совета, группа по координации партнерства несет ответственность за координацию совместной военной деятельности по программе «Партнерство во имя мира» и за военное планирование, необходимое для реализации программ партнерства.

Группу по координации партнерства возглавляет директор, в обязанности которого входит проведение консультаций и согласование

действий с руководящими военными органами НАТО по вопросам, имеющим непосредственное отношение к мероприятиям в рамках программы ПВМ. Подробное оперативное планирование военных учений относится к сфере компетенции проводящего учения военного командования. В состав группы входит также небольшое число постоянных штатных сотрудников и персонал, выполняющий секретарские и административные функции.

Когда министры иностранных дел стран НАТО и ССАС собрались в Стамбуле в июне 1994 года для проведения своей очередной весенней встречи, им удалось подвести промежуточные практические итоги выполнения программы «Партнерство во имя мира» за период, прошедший со времени январской встречи на высшем уровне. Министры выразили свое удовлетворение тем, что к программе ПВМ уже присоединилось значительное число стран, и надежду на присоединение к программе еще нескольких стран, имеющих возможность и проявивших готовность внести свой вклад в эту программу. Три такие страны, участвующие в СБСЕ, но не являющиеся членами ССАС, — Словения, Финляндия и Швеция — присоединились к программе ПВМ. Ожидается присоединение к ней и других стран. Подобные государства участвуют в обсуждении вопросов, включенных в ПВМ, и принимают участие в других мероприятиях по линии ССАС в качестве наблюдателей.

К декабрю 1994 г. министры иностранных дел уже могли констатировать, что программа «Партнерство во имя мира» становится важным компонентом европейской безопасности, позволяющим НАТО и ее партнерам наладить между собой связи и заложить основу для совместных действий в решении общих проблем безопасности.

К тому времени к программе ПВМ присоединилось двадцать три страны, многие из которых уже согласовали с НАТО свои индивидуальные программы партнерства. Группа по координации выполнения программы «Партнерство во имя мира» в Монсе была полностью готова к работе, и началось осуществление практического планирования. Самая интенсивная работа велась в сфере подготовки военных учений, намеченных на 1995 г. в рамках программы ПВМ. Ряд стран, участвующих в реализации этой программы, уже направил в группу по координации своих офицеров связи, а представители стран — участниц программы заняли служебные помещения, предоставленные в крыле штаб-квартиры НАТО, названном в честь Манфреда Вернера. Три учения, проведенных осенью 1994 г., положили начало практическому военному сотрудничеству, призванному повысить общий потенциал участников программы. Наряду с этим увеличилось число военных учений,

проводящихся в духе программы «Партнерство во имя мира» при поддержке национальных правительств.

На декабрьской встрече министры иностранных дел поручили постоянной сессии Североатлантического совета, военному руководству НАТО и группе по координации выполнения программы «Партнерство во имя мира» ускорить выполнение индивидуальных программ партнерства и вновь подтвердили свои обязательства по предоставлению необходимых ресурсов. Министры также утвердили процесс планирования и анализа в рамках программы ПВМ, в основу которого положен двухгодичный цикл планирования, начинающийся с января 1995 г. Этот процесс призван улучшить оперативную совместимость и повысить уровень транспарентности стран-членов Североатлантического союза и стран-партнеров по сотрудничеству. На своей встрече в декабре 1994 г. министры обороны государств НАТО подчеркнули особое значение этого процесса как средства достижения двух из главных целей программы «Партнерство во имя мира» — более тесного сотрудничества и большей транспарентности в национальном военном планировании и бюджетном финансировании расходов на оборону. Министры подтвердили, что программа «Партнерство во имя мира» обеспечивает эффективный механизм развития значительного военного потенциала, необходимого для эффективного взаимодействия с НАТО и улучшения оперативной совместимости между НАТО и партнерами по сотрудничеству. Оба эти компонента представляют собой одинаковую ценность для всех стран-партнеров независимо от того, стремятся они к вступлению в НАТО или нет.

Постоянной сессии Североатлантического совета было поручено изучить вопрос о том, как наилучшим образом распределить ресурсы в рамках бюджета НАТО. Для обеспечения максимальной эффективности министры договорились об обмене информацией о соответствующих национальных усилиях по оказанию двусторонней помощи, направленной на достижение усилий стран-партнеров по сотрудничеству, принимаемых с целью организации планирования, необходимого им для финансирования собственного участия в реализации программы «Партнерство во имя мира».

Россия присоединилась к программе «Партнерство во имя мира» в 1994 г., поставив свою подпись под Рамочным документом программы ПВМ рядом с подписями остальных государств-участников. Североатлантический союз и Россия достигли договоренности о развитии далеко идущих отношений сотрудничества как в рамках программы ПВМ, так и вне ее. Индивидуальная программа партнерства во имя мира объявля-

на как широкая, соответствующая размерам, значению и потенциалу России. Североатлантический союз и Россия выразили стремление к развитию все более широкого диалога и сотрудничества в областях, в которых Россия может внести уникальный и важный вклад, соответствующий ее положению на международной арене и соразмерный с ее ответственностью крупной европейской и мировой ядерной державы. Они договорились обмениваться информацией по вопросам политики и безопасности, имеющим общеевропейское значение, по мере необходимости проводить политические консультации по тематике, представляющей взаимный интерес, и сотрудничать в решении ряда проблем, касающихся безопасности, включая поддержание мира. Развитие отношений Североатлантического союза с Россией, служащее укреплению взаимного доверия и повышению открытости, формально призвано отражать их общие цели, а также дополнять и укреплять отношения союза со всеми другими государствами. В документах НАТО зафиксировано, что оно не направлено против третьих стран и является транспарентным для других партнеров. Конструктивные, ориентированные на сотрудничество мероприятия Североатлантического союза, нацеленные на взаимодействие с Россией обязательны как шаги по укреплению безопасности и стабильности в Европе, отвечающие интересам всех других государств, находящихся в зоне действия СБСЕ/ОБСЕ.

На своей встрече, состоявшейся в конце 1994 г. в рамках сессии Североатлантического совета на уровне министров, министры иностранных дел стран — членов НАТО сочли вновь необходимым высказать мнение о том, что построение совместной структуры европейской безопасности требует активного участия обновляющейся России.

В связи с этим Североатлантический союз предложил использовать регулярные заседания на уровне министров для проведения встреч с российскими министрами в тех случаях, когда такие встречи представляются полезными. Были одобрены политические и экономические реформы в России, высказана особая радость по поводу завершения вывода российских войск из Германии и балтийских государств, а также подписано соглашение, предусматривающее вывод 14-й российской армии из Молдовы.

После состоявшегося 1 декабря 1994 г. заседания Североатлантического совета на уровне министров, министры иностранных дел стран — членов НАТО провели второе заседание Совета, на котором присутствовал министр иностранных дел Российской Федерации А.В. Козырев. Это заседание проводилось с целью официального утверждения Индивидуальной программы партнерства России с НАТО в рамках ПВМ, а

также программы широкого и содержательного диалога между НАТО и Россией за пределами ПВМ. На заседании А.В. Козырев поставил Североатлантический совет в известность о том, что Россия не может согласиться на немедленное утверждение упомянутых программ, поскольку российскому правительству потребуется время для изучения возможных последствий заявлений, содержащихся в коммюнике Североатлантического совета, которое было принято в конце состоявшегося ранее в тот же день заседания Совета, включая замечания по поводу будущего расширения Североатлантического союза.

Украина присоединилась к программе «Партнерство во имя мира» в феврале 1994 г., когда министр иностранных дел этой страны А. Зленко посетил штаб-квартиру НАТО для подписания Рамочного документа программы «Партнерство во имя мира». Позднее, а именно 25 мая 1994 г., Украина передала в НАТО свой Презентационный документ ПВМ. В коммюнике, опубликованном после состоявшегося 1 декабря заседания Североатлантического союза, министры иностранных дел стран НАТО отметили, что придают большое значение развитию отношений между НАТО и Украиной, и выразили надежду на скорейшее завершение разработки Индивидуальной программы партнерства Украины в рамках ПВМ.

Логика действий НАТО в рамках программы «Партнерство во имя мира» и расширение НАТО в целом полностью соответствуют обновленной геостратегии, которая осуществляется Западом под эгидой США.

«Расширение НАТО, — подчеркивается в специальном исследовании, подготовленном экспертами Североатлантического союза в сентябре 1995 г., — будет способствовать укреплению стабильности и безопасности в Евро-Атлантическом регионе следующим образом:

- поощрять и поддерживать демократические реформы, включая гражданский и демократический контроль над вооруженными силами;
- способствовать развитию в странах — новых членах союза форм и навыков сотрудничества, проведения консультаций и достижения консенсуса, что является характерным для отношений, существующих в настоящее время между союзниками;
- развивать добрососедские отношения, выгодные для всех стран Евро-Атлантического региона, как членов НАТО, так и таковыми не являющимися;
- усилить совместную оборону и распространять ее преимущества, а также увеличивать транспарентность оборонного планирования и военного бюджета и, таким образом, уменьшить вероятность нестабиль-

ности, которая может быть вызвана подходом к оборонной политике исключительно в интересах того или иного государства;

- укреплять стремление к интеграции и сотрудничеству в Европе, основывающееся на единых демократических ценностях и, таким образом, сдерживать противодействующую тенденцию дезинтеграции по этническим или территориальным признакам;

- усилить способность союза содействовать европейской и международной безопасности, в том числе миротворческую деятельность по уполномочиванию ОБСЕ и миротворческие операции под эгидой Совета Безопасности ООН, и через другие, новые, виды деятельности;

- укреплять и расширять трансатлантическое партнерство.

Расширение союза будет происходить через присоединение к Вашингтонскому договору новых стран. Оно должно:

- согласовываться с целями и принципами Устава ООН и способствовать их дальнейшему развитию, гарантировать свободу, общее наследие и ценности цивилизации всем членам союза и народам этих стран, на основе принципов демократии, свободы личности и верховенства права. Новые члены должны соблюдать эти основные принципы;

- строго согласовываться со статьей 10 Вашингтонского договора, в которой говорится, что «... стороны могут, по всеобщему согласию, предлагать любому другому европейскому государству, способному развивать принципы настоящего договора и вносить свой вклад в безопасность Североатлантического региона, присоединиться к настоящему договору...»;

- исходить из того, что новые члены будут пользоваться всеми правами и принимать на себя все обязательства по Вашингтонскому договору,

- усиливать действенность и сплоченность союза, поддерживать его политический и военный потенциал для осуществления основных функций совместной обороны, миротворческих операций и других новых видов деятельности;

- являться частью общеевропейской структуры безопасности, основывающейся на подлинном сотрудничестве во всей Европе;

- принимать во внимание важность, в настоящем и будущем, роли ПВМ, деятельность которой направлена на подготовку заинтересованных партнеров через их участие в ее работе, на использование преимуществ и выполнение обязательств, связанных с их возможным членством в НАТО, а также служит средством укрепления отношений со странами-партнерами, которые не собираются вступать в союз или вообще, или в ближайшем будущем. Активное участие в программе «Партнерст-

ве во имя мира» будет играть важную роль в эволюционном процессе расширения НАТО;

- дополнять параллельный процесс расширения Европейского союза, который также, в свою очередь, способствует безопасности и стабильности новых демократий на Востоке.

Новые члены, на момент их вступления, должны, как все нынешние союзники по Вашингтонскому договору, принять на себя следующие обязательства

- объединить свои усилия для коллективной обороны и для сохранения мира и безопасности, урегулировать любые международные споры, в которые они могут быть вовлечены, мирными средствами — так, чтобы мир, безопасность и справедливость не ставились под угрозу силы — и воздерживаться от угрозы применения силы любым способом,

- способствовать развитию мирных и дружественных международных отношений через укрепление своих свободных институтов, лучшему пониманию принципов, на которых эти институты были основаны, а также созданию лучших условий для стабильности и процветания,

- поддерживать действенность союза путем разделения с союзниками ролей, потенциальных опасностей, обязанностей, расходов и преимуществ в процессе обеспечения достижения целей и задач общей безопасности⁸⁷.

Осуществляя проекты расширения сферы своего влияния и наращивая наднациональную организационную мощь, НАТО и правящие круги Соединенных Штатов добиваются поистине всеобъемлющей стандартизации управления экономическими, военно-политическими, идеологическими и общественными процессами на планете. При этом сугубо военные аспекты международной безопасности приобретают еще более существенное, чем прежде, значение⁸⁸.

Страны — участницы Североатлантического Союза давно поняли, что для того, чтобы вооруженные силы в составе многонациональных формирований действовали эффективно, необходимо наличие у них общих доктрин и принципов, а также максимального уровня адаптации различных систем вооружений к новым условиям. Для того чтобы добиться высокой оперативной совместимости, НАТО в течение многих лет предпринимало большие усилия по заключению и выполнению соглашений о союзных обязательствах. С установлением после окончания «холодной войны» отношений партнерства и сотрудничества с государствами Центральной и Восточной Европы масштабы этих усилий возросли. Сейчас, когда накоплен опыт, полученный в результате привлечения вооруженных сил входящих в НАТО стран к участию в различ-

ных миротворческих операциях, и когда НАТО приближается к финальной стадии принятия решений о своем расширении, вопрос перехода от сотрудничества между НАТО и странами-партнерами данной организации к их оперативной совместимости становится ключевым.

В НАТО оперативная совместимость определяется как «способность систем, подразделений и сил предоставлять услуги другим системам, подразделениям или силам и пользоваться их услугами в порядке такого обмена, при котором стороны получают возможность эффективных совместных действий»⁸⁹.

Североатлантический союз на протяжении всех лет своего существования стремится к тому, чтобы его военная деятельность полностью соответствовала данному определению. Но в условиях нового партнерства 90-х гг. XX в. сам принцип совместимости и аккумуляции усилий стран — участников НАТО стал подвергаться корректировке. В связи с этим главнокомандующий НАТО, Верховный главнокомандующий ОВС НАТО в Европе и Верховный главнокомандующий ОВС НАТО на Атлантике сочли необходимым внести предложение о том, чтобы применительно к партнерам оперативная совместимость непременно включала в себя:

- изучение доктрин, процедур и практической деятельности НАТО личным составом и подразделениями, способными эффективно работать над конкретными операциями в НАТО и руководимых ею организациях,

- адаптирование или защиту оборудования, совместимого с оборудованием НАТО;

- отбор штатных офицеров и изучение ими доктрины и процедур НАТО с тем, чтобы иметь возможность назначения специалистов на платные должности в НАТО или руководимых ею центрах управления войсками, или на национальные посты, связанные с деятельностью НАТО в рамках программы «Партнерство во имя мира».

Поэтому одной из важных задач является расширение и развитие партнерами отношений сотрудничества с НАТО в военной области с целью планирования, подготовки и проведения учений, направленных на расширение потенциальных возможностей по выполнению миссий по поддержанию мира и проведению поисково-спасательных и гуманитарных операций. Другая важная задача ПВМ не случайно состоит в создании и укреплении партнерами на долгосрочной основе сил, обладающих повышенной способностью проведения операций совместно с силами стран — членов НАТО. Обе эти задачи тесно связаны с задачей обеспечения оперативной совместимости.

По мере роста масштабов своей деятельности Североатлантический пакт твердо намерен и впредь развивать ПВМ путем расширения и углубления процесса планирования и проверки выполнения программы (ПППВМ), имеющего своей целью повышение уровня оперативной совместимости и транспарентности стран — членов НАТО и стран-партнеров. Увеличивая масштабы партнерства в таких областях, как отношения в гражданской и военной сферах, оперативная совместимость, оборонная политика и военное планирование, Североатлантический союз создает предпосылки к образованию своеобразной тотальной военной силы Запада, предполагающей универсальную схему расширения сферы «прямого действия» на «остальной» (незападный) мир с тем, чтобы окончательно подчинить себе всю планету. В связи с этим заключительное коммюнике совместного заседания комитета военного планирования и группы ядерного планирования НАТО, проведенного в Брюсселе 17 декабря 1996, зафиксировало следующие принципы внешнеполитической стратегии:

1. В ожидании встречи в верхах Североатлантического совета, которая пройдет в Мадриде 8 и 9 июля 1997 г., проведена большая работа по адаптированию военных структур союза в рамках продолжающегося процесса трансформации НАТО. Весь коллективный оборонный потенциал Североатлантического союза будет оставаться необходимым для обеспечения европейской безопасности и стабильности. Этот потенциал служит для выполнения всего спектра задач НАТО, в том числе для поддержки развития всех союзников, европейского компонента в области безопасности и обороны в рамках союза. Он, в частности, будет жизненно важен для успеха сил по стабилизации в Боснии и Герцеговине и, следовательно, для укрепления мира и стабильности в бывшей Югославии, в рамках операции «Джойнт эндевор».

2. Североатлантический союз полон решимости и далее обеспечивать эффективную взаимосвязь своих индивидуальных и коллективных военных потенциалов. Они были существенно реорганизованы и переориентированы с учетом стратегических обстоятельств, возникших после окончания «холодной войны». Силы НАТО должны тем не менее быть надлежащим образом укомплектованы для выполнения всего спектра миссий союза.

3. Система военного планирования союза играет центральную роль в достижении этих целей. Она претерпевает изменения с тем, чтобы оставаться эффективным механизмом для координации военного планирования союза. В результате будет обеспечен единый, взаимосвязанный процесс военного планирования с целью развития сил и возможностей,

необходимых для выполнения всего спектра миссий союза, в том числе и операций под руководством ЗЕС.

4. В рамках регулярного пересмотра усилий НАТО в области обороны рассмотрены национальные планы обороны на 1997-2001 гг. и на будущие годы и принят пятилетний план, направленный на продолжение адаптации военных планов НАТО к новой ситуации в области безопасности. Структура сил НАТО, оставаясь способной полностью обеспечить выполнение всех основных функций союза по сдерживанию, в коллективной обороне, теперь хорошо приспособлена для регулирования кризисов и проведения операций по поддержанию мира и, таким образом, для сотрудничества с партнерами. Планы модернизации сил в целом удовлетворяют требованиям союза, хотя в некоторых случаях бюджетные ограничения задерживают их выполнение. Процесс планирования вооруженных сил, в частности, потребует дальнейшего внимания к таким важным областям, требующим улучшения, как способные к быстрому развертыванию системы командования, управления и коммуникаций, стратегическая мобильность, способность к длительным действиям, наземная система противовоздушной обороны и системы стратегического наблюдения и разведки.

5. В связи с необходимостью обеспечения способности союза осуществлять весь спектр миссий, на заседании комитета военного планирования и группы ядерного планирования НАТО в июне 1996 г была подчеркнута важность развития возможностей для противостояния опасностям, возникающим из-за распространения ядерного, биологического и химического оружия и средств их доставки. Руководители НАТО выразили понимание того, что новые цели вооруженных сил должны быть определены таким образом, чтобы этим опасностям можно было противодействовать в рамках существующих процедур союза. Сегодня комитет военного планирования и группы ядерного планирования НАТО одобрили эти дополнительные цели вооруженных сил. Кроме того, они дали указания, касающиеся дальнейшей работы по борьбе с опасностями, связанными с распространением оружия массового поражения. Работа эта будет выполняться в рамках процесса планирования операций с использованием вооруженных сил.

6. Ядерные силы союза продолжают играть уникальную и главную роль в стратегии союза. Их основная цель — политическая, сохранить мир и предотвратить попытки использовать методы принуждения. Уменьшение акцента на ядерных вооружениях следует приветствовать. Это выразилось в постепенно проводимом с 1991 г. значительном сокращении ядерных сил союза и снижении степени их боеготовности.

7. Ядерные силы союза не нацелены ни на какую страну. НАТО подтверждает, что присутствие ядерных сил США в Европе, приданных связующим звеном между европейскими и североамериканскими членами союза. При этом выражается решимость обеспечить соответствие состояния ядерных сил высочайшим нормам безопасности и надежности. Сообщение Соединенных Штатов об их переговорах с Россией относительно дальнейшего прогресса по различным ядерным проблемам воспринимается с удовлетворением. В этом контексте НАТО призывает российскую Думу быстрее ратифицировать СНВ-2 и выражает полную поддержку усилиям по успешному завершению двусторонних переговоров о стратегических системах ПРО и системах ПРО ТВД.

8. В период, когда НАТО значительно сократило свои ядерные силы, Россия все еще сохраняет большое число тактических ядерных вооружений всех типов. Североатлантический союз призывает Россию завершить сокращения этих вооружений, о которых было объявлено в 1991 и 1992 гг., и далее пересмотреть свои запасы тактических ядерных вооружений с тем, чтобы произвести их дальнейшее значительное сокращение. НАТО приветствовало помощь, предоставленную несколькими странами НАТО для обеспечения безопасного демонтажа оружия массового поражения в России, на Украине, в Белоруссии и Казахстане, и призывает всех своих союзников изыскать дополнительные возможности для внесения своего вклада.

9. НАТО приветствует завершение вывода ядерных боеголовок из Белоруссии в соответствии с Лиссабонским протоколом 1992 г.

10. НАТО приветствует завершение работы над Договором о полном запрещении ядерных испытаний, который поддается проверке, имеет универсальный характер и обеспечивает действительно нулевой уровень, и призывает все страны ратифицировать этот договор, который, вступив в силу, внесет важный вклад в предотвращение распространения ядерных вооружений. Следует подчеркнуть важность начала переговоров о прекращении производства расщепляющихся материалов для ядерных вооружений.

Достаточно глубокая разработанность геополитических концепций НАТО очевидна. Ясны, впрочем, и серьезные различия между текстами официальных документов данной организации и истинными намерениями военно-политического блока укрепить Запад в целом, которые предполагают широкомасштабное использование военной силы против любого условного противника.

Будущие сценарии противодействия Североатлантического союза всевозможным угрозам стабильности индустриально развитых держав разработанные стратегами НАТО, довольно часто выглядят оптимистическими, но не переменным условием победы НАТО считается коллективизм при решении ключевых проблем международной безопасности.

«Исчезла старая угроза, — пишет по этому поводу председатель военного комитета НАТО, генерал К. Науманн, — исходившая от одного крупного и агрессивного противника. Однако ее место заняла опасность, имеющая многостороннюю направленность. Особое беспокойство вызывает дуга нестабильности, охватывающая территорию от Мексиканского до Индийского океана. Ранее упомянутое быстрое и значительно сокращение вооруженных сил стран — членов НАТО в соответствии с общепринятыми политическими нормами, убеждает нас в том, что все операции, проводимые за пределами зоны действия НАТО, т.е. вне территорий стран — членов Североатлантического союза, с участием стран НАТО, без сомнения, будут носить многонациональный характер. Если ли какая-либо страна, даже при наличии у нее военного потенциала для проведения подобных операций, станет в будущем проводить их в одиночку. Поэтому, если мы хотим эффективно действовать сообща, будь то сценарий обеспечения коллективной обороны в соответствии с статьей 5 Североатлантического договора или, что более вероятно в настоящее время, операция, не предусмотренная статьей 5 и осуществляемая за пределами зоны действий НАТО, жизненно важное значение приобретает оперативная совместимость. Следует впредь расширять и адаптировать долгосрочные программы стандартизации Североатлантического союза, а также новый процесс планирования и проверки с тем чтобы они отвечали нуждам как расширенного НАТО, так и стран-партнеров, которые могут не проявить желания или не иметь возможности вступить в Североатлантический союз»⁹⁰.

Совершенно очевидно, что деятельность НАТО, осуществляемая по руководством США по схеме «Сотрудничество — расширение — адаптация», рассчитана на максимальную консолидацию сил Запада в целом. Если так понимать новую парадигму расширения демократических стран Европейского сообщества НАТО, то на рубеже XX—XXI вв. деле вполне может дойти до прямого столкновения цивилизаций, о чем предупреждает С. Хантингтон в своих трудах.

«Запад, — констатирует этот известный ученый, — находится сейчас на пике власти по сравнению с другими цивилизациями. Его сверхдержавный оппонент исчез с карты мира. Военный конфликт среди западных стран немыслим, а западная военная мощь несокрушима. Если

не считать Японию, то Запад больше сталкивается с проявлениями экономического противостояния. Он доминирует в международных политических и охранительных организациях, а совместно с Японией контролирует и международные экономические учреждения. Глобальные политические проблемы и вопросы безопасности эффективно разрешаются Западом под управлением США, Великобритании и Франции, а экономические задачи — под управлением США, Германии и Японии»⁹¹.

Новая стратегическая концепция Североатлантического союза, одобренная главами государств и правительств на сессии НАТО в Вашингтоне 23-24 апреля 1999 г. максимально учитывает современные глобальные и региональные реалии.

В качестве руководящих принципов военно-политической и международной деятельности Запада в целом предусмотрено:

- сохранение и наращивание военного потенциала;
- справедливое распределение обязанностей, риска и ответственности коллективной обороны, а также выгод от нее;
- коллективные усилия по обороне Североатлантического союза, которые реализуются в практических концепциях;
- поддержание безопасности и стабильности в Евро-Атлантическом регионе;
- переоснащение всех сил для урегулирования кризисных ситуаций, влияющих на евроатлантическую безопасность.

Таким образом, глобальная мощь Запада в целом направлена на защиту первого «золотого» (евроатлантического, по сути) миллиарда из шести миллиардов людей, живущих на Земле⁹². Этим сказано все. Глобальное разоружение и глобальная безопасность призваны лишь обустроить жизнь немногих «сильных мира сего» за счет других. Эгоизм США и их партнеров по НАТО очевиден. Вывод для прогрессивного человечества один: нужно «снизу» попытаться организовать хотя бы своеобразную коррекцию узко корыстных замыслов руководителей нового мирового порядка, не говоря уже о протестных акциях людей доброй воли, много делающих для предотвращения угрозы тотальной войны на планете.

Анализ официальных материалов ООН, СБСЕ/ОБСЕ, САСС показывает, что в основном все рецепты международных организаций по поддержанию мира и безопасности на Земле характеризуются повторяемостью друг друга. Это сильно снижает эффективность миротворческих акций различной направленности и отрицательно сказывается на понимании сути предлагаемых независимыми влиятельными наднациональ-

ными объединениями миротворческих операций в глобальном масштабе.

Традиционное мироподдержание не является сегодня исключением для многих внутренних конфликтов. Оно определяется как «действие по предотвращению и ликвидации вражды внутри государств посредством интервенции третьей стороны, организуемое и направляемое ООН, использующей многонациональные войска, полицию, отдельных граждан для поддержания мира»⁹³.

Новые процессы в меняющемся мире стимулируют модификацию мироподдерживающих процедур и техники посредничества с учетом проблем этнического характера и межрелигиозных различий, часто являющихся причиной гражданских войн. В связи с этим глобальное мироподдержание приобретает особый смысл и предполагает даже изменение политической ситуации многих государств, а не просто означает мероприятия, рассчитанные на урегулирование конфликтов с помощью международных военных сил, действующих под эгидой ООН⁹⁴.

Новые качества мироподдержания обусловлены нерезультативностью ограниченного военного вторжения миротворческих сил в зону конфликта во имя мира. Они зафиксированы в документах по миротворчеству и разрешению конфликтов, разработанных независимыми научно-исследовательскими центрами в странах Скандинавии, США, Великобритании⁹⁵. В свою очередь, ООН, НАТО, ОБСЕ продолжают определять различные новые методы и структуры мироподдержания. Именно в этой области заметны усилия САСС, направленные на достижение и упрочение профессионализма (военного, политического, гуманитарного), применительно к силам, облеченным полномочиями миротворчества. В последнее время весьма интенсивно также внедряются в практику стандарты этой организации по обучению стратегии и тактике тех войск, которые осуществляют миротворческие акции по заданию ООН.

Характерно, что использование неких частных структур в глобальном миротворчестве не исключается. «Международное сообщество, — пишет в этой связи американский юрист Х.К. Зарейт, — уже приступило к реализации плана использования частных компаний по безопасности (Private Security Companies) в различных «горячих точках» планеты. ООН и региональные международные организации намерены повсеместно задействовать их как миротворцев»⁹⁶.

Таким образом, разработчики новейшей системы глобального управления намереваются достигнуть максимальной оперативности и урегулирования вооруженных конфликтов различной степени интен-

сивности. Есть у них и другая цель: обеспечить мир для всевозможных «суррогатных войн» с помощью различных «суррогатных» сил. В этом случае никто не будет прямо отвечать за произвол, нарушение форм действующего международного права и за все те преступления, которые более чем очевидны при осуществлении любой миротворческой акции в обычной манере. Следовательно, возрастает возможность довольно эффективного контроля на глобальном уровне за развитием конфликтов, и особенно там, где разгорается «частная война» с точно рассчитанными региональными и глобальными последствиями. Именно под такую миротворческую практику в глобальном масштабе сейчас подводится солидная международная нормотворческая база. При этом созданы весомые предпосылки для маскировки прямой вовлеченности США, НАТО и их союзников в какую-либо «кооперативную» силовую акцию против страны, нарушившей правила «демократической жизни» — по западному образцу, как это уже случилось в бывшей Югославии и, не дай Бог, случится на территории раздираемого межнациональными распрями Кавказа.

На современном этапе в сложных делах глобального миротворчества, осуществляемого под патронажем ООН, особая ставка делается на использование новых технологий наблюдения в самом широком смысле этого слова⁹⁷.

Общая тенденция такова, чтобы непременно решить проблему адаптации различных технических средств, используемых миротворцами для наблюдения, надзора, контроля при организации выборов, в процессе слежения за дислокацией и перемещением ограниченных контингентов войск вблизи демилитаризованных зон на различных стадиях осуществления санкций, бойкотов, блокад и т.д.⁹⁸ Важную роль в широком применении новейшей (в том числе космической) техники для нужд глобального и регионального миротворчества ООН уже играют программы подготовки и переподготовки специалистов с учетом новейших факторов High-Tech и High-Hume. По мнению экспертов, технологические усовершенствования миротворческой деятельности способны сэкономить Западу в целом многие миллиарды долларов. В итоге, усилия ООН, направленные на форсирование процесса глобального миростроительства, могут увенчаться успехом.

Следует подчеркнуть особое значение «гуманитарной безопасности» в глобальном аспекте экономических, политических и идеологических аспектов жизнедеятельности стран и народов планеты. Применительно к миротворчеству, «гуманитарная безопасность» коррелируется с понятиями «гуманитарная катастрофа» и «гуманитарная интервенция»,

столь часто употребляемыми в официальных правительственных документах, материалах международных организаций, прессе и т.д.⁹⁹. Формально все это направлено на защиту людей во всем мире. Фактически же вышеобозначенные слова с общим прилагательным «гуманитарная» призваны лишь несколько смягчить жесткость формулировки основных положений концепции «глобального управления», «мирового правительства» и «нового мирового порядка», рассчитанных на экстраполяцию силы во вселенском масштабе.

Вовлечение ООН в общее дело обеспечения «гуманитарной безопасности» на планете уже осуществляются через специально созданный департамент планирования развития (в англ. транскрипции — UNDR). В докладе ООН о состоянии гуманитарного развития 1993 г. по этому поводу говорится следующее: «Новыми пятью столпами глобального управления с учетом человеческого фактора являются:

- новые концепции гуманитарной безопасности;
- новые модели гуманитарного развития;
- новые взаимоотношения между государствами и рыночными структурами;
- новые методы национального и глобального управления;
- новые формы международного сотрудничества.

Характерно, что гуманитарная безопасность в связке с миротворчеством и миросохранением остается в центре внимания всей деятельности ООН¹⁰⁰. От руководства последней, правда, настойчиво требуется активизация усилий по укреплению «международного гуманитарного режима» при действенной защите многочисленных жертв любых конфликтов на основе:

- развития процедурных норм;
- укрепление институтов (национальных и международных);
- разработки операционной стратегии¹⁰¹.

Кроме того, сторонников новой стратегии гуманитарной безопасности чрезвычайно интересуют и вполне конкретные возможности всех звеньев ООН в процессе запрещения противопехотных мин, обеспечения прав человека и разработки основных гуманитарных стандартов для распространения во всем мире с тем, чтобы создать мощное глобальное гуманитарное пространство¹⁰².

Кризисная ситуация в современном мире все же заставляет ООН считаться с мнением простых людей, а не только выполнять волю спонсоров из числа ведущих индустриальных держав Запада. Но это влиятельное объединение испытывает мощнейшее давление властвующих элит стран Западной Европы и США, что делает процесс управления

структурами коллективной безопасности на планете и урегулирование различных региональных вооруженных конфликтов весьма проблематичными. Положение осложняется еще и сильными различиями в понимании национальных интересов и внешнеполитических приоритетов отдельными государствами, испытывающими разочарование по поводу миротворческих усилий ООН, ОБСЕ, САСС, поскольку те в перспективе могут оказаться поводом для новых и новых межэтнических, межрелигиозных, межкультурных и даже межцивилизационных взрывов.

Тем не менее глобализация миротворчества на современном этапе уже стала реальностью. Дипломатия великих держав без надежных национальных миротворческих механизмов не обходится и вряд ли обойдется в обозримом будущем. Главное же состоит в том, чтобы миропонимание, миротворчество, миросохранение в глобальном масштабе служили всем людям, на деле способствуя прогрессу и процветанию человечества.

Следует подчеркнуть, что наиболее ярким выражением современных западных притязаний на мировое господство стал обновленный вариант натовской доктрины «нового мирового порядка», утвержденный «цивилизованным сообществом» в апреле 2000 г. В связи с этим политики и журналисты ввели в свой повседневный словарь новое понятие, подчеркивающие прикладной характер новейших стратегических положений Североатлантического альянса: «косовский вариант» и «косовизация».

«Косовский вариант» на Кавказе начал претворяться в жизнь не месяц и не полгода назад, а еще в начале 90-х годов. Уже в 1993 году один из членов НАТО, а именно Турция, провозгласил Северный Кавказ «сферой своих жизненно важных интересов». Соединенные Штаты Америки в 1998 году включили весь Кавказ в «сферу ответственности командования своих войск». Перед этим в Пентагоне подготовили план высадки войск НАТО в кавказских портах в случае обострения ситуации на Северном Кавказе, в Калмыкии, Грузии, Азербайджане. Этот план, получивший кодовое название «Шторм над Каспием», предусматривал вслед за военными действиями политическое продолжение — создание северокавказской конфедерации. Оккупация и последующая «конфедерализация» региона очень напоминают то, что происходит в настоящее время на Балканах, в частности в Косове, и постепенно разворачивается в предгорьях Кавказа. Эти планы не являются досужими выдумками журналистов, их уже широко обсуждают эксперты и политики в США, Турции, Иране, Ираке¹⁰³.

Безответственное применение силы Западом в целом, двойные стандарты в дипломатии США и их союзников, грозят планете глобальной катастрофой.

Новые подходы к урегулированию этноконфессиональных конфликтов различной степени интенсивности на практике оказываются ловко замаскированными версиями дипломатии США, которые вовлекают в свою сферу влияния даже частные (негосударственные) миротворческие объединения¹⁰⁴.

Таким образом, глобальное миротворчество все более приобретает черты американской национальной традиции.

С этим, разумеется, не могут согласиться многие представители властвующей элиты ведущих европейских стран. Следовательно, противоречия миротворцев в определении новых подходов к урегулированию всевозможных межэтнических конфронтаций неизбежны. Россия вполне может (и должна!) данным обстоятельством воспользоваться. Более того, перспектива глобального миротворчества с ее участием выгодна всему прогрессивному человечеству. В этой связи представляется весьма своевременной инициатива министра по чрезвычайным ситуациям нынешнего кабинета министров С. Шойгу о создании при ООН специального международного агентства по чрезвычайным ситуациям, в котором предполагается предусмотреть значительную роль России. Возможно, данное мероприятие послужит некоей отправной точкой прорыва Российского государства в уже обустроенный Западом в целом конгломерат управленческих структур глобального уровня. Если России удастся занять свою нишу в новейшей системе международных отношений цивилизованных наций, то она и сама спасется, и весь мир спасет, как это не раз уже было в истории человечества.

США, НАТО, ООН и Западу в целом необходимо учесть данное обстоятельство в полной мере, иначе мир на Земле станет более хрупким.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ВЕЛИКИЕ ДЕРЖАВЫ И КОНФЛИКТЫ XXI ВЕКА

В последнее время как зарубежные, так и российские аналитики много внимания уделяют прогнозированию будущих войн, пытаются предсказать их возможный характер и последствия. Это связано с рядом обстоятельств. Одно из них относится к смене моделей международных отношений, складывающихся после окончания послевоенной "холодной войны". Речь идет о новой модели мирового порядка, которая пришла на смену биполярному миру. Стала формироваться многополярная система международных отношений, но этот процесс оказался отягощенным претензиями США на установление своей гегемонии в мире, что неприемлемо для России и стран Запада, в том числе тех, которые входят в НАТО. В связи с этим принцип партнерства в отношениях между Россией и США, другими странами НАТО не может действовать в полную силу. Это, скорее, намерение, ибо его реализация на практике сталкивается со многими препятствиями, заключенными в военной политике США и их доктринальных установках.

Другое обстоятельство, побуждающее конфликтологов и аналитиков прогнозировать возможный характер будущих войн, иного порядка. Оно — в назревающей новой революции в военном деле. Налицо явные признаки того, что создаются новые средства вооруженной борьбы на основе новейших технологий, что в свою очередь неизбежно ведет к изменению характера вооруженного противоборства, форм и способов его ведения. Этому учит и многовековая история. В частности, можно с большей долей уверенности прогнозировать, что весьма важное, а может быть, первостепенное место займет так называемая "информационная война". Это весьма широкое понятие, включающее и психологическую войну в эфире. Но в военном аспекте "информационная война" — это завоевание превосходства в эфире действиями РЭБ, которые защищают свои системы управления войсками и оружием и нарушают управление соответствующих систем противника.

“Информационная война” не отменяет ранее действовавшие законы вооруженной борьбы. Но если в Первую мировую войну главная роль в достижении победы над врагом отводилась артиллерии, во Вторую — авиации и танкам, в годы “холодной войны” — ракетно-ядерному оружию, то сегодня на первый план выходит информационное превосходство, ибо оно может воспретить противнику использовать своевременные и эффективно все остальные виды вооружений. Широкое применение могут иметь психотропные, психотронные и другие “экзотические” виды оружия, выводящие живую силу противника из строя на длительный период без физического уничтожения людей.

В связи с этим предполагается, что указанные новые средства борьбы могут сделать войну “бескровной”; она сделает разрешение противоречий между странами и силовыми центрами в мире и регионах в чем-то похожим на “холодную войну”. Будут использоваться методы экономического давления, угрозы применения новых средств борьбы, осуществляться новые террористические акты, вестись подрывная пропаганда и т.д.

Считается, что в ближайшем будущем войны на истощение потеряют всякий смысл, а самая современная на сегодняшний день военная техника отойдет на второй план. Вместо массовых армий появятся компактные вооруженные силы высокой мобильности с новым боевым потенциалом. И в данной ситуации ставка на информационное превосходство убедительно покажет потенциальному противнику, что его сопротивление не будет эффективным.

Однако, как показывает опыт истории, переход к подобного рода войнам дело довольно проблематичное и трудоемкое. К примеру, “теория воздушной войны”, выдвинутая в начале 20-х годов, была лишь частично претворена в жизнь в начале 90-х годов в ходе операции “Буря в пустыне”. Поэтому в будущем вполне возможны любые формы конфликтов, известные XX столетию (кроме, пожалуй, глобальной ядерной войны).

Многие аналитики полагают, что снижение угрозы возникновения всеобщей ядерной войны и мировой “обычной” войны обуславливает повышение уровня региональной конфликтности в различных районах мира. Отсюда — усиление опасности возникновения локальных войн и вооруженных конфликтов за спорные территории, в результате этноконфессиональных противоречий, на почве “исторической несправедливости” и т.д. Вполне вероятно, что Россия может оказаться втянутой в некоторые из них, тем более, что есть определенные силы (и мы видим

это на практике), заинтересованные втянуть страну в перманентные вялотекущие вооруженные конфликты. В то же время наиболее вероятно, что войны начала XXI века будут скоротечными.

Из изложенного выше следует, что первостепенное значение в современных условиях приобретает изучение характера, степени вероятности военных опасностей и угроз, возможности их перерастания в вооруженные конфликты и войны.

Военная теория разрабатывает, а практика уже проверяет концепцию войны нового поколения. Образ войны будущего внесет большие изменения в законы вооруженной борьбы, наполнит новым содержанием принципы военного искусства.

Локальные войны и вооруженные конфликты всегда были инструментом политики многих стран мира и глобальной стратегии противоборствующих мировых систем — капитализма и социализма. В послевоенный период как никогда ранее стала ощущаться органическая связь между политикой и дипломатией, с одной стороны, и военной мощью государств — с другой. Все чаще именно армиям приходилось дополнять усилия политиков в решении не чисто военных задач. При этом военные действия как в локальных войнах и вооруженных конфликтах, так и в операциях по поддержанию мира (Югославия, Сомали, Руанда, Ганги и т.д.) стали сопровождаться четко спланированными психологическими акциями, активной дипломатией и целенаправленной пропагандой. Именно об этом свидетельствует основополагающий вывод Межведомственной рабочей группы при Генштабе по разработке новой военной доктрины — военная сила в обеспечении безопасности государства не утратила своего значения: мирные средства эффективны тогда, когда они опираются на достаточную для защиты страны и ее жизненно важных интересов военную мощь¹.

Вплоть до недавнего времени (начала 90-х годов) главным источником конфронтации и основной причиной возникновения локальных войн и вооруженных конфликтов считались противоречия между лагерями капитализма и социализма, а также их военными организациями — НАТО и Варшавским договором. Однако ни распад СССР, ни трансформация мировой системы социализма, ни ликвидация Варшавского договора не привели к исчезновению локальных войн и вооруженных конфликтов. Сохранилось и большинство причин их возникновения. Более того, события конца XX века внесли множество корректив в военную политологию и конфликтологию. Главным образом, они касаются специфики протекания локальных войн и вооруженных конфликтов в

системе новых международных отношений, когда объективные факторы возникновения той или иной кризисной ситуации (этническая и религиозная рознь, сепаратистские и автономистские движения и т.д.) стали превалировать над идеологическими факторами противоборства двух мировых систем.

Классификация и причинно-следственные связи локальных войн и вооруженных конфликтов

Рассмотрение известных классификаций и причинно-следственных связей локальных войн и вооруженных конфликтов убеждает в том, что их познание является решающим в осмыслении всей философии такого сложного явления, как военная конфронтация. Наиболее важными не только для проведения научной классификации, но и выработки единой научной концепции анализа развязывания и ведения локальных войн и вооруженных конфликтов считаются выбор и достоверное определение таких фундаментальных для настоящего исследования понятий (терминов), как "война", "локальная война", "вооруженный конфликт". В трудах отечественных и зарубежных военных исследователей просматриваются различные подходы к их определению и толкованию².

В первую очередь представляется целесообразным определить, какие категории (понятия), принципы, методы и иные параметры необходимо положить в основу исследования. По-прежнему сохраняют свою значимость такие качественные и количественные показатели локальных войн и вооруженных конфликтов, как *масштабы военных действий, формы и способы применения вооруженных сил, социальное содержание, соответствие международным правовым нормам, экологические последствия и т.п.*

Процедура классификации в данном случае должна выполнять предписываемую ей функцию теоретического обобщения конкретного эмпирического материала, накопленного в результате многочисленных исторических исследований. Соответственно, в основе научной типологии должны лежать объективные критерии, способные выявить наиболее существенные особенности происхождения, развития и основного содержания конфликта, отражающиеся в целях и стратегии его участников, а также комплекс признаков, относящихся к внешним условиям возникновения и развития вооруженного конфликта, к особенностям международной обстановки. В этом отношении и типология, и критериальная классификация рассматриваемого явления неразрывно связаны

между собой в общем познавательном процессе, но определяют различные уровни его обобщения. Если в основе типологии лежат коренные, неотъемлемые свойства локальных войн и вооруженных конфликтов, то цель их классификации состоит в "уточнении" этих свойств на более низком критериальном уровне обобщения.

Для научной классификации локальных войн и вооруженных конфликтов следует также располагать обобщенным определением понятия войны. По современным военно-теоретическим воззрениям, война — это продолжение политики государства или коалиции государств, народов, наций, классов и отдельных социальных групп с применением средств вооруженного насилия для достижения политических, экономических, военных и иных целей. Основным содержанием войны является вооруженная борьба, представляющая ведение противоборствующими сторонами военных действий различного масштаба на суше, в воздухе, на воде, под водой и в космосе. Их цель — разгром вооруженных сил противника или подрыв их боеспособности, завоевание его территории и принуждение правительства враждебного государства (или коалиции государств) к заключению мира. Наряду с вооруженной, в войне могут применяться экономические, дипломатические, идеологические, информационно-психологические и другие формы борьбы. Как уже отмечалось, каждой войне и вооруженному конфликту предшествует военно-политический кризис.

Войны можно классифицировать:

- * по масштабу — на мировые и локальные (в зависимости от размаха военных действий и состава воюющих государств);
- * по продолжительности — на скоротечные и затяжные;
- * по средствам поражения — с применением ядерного и (или) обычного оружия;
- * по напряженности — высокой, средней и низкой интенсивности военных действий;
- * по количеству участвующих государств — коалиционные и одно государство против другого.

Соответствующие типы войн могут быть определены следующим образом:

Мировая война — война крупных коалиций, блоков, союзов государств, в которую прямо или косвенно вовлекаются ведущие страны мира и которая распространяется на все или большую часть континентов, акваторий океанов и морей, космическое пространство. Такая война ведется, как правило, с предельно решительными целями, отличается

глобальным размахом и жесточенными формами военных действий, сопровождается огромными разрушениями и многочисленными потерями в вооруженных силах и жертвами среди мирного населения противостоящих сторон.

Локальная война есть ограниченное по политическим целям и размаху ведения военных действий вооруженное столкновение между двумя или несколькими государствами, затрагивающее их национальные, политические, территориальные, экономические, этноконфессиональные и другие интересы. Отличительными чертами локальной войны являются ограниченный территориальный размах ведения военных действий, участие в ней небольших по численности войск (сил), применение, как правило, обычных вооружений. К локальным войнам следует также отнести внутригосударственные и гражданские войны. (В последние годы в отечественной военно-политической литературе нередко вместо термина "локальная война" употребляется термин "региональная война".)

Вооруженный конфликт по своему содержанию, условиям возникновения и развития не представляет того состояния государства и общества, которое называется войной. Для него свойственны пограничные столкновения, вооруженные инциденты и военные акции, которые так же, как и в войне, являются формами разрешения политических, территориальных, религиозных и национально-этнических противоречий с незначительным по масштабам применением вооруженного насилия как внутри одной страны, так и за ее пределами. Вооруженный конфликт характеризуется относительно длительными боевыми действиями между вооруженными силами (их частями) двух или более государств или, по крайней мере, между правительственными войсками и иррегулярными вооруженными формированиями в рамках одной страны, влекущие за собой боевые потери не менее 1000 человек³. По некоторым подсчетам, около 85% вооруженных конфликтов после 1945 года носили внутригосударственный характер (из них 95% велись за пределами Европы)⁴.

Таким образом, общей характерной чертой для локальной войны и вооруженного конфликта является разрешение возникших противоречий с помощью военной силы. Коренное различие между ними заключается в том, что при ведении локальной войны могут применяться все формы борьбы, она требует использования военно-экономического потенциала страны. Вооруженный же конфликт ограничен только ведением боевых действий, в которых обычно задействована незначительная часть вооруженных сил.

Внутригосударственная война — одна из форм применения вооруженного насилия, направленная против дестабилизации внутренней обстановки, свержения конституционного строя, мафиозных и бандитских формирований.

В основу классификации современных локальных войн и вооруженных конфликтов должны быть положены и *количественные показатели: размах и продолжительность военных (боевых) действий; площадь территории, на которой разворачивается конфликт; количество вовлеченных в войну государств, привлекаемых войск (сил) и пр.*

В России ведение локальной войны может потребовать использования ограниченной части военно-технического потенциала, причем в основном за счет боеготовых соединений и частей мирного времени. При необходимости требуемая группировка войск (сил) может быть усилена кадрированными формированиями после их доукомплектования. Если же в войне потребуются полное напряжение военной мощи страны, всеобщая мобилизация и перевод экономики на военный лад, то в этом случае речь будет идти о ведении крупномасштабной региональной войны.

Таким образом, применительно к условиям такого государства, как Россия, понятию "локальная война" можно дать следующее определение: это война, ограниченная по политическим и военно-стратегическим целям, осуществляемая частью Вооруженных сил РФ против одного или нескольких государств в небольшом по территории районе (регионе).

К вооруженным конфликтам (в условиях Российской Федерации) могут быть отнесены пограничные конфликты, вооруженные инциденты и другие военные акции (операции по локализации актов насилия и поддержанию конституционного порядка, миротворческие операции под эгидой коллективных сил СНГ или миротворческих сил ООН и ОБСЕ), в которых достигаются ограниченные политические цели.

Вооруженные конфликты по видовому признаку можно классифицировать следующим образом:

пограничный конфликт — ограниченное по месту, времени и численности привлекаемых войск (сил) военное столкновение между формированиями пограничных войск (при участии отдельных частей или подразделений вооруженных сил) одного государства и группами вооруженных лиц (иногда при поддержке регулярных войск прикрытия) сопредельного государства в приграничных районах;

военная акция — ограниченные по цели, масштабу и времени односторонние или коалиционные военные действия превентивного, демонстративного или отвлекающего характера;

вооруженный инцидент — одна из форм кратковременных военных действий, которые могут быть преднамеренными, в том числе и организованными как повод для развязывания войны;

внутригосударственное вооруженное столкновение — это форма разрешения противоречий между незаконно созданными воинскими формированиями одной или нескольких противоборствующих националистических, религиозных или социально-клановых группировок или групп. Как правило, целью такого столкновения является изменение внутригосударственных законодательных актов, захват местными элитами политической и (или) экономической власти, нарушение территориальной целостности государства.

Особое место в локальных войнах и вооруженных конфликтах занимают **специальные операции** — боевые (служебно-боевые) действия ограниченного контингента вооруженных сил, пограничных и внутренних войск, подразделений органов безопасности, а также специально сформированных миротворческих миссий с целью разъединения враждующих сторон, стабилизации обстановки, создания условий для ведения конструктивных переговоров и т.д.

В основу избранной авторами классификации локальных войн и вооруженных конфликтов положена методология, разработанная как в нашей стране, так и за рубежом. При этом учитывались минусы как западной методологии (где допускается довольно свободная трактовка различных терминов и понятий), так и отечественной (где за основу анализа насильственных действий до начала 90-х годов брался, как правило, классовый подход).

В настоящее время, исходя из системного восприятия процессов развития человечества, различные государства мира рассматриваются в качестве полноправных субъектов международных отношений. Это позволяет выделить две большие группы противоречий, определяющих процесс развития человечества — *надсистемные и внутрисистемные противоречия*.

К **надсистемным** противоречиям относятся те из них, которые возникают в результате взаимодействия общества и природы. Они приводят к возникновению глобальных проблем, ставящих под угрозу существование человеческой цивилизации.

Внутрисистемные противоречия функционируют в системе межгосударственных отношений и в свою очередь включают в себя две взаимосвязанные подгруппы противоречий — структурные и корреляционные. Первые происходят в результате объективного различия между уровнем развития государств: между индустриально развитыми государствами, между государствами распавшейся федерации, между развитыми и слаборазвитыми, между одинаково слаборазвитыми государствами. Вторая подгруппа противоречий функционирует в системе межгосударственных (внутригосударственных) отношений как результат взаимодействия идеологических, духовных, нравственных, национальных, религиозных и иных ценностей, принадлежащих различным социальным и общественным структурам общества в целом. Эти противоречия сами по себе непосредственно не порождают локальных войн и вооруженных конфликтов. Они, как правило, связаны с материально-экономическими условиями жизни общества, через которые находят свое преломление в нравственной, политической и духовной сферах — и только после этого трансформируются в конкретные военно-политические действия государств, автономий, партий и организаций.

Обобщение и изучение опыта локальных войн и вооруженных конфликтов, их классификация (в том числе и типологизация) позволяют наиболее обоснованно анализировать причинно-следственные связи условий возникновения кризисных ситуаций, способов развязывания войн и вооруженных конфликтов, особенностей ведения боевых действий и тенденций их развития. В свою очередь, подобное изучение дает возможность извлекать уроки, делать соответствующие выводы, разрабатывать рекомендации, направленные на предотвращение насилия в будущем и обеспечение национальной безопасности. Если все же конфликт разразится, то знание опыта прошлых войн поможет лучше подготовиться к боевым действиям, умело их вести и победоносно завершать.

Классифицируя войны по характеру политических целей, следует несколько расширить типологические рамки и внести в них *войны в защиту нарушенных гражданских прав*. Этот же уровень классификации может быть дополнен таким уровнем, как *степень поддержки мировым сообществом — безусловная, частичная, неодобрение, применение международных санкций*.

Уровень классификации вооруженных конфликтов *по качественному содержанию* следует дополнить следующими признаками:

• по характеру участия в конфликте — прямое и косвенное;

- по качеству противоборствующих войск (сил) — регулярные, иррегулярные или смешанные силы.

Уровень классификации конфликтов по количественному содержанию можно представить следующим образом:

- по расположению района конфликта — внутригосударственный, приграничный, удаленный от государства;
- по способу развязывания — внезапное нападение, эскалация агрессии;
- по характеру ТВД — континентальный, океанский, морской, воздушный, космический;
- по количеству привлекаемых войск (сил) — от ограниченного воинского контингента до оперативно-стратегической группировки войск (сил) с обеих сторон;
- по формам и способам военных действий — операции, боевые действия (классические), партизанские, нетрадиционные, незавершенные, широкомасштабные, блокадные, позиционные, маневренные, операции сил специального назначения;
- по продолжительности военных (боевых) действий — скоротечный, затяжной (здесь же — "война на истощение");
- по количеству вовлеченных в войну государств — коалиционные, коалиция против одного государства, государство против государства⁵.

Историко-теоретический анализ возникновения и развития локальных войн и вооруженных конфликтов, их типология показывают, что в основе возникновения любого военно-политического кризиса лежат как долговременные, так и ситуативные (непосредственные) причины. В отечественной и зарубежной военной науке до настоящего времени продолжаются дискуссии об их приоритетности. Каждая из сторон, естественно, настаивает на своей концепции.

Действительно, в основе возникновения локальных войн и вооруженных конфликтов, развязанных после Второй мировой войны, лежит ряд долговременных причин. Одна из наиболее распространенных — соперничество (геополитическое, геостратегическое, геоэкономическое и др.) государств на международной арене. Некоторые локальные войны и вооруженные конфликты были вызваны претензиями отдельных государств на роль региональных "центров силы".

К особому виду военно-политических кризисов данного ряда следует отнести локальные войны между государственно оформившимися частями одной и той же разделенной по политико-идеологическим, религи-

онным и социально-экономическим признакам нации. Эти войны отличает острый и бескомпромиссный характер ведения боевых действий. Классическими примерами таких войн являются: Корейская война, война между Севером и Югом Вьетнама, между Севером и Югом Йемена.

Многие военно-политические кризисы, локальные войны и вооруженные конфликты возникали из-за попыток великих держав удержать в сфере своего влияния государства, с которыми до возникновения кризисных отношений поддерживались колониальные, союзнические или иные межгосударственные связи (Лаос, Конго, ГДР, Венгрия, Чехословакия).

Одной из глубинных причин локальных войн и вооруженных конфликтов после 1946 года явилось *стремление национально-этнических общностей к самоопределению*. Подобное стремление нередко принимало различные формы борьбы — от антиколониальной до сепаратистской. Однако не во всех случаях фактор национально-освободительной борьбы (или националистических движений) являлся самодостаточным для возникновения военно-политических кризисов. В относительно высокоразвитых странах с устойчивыми традициями демократического правления межнациональная борьба обычно принимала форму умеренных по размаху этнолингвистических и этнокультурных движений, не приводя к серьезным внутренним потрясениям и тем более к военно-политическому вмешательству со стороны других государств.

Мощный рост национально-освободительного движения в колониях стал возможным после резкого ослабления колониальных держав в ходе и после окончания Второй мировой войны. В свою очередь, системный кризис, вызванный распадом мировой системы социализма и ослаблением СССР (а позднее России), привел к возникновению многочисленных националистических (этноконфессиональных) движений в постсоциалистическом и постсоветском пространстве. Остановимся на этом более подробно.

Проблема национализма и связанных с ним политических, территориальных, религиозных и иных конфликтов давно привлекала внимание ученых, прежде всего западных. Отечественная политическая наука основательно отстала от Запада в этой сфере во многом из-за навязываемого ей долгие годы идеологического стереотипа национализма как понятия, тождественного расизму, шовинизму и даже фашизму. Между тем это не совсем верно (и даже совсем неверно). Национализм по сути своей есть выражаемая политическими методами приверженность собственной нации. Другое дело, что приверженность эта может обрести

впоследствии какими-то агрессивными намерениями, планами и сопровождаются насильственными действиями.

Теоретическая неразработанность отечественной наукой проблем национализма не позволяет должным образом оценить природу и причины межнациональных и межгосударственных конфликтов, ставших со второй половины 80-х годов печальной повседневностью социально-политического бытия СССР, а затем и СНГ. Вплоть до самого недавнего времени российские политики и ученые склонны были видеть в качестве главных причин вооруженных конфликтов почти исключительно «национальный экстремизм» одной из конфликтующих сторон. Многие авторы научных работ и журнальных статей на эту тему вольно или невольно способствовали еще большему обострению подобных конфликтов. Поэтому проблема выработки действительно научного, теоретически обоснованного подхода к данной проблеме потеряла свое сугубо схоластическое значение и приобрела практический характер военно-политической необходимости.

Межнациональные вооруженные конфликты в чистом виде, в принципе, не существуют. За какую национальную идею воюют, например, Армения и Азербайджан или та же Абхазия? Во имя какой национальной идеи дискриминируется русскоязычное население в большинстве бывших союзных республик СССР? Какие национально-религиозные распри лежат в основе вооруженных конфликтов в Таджикистане или Чечне? Список вопросов можно было бы продолжить, но на каждый из них невозможно дать однозначного мотивированного ответа, если исходить из одной только «национальной идеи». В каждом конкретном случае речь идет о специфических геополитических, экономических и иных интересах противоборствующих сторон. Однако само по себе выявление одних лишь интересов не позволяет понять всю проблему до конца. Предлагаемый подход свидетельствует — народы, веками населявшие пространство «одной шестой части суши», оказались связанными чем-то большим, чем «господство советской власти», а именно, особой геополитической тектоникой, сдвиги в которой, подобно сдвигам в земной коре, приводят к катаклизмам. Безусловно, каждый отдельный вооруженный конфликт на территории бывшего СССР имеет собственные непосредственные причины и логику возникновения, но главной, универсальной причиной всех межнациональных и межгосударственных конфликтов являются глобальные, региональные и субрегиональные геополитические трансформации.

При классификации вооруженных конфликтов на постсоветском пространстве некоторые ученые предлагают в качестве основного критерия использовать уровень порожденного данным конфликтом насилия. При этом все конфликты делятся на насильственные; насильственные, но управляемые; чреватые насилием; потенциально насильственные и ненасильственные.

Другие исследователи сходятся на том, что поскольку одной из наиболее распространенных причин возникновения межнациональных вооруженных конфликтов выступают территориальные споры, то типологию таких конфликтов в бывшем СССР можно представить следующим образом: 1) конфликты из-за исторически спорных территорий; 2) конфликты между этническим большинством и компактно проживающим этническим меньшинством; 3) конфликты, вызванные властным произволом в преобразовании административных границ; 4) конфликты, связанные с отсутствием у народа своей национальной государственности и рассеченностью его этнической территории политическими или административными границами; 5) конфликты в результате насильственной инкорпорации земель какого-либо народа; 6) конфликты в результате предшествующего изгнания народа со своей территории и возвращения депортированных людей на свою историческую родину.

Несмотря на то что такой подход более обоснован, чем существующие, он вряд ли может претендовать на роль всеобъемлющей классификации, прежде всего из-за отсутствия полноты охвата проблемы. В самом деле, ведь отнюдь не все вооруженные конфликты в бывшем СССР имеют в своей основе территориальные разногласия. Несомненно, трудно провести универсальную классификацию таких конфликтов, удовлетворяющую самым разным подходам и критериям, но ее можно существенно детализировать. При этом в каждом отдельном случае уже сам выбор тех или иных критериев может вызвать дискуссии.

Вместе с тем абсолютное большинство отечественных и зарубежных исследователей признают тот факт, что ключевым «игроком» в постсоветском геополитическом пространстве остается Россия. С этой точки зрения, на наш взгляд, можно считать вполне правомерным при классификации конфликтов в качестве критерия принять степень угрозы национальным интересам России, которая (степень) к тому же считается главным показателем при разработке стратегии национальной безопасности государства. Среди ее показателей можно назвать такие, как угроза государственному суверенитету и территориальной целостности страны; конституционному строю, законности, правопорядку и общест-

венной безопасности; безопасности и стабильности в прилегающих к границам России регионах; физической безопасности значительной части населения; свободе деятельности в Мировом океане и космическом пространстве, доступу к важным для России международным экономическим зонам и коммуникациям в соответствии с нормами международного права и т.д.⁶ Если взять эти критерии в качестве главных, то межгосударственные и внутригосударственные вооруженные конфликты на территории бывшего СССР и в сопредельных регионах можно классифицировать следующим образом:

Конфликты группы "А". Конфликты, непосредственно затрагивающие национальные интересы России типа "центр — периферия", внутри Российской Федерации (Чечня, Татарстан); этноконфессиональные и территориальные внутри Российской Федерации (Северный Кавказ); те, в которых прямо или косвенно "задействована" нынешняя территория России (к примеру, претензии Эстонии и Литвы на часть российских земель); те, в которых затрагивается гражданско-правовой и политико-экономический статус русских (большинство бывших республик Союза). К этой группе можно отнести и потенциальные очаги напряженности в отношениях Москвы и субъектов Федерации (например, Тува, Коми).

Расширяющееся военное сотрудничество США и НАТО с приграничными с Россией государствами и проведение многочисленных военных учений и маневров с отработкой практических действий войск и сил непосредственно у границ РФ, стремление некоторых стран ограничить деятельность Российской Федерации в зонах ее жизненных интересов создают новую сферу потенциальных очагов напряженности, относящихся к этой же группе.

Конфликты группы "Б". Конфликты, потенциально затрагивающие национальные интересы России. К ним относятся конфликтные и кризисные ситуации в ближнем зарубежье (Таджикистан, Нагорный Карабах, Южная Осетия, Абхазия, Приднестровье, Крым и др.).

С точки зрения интересов национальной безопасности, при разрешении конфликтов группы "А" российскому руководству, очевидно, следует играть более активную роль: уметь опережать развитие событий, а не следовать логике уже свершившихся фактов. Разумеется, в каждом отдельном случае необходимо учитывать реалии конкретной конфликтной ситуации. Кроме того, безусловным императивом для российского правительства должно стать исключение всякой возможности использования вооруженных сил для прямого вмешательства в конфликты на тер-

ритории страны, так как это чревато самыми непредсказуемыми последствиями и в конечном счете неизмеримо большими угрозами национальной безопасности государства. Если Россия попытается применить силу в зоне конфликтов для достижения своих целей, то тем самым она будет способствовать образованию равных противодействующих сил, как это случилось в Чечне. В отношении конфликтов данной группы следовало бы разработать комплекс взаимосвязанных мер активного политико-дипломатического и экономического воздействия и заручиться поддержкой этих мер мировым сообществом. Такая позиция вызвала бы у ведущих государств мира если и не "бурный восторг", то по крайней мере уважение. Используя подобный подход, Россия смогла бы показать как конфликтующим сторонам, так и всему мировому сообществу, что, во-первых, ей не безразличен исход конфликта и что она выступает за совершенно определенный вариант его разрешения, не противоречащий международным нормам и учитывающий интересы всех вовлеченных сторон, и, во-вторых, что ее активная дипломатическая позиция призвана не просто произвести впечатление, а прежде всего и всерьез гарантировать свои национальные интересы.

При разрешении конфликтов группы "Б" Россия напрямую вмешиваться не может, однако способна, по просьбе какой-то из конфликтующих сторон, выполнять миротворческую, третейскую, роль. Именно эта роль выглядела бы органичной для сегодняшней дипломатии России (что подтверждается опытом Таджикистана и Приднестровья), поскольку прямое силовое участие в зонах конфликтов, не затрагивающих непосредственно российские интересы, как правило, вызывает нежелательную реакцию там, где эти интересы затрагиваются безусловно. Вероятно, целесообразно было бы руководствоваться принципом иерархии политических приоритетов (или, как говорят американцы, "адекватности ответов на вызовы"), то есть ответ России на конфликты группы "Б" не должен превышать степень их потенциальной угрозы ее национальным интересам.

При этом в сложившейся ситуации участие России в локальных войнах и вооруженных конфликтах в более широком контексте может быть рассмотрено в следующих формах:

— в качестве одного из непосредственных участников при открытом декларировании своего участия;

— в качестве союзника одного из участников международного конфликта;

— в качестве союзника одного из участников внутригосударственного военного конфликта;

— в качестве третьей стороны, осуществляющей стабилизационные мероприятия в зоне конфликта как в форме прямой односторонней интервенции, так и в форме классических миротворческих операций по сохранению перемирия.

Любой из этих вариантов создает самостоятельный политический контекст и требует от российского руководства использования специфических форм политического, экономического, военного и специального обеспечения своих действий. Опыт ведения боевых операций в Чечне свидетельствует о многих недостатках в использовании личного состава, оружия и военной техники, о слабом дипломатическом и пропагандистском обеспечении самого факта применения вооруженных сил внутри государства. Отсюда — масса серьезных проблем.

Рассматривая сущность националистических движений, следует отметить, прежде всего, их массовость и остроту, которые, как правило, являются следствием внутривнутриполитических условий в государстве-источнике. Условия эти следующие: *невозможность* или затруднительность ассимиляции национальных меньшинств из-за глубинных культурных, этнополитических и этноконфессиональных различий проживающих в данном государстве народов; *активность* политической элиты национальных движений, отстаивающей свои требования в национальном вопросе давлением на центр, вплоть до угрозы применения силы; *отказ или нежелание* центрального руководства идти на переговоры с лидерами национальных меньшинств.

Как показал опыт, вооруженный конфликт между государством и националистическими движениями проходит несколько этапов: противостояние законов, использование репрессивных мер, создание националистических вооруженных формирований, непосредственное противостояние, наконец, вооруженные столкновения.

Специфическим продолжением этнических кризисов стали конфликты антирасистской направленности, а также конфликты, вызванные борьбой наций за обретение своей исторической родины или компактной территории для построения собственного государства. К таким нациям в настоящее время относятся палестинцы, курды, турки-месхетинцы, крымские татары и другие.

Ряд военно-политических кризисов и вооруженных конфликтов после 1946 года произошел на основе ирредентизма⁸. Хотя ирредентистские движения были относительно малочисленными среди национали-

стических движений, тем не менее их лозунги всегда таили в себе мощный взрывной потенциал. В конце XX века ирредентизм наглядно проявляется в ряде государств Центральной Африки, в бывшей Югославии, в отдельных регионах постсоветского пространства.

При столкновении интересов центра и национальных меньшинств из-за распределения тех или иных материальных и духовных ценностей возникают сепаратистские (реже автономистские) движения. Причиной кризиса в данном случае могут стать не только территории и природные богатства, но и виды деятельности, источники доходов, власть, престиж и социальный авторитет. Обострение такой ситуации может привести к внутригосударственному вооруженному конфликту — к конфронтации интересов государства и отдельных этнических групп.

Успех сепаратистского (автономистского) движения зависит от политической зрелости его лидеров, социальной поддержки масс, реакции правящих кругов, от степени боеспособности вооруженных формирований, оперативно-стратегической значимости конкретного национального района, а также от международной обстановки в целом.

Особый тип вооруженных конфликтов составляют конфликты, вызванные межгосударственными территориальными спорами. Они возникают, как правило, в тех случаях, когда спорные территории имеют военно-стратегическое или особое экономическое значение для обоих "претендентов".

Нередко к конфликтным ситуациям приводят попытки пересмотра пограничных межгосударственных договоров, а также отказ государств (как правило, молодых) признать прежние административные границы, которые были определены для них в рамках колониальных империй или некогда единых многонациональных федераций (Иран, Ирак, бывшие Югославия и СССР, Перу, Эквадор и т.д.).

В данном контексте нельзя не отметить один важный аспект, который стал своеобразной "новинкой" в теории конфликтологии последнего времени. Имеется в виду коалиционное сокращение вооруженных сил по периметру границ соседних государств. В качестве примера может послужить подписанное в мае 1997 года соглашение между Россией, Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном и Китаем "о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы". Подписание этого беспрецедентного для Азии документа выводит страны-участницы на абсолютно новый уровень взаимного доверия и понимания в самой чувствительной области, связанной с обеспечением их национальной безопасности. В столицах подписавшихся стран при этом было отмечено, что в

условиях, когда НАТО пытается осуществить экспансию на Восток, а Япония и США всячески укрепляют и расширяют масштабы “совместной обороны”, сам факт подписания подобного соглашения убедительно показывает, кто на самом деле является сторонником установления “мирного, стабильного и справедливого мирового порядка”.

Несколько слов о гражданских войнах. Само понятие “гражданская война” трудно поддается определению. В целом этот вид вооруженного насилия может рассматриваться как одна из форм внутригосударственного вооруженного конфликта (войны). При этом военные действия могут носить ограниченный характер (Ирландия, Алжир, Китай). В других случаях они могут определять всю общественно-политическую жизнь государства на протяжении продолжительного исторического отрезка (Судан, Чад, Ливан, Ангола).

У истоков гражданской войны, как правило, лежат действия социально организованного класса или группировки. В ходе войны принятые ранее законодательные акты утрачивают свою юридическую силу, по крайней мере для одной из сторон. Как правило, уже на ранних этапах гражданской войны происходит ее интернационализация, что само по себе создает предпосылки для возникновения межгосударственных вооруженных конфликтов.

Особое место среди регионов, подверженных возникновению вооруженных конфликтов, занимает постсоветское пространство. Есть ряд специфических причин, которые способствуют возникновению насилия, межэтнических и межконфессиональных неурядиц в различных районах бывшего СССР. Одна из них — большое количество оружия в частных руках. По последним данным, у населения имеется свыше 30 миллионов единиц огнестрельного оружия. На территории России и в странах СНГ отдельные общественные движения и политические партии создали собственные воинские формирования, их насчитывается более 500. Военные структуры, смыкаясь с криминальными группировками, при определенных обстоятельствах могут спровоцировать вооруженное насилие и даже гражданскую войну. При этом важно отметить, что население СНГ психологически находится в стадии ожидания всевозможных военных потрясений. По данным социологических опросов, 44% респондентов считают вполне вероятной возможность столкновения между Россией и другими государствами бывшего СССР. От 41% (Москва) до 71% (Северная Осетия) участников одного из опросов выразили готовность включиться в борьбу в интересах своей национальной группы, и

это при том, что на постсоветском пространстве проживают 162 нации и народности.

Причинный ряд конфликтов в странах СНГ довольно велик: это и экономические трудности, и неурегулированность пограничных вопросов, и проблема русскоязычного меньшинства, и этноконфессиональные споры, и многое, многое другое.

Рассмотренные выше причины обуславливают глубинные факторы возникновения локальных войн и вооруженных конфликтов. Но важно знать и другое — что является непосредственным поводом, ситуативной причиной возникновения той или иной военной конфронтации.

Непосредственные причины возникновения войн и вооруженных конфликтов в широком плане могут быть определены как специфические события, изменения и действия, которые носят провоцирующий характер и воспринимаются другими государствами как угроза их жизненно важным интересам. Они могут быть классифицированы по отдельным видам. Важнейший из них — политические (вербальные) акты, которые, как правило, включают в себя протесты, угрозы, обвинения, ультимативные требования и т.д.

Ситуативной причиной конфликтов могут стать также вызывающие внешнеполитические действия, включающие, как правило, элементы подрывной деятельности, коалиционные мероприятия государств против общего оппонента, дипломатические санкции, денонсации или нарушения договоров. К примеру, Суэцкий кризис 1956 года разразился сразу же после решения Египта о национализации Суэцкого канала. Подобные действия Каира были восприняты в Лондоне и Париже как непосредственная угроза западным интересам в ближневосточном регионе. Последовали бомбардировки египетской территории, а затем и высадка англо-французского десанта.

После Второй мировой войны конфликты зачастую инициировались внутривнутриполитическим вызовом правящему режиму. Это могли быть обвинения руководства страны в средствах массовой информации, попытки государственного переворота, массовые акты саботажа, терроризм, покушения на государственных деятелей, демонстрации, забастовки, сопротивление введению чрезвычайного (или военного) положения, нарушение конституционного строя, усиление повстанческих движений и т.д. Конфликты, вызванные подобными действиями, принимают, как уже отмечалось, формы внутригосударственной войны.

Внутригосударственные вооруженные столкновения в Иордании в 1958 году стали следствием попытки государственного переворота,

направленного на свержение короля Хусейна. В поддержке мятежников были обвинены Сирия и Египет и косвенно — СССР. По причине некоторых из вышеперечисленных вызовов разразились конфликты в Венгрии, ЧССР, Индонезии и ряде других государств.

Здесь, по всей вероятности, следует остановиться более подробно на конфликтных ситуациях на территории бывшего СССР.

Прежде всего, пожалуй, следует остановиться на *Нагорном Карабахе*. Непосредственной причиной начала вооруженного конфликта стало принятие 1 декабря 1989 года Верховным Советом Армянской ССР и Национальным Советом Нагорного Карабаха совместного постановления о воссоединении. Этот акт был обусловлен принятием накануне в Азербайджане закона о суверенитете, в соответствии с которым в любой момент Нагорный Карабах мог быть лишен автономии и выведен совместно с Азербайджаном из состава СССР. Несмотря на введение союзными властями чрезвычайного положения в автономной области, вооруженные столкновения между участниками конфликта продолжались. После провозглашения в сентябре 1991 года независимой Нагорно-Карабахской Республики и окончательного распада СССР конфликт приобрел особую ожесточенность, оказывая прямое воздействие на внутривнутриполитические процессы как в Армении, так и в Азербайджане. 12 мая 1994 года усилиями ряда российских и зарубежных компетентных организаций удалось несколько ослабить накал вооруженного противодействия — была достигнута договоренность о прекращении огня в зоне армяно-азербайджанского конфликта. К середине 1997 года наметились отдельные позитивные сдвиги в урегулировании проблемы. Однако для полного разрешения кризиса потребуются еще многие годы.

Импульсом к началу конфликта в *Южной Осетии* послужили проведенные в декабре 1990 года без санкции грузинских властей выборы депутатов в Верховный Совет республики. В ответ сессия Верховного Совета Грузии признала выборы незаконными и приняла решение об упразднении Южно-Осетинской автономной области, образованной в 1922 году. После отказа южно-осетинского парламента самораспуститься начались вооруженные столкновения между грузинскими войсками и в спешном порядке созданными воинскими формированиями Южной Осетии.

Непосредственной причиной вооруженного конфликта между *Грузией и Абхазией* стало решение абхазского парламента от 23 июля 1992 года о восстановлении в автономной республике конституции 1925 года, что фактически означало независимость Абхазии. В тот же день госс-

вет Грузии признал это решение недействительным. Подобный шаг официального Тбилиси был встречен крайне отрицательно в абхазских политических кругах. Через месяц регулярные грузинские войска под предлогом охраны железнодорожных путей вступили на территорию автономной республики, что вызвало, как известно, отрицательную реакцию в Москве. Почти два года продолжались ожесточенные бои между воинскими формированиями обеих сторон с многочисленными жертвами и разрушениями.

После провозглашения независимости *Таджикистана* (1991 год) в стране сразу же начались бурные политические процессы, в которых непосредственное участие принимали бывшая партийная номенклатура, демократическая и исламская оппозиции, каждая из которых обособилась по клановому признаку и имела собственные вооруженные группы. В 1992 году политическое противостояние переросло в военное, в ходе которого Узбекистан и Россия оказывали содействие бывшей номенклатуре, которая выглядела более надежной опорой их геополитических интересов, чем непредсказуемая демократо-исламская оппозиция, ориентированная на зарубежные центры влияния. Демократо-исламская оппозиция вынуждена была уйти в горы или в соседний Афганистан, сформировав там временное правительство, в котором ведущую роль продолжительное время играла Исламская партия возрождения Таджикистана. Около десяти раундов междутаджикского диалога при посредничестве ООН не дали результата. Стороны придерживались диаметрально противоположных взглядов на пути и методы разрешения противоречий. Лишь в начале 1997 года при прямом посредничестве России удалось несколько ослабить ситуацию — конфликтующие стороны достигли компромисса по ряду ключевых проблем внутритаджикского примирения.

Российская 201-я дивизия, российские пограничники и миротворцы именно в Таджикистане впервые оказались причастными к событиям в воюющей мусульманской республике бывшего Союза. Они вплотную столкнулись с особенностями исламского джихада (“священной войны”). К сожалению, приобретенный опыт не был в достаточной степени обобщен и изучен, что наглядно проявилось в ходе *чеченской войны*.

Федеральные власти не спешили признать наличие внутрисоюзного вооруженного конфликта на территории Российской Федерации. Своевременное признание факта вооруженной конфронтации позволило бы еще в конце 1994 года ввести в конфликтной зоне соответствующий режим, вытекающий из требований международного права.

Парадоксально, но понятие “вооруженный конфликт” применительно к событиям на Северном Кавказе с декабря 1993 года уже употреблялось в официальных документах президента и правительства. Более того, в постановлении Государственной думы № 515-1 ГД от 8 февраля 1995 года “О порядке применения постановления Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации “Об объявлении амнистии в отношении лиц, участвовавших в противоправных деяниях, связанных с вооруженными конфликтами на Северном Кавказе”, впервые в истории России дано определение понятия “вооруженный конфликт” применительно к внутрироссийской ситуации.

В п. 2 говорится: “Под вооруженным конфликтом, указанным в п. 1 постановления об объявлении амнистии, следует понимать противоборство между: а) вооруженными формированиями (вооруженными объединениями, дружинами, отрядами самообороны, другими вооруженными группами), созданными и действующими в нарушение законодательства Российской Федерации (незаконными вооруженными формированиями), и органами внутренних дел и подразделениями внутренних войск Министерства внутренних дел Российской Федерации; б) незаконными вооруженными формированиями, созданными для достижения определенных политических целей; в) лицами, не входившими в незаконные вооруженные формирования, но участвовавшими в вооруженном противостоянии в связи с территориальными притязаниями на этнической или религиозной почве”.

Ситуативной причиной вооруженных конфликтов зачастую становятся косвенные насильственные действия, такие, как государственный переворот в соседней стране, силовые действия против союзного или дружественного государства и т.д.

Межгосударственный военно-политический кризис, затем перерастающий в вооруженный конфликт, может быть вызван внешним ситуационным изменением, которое предполагает появление у оппонента специфического оружия или новейших наступательных систем, изменение в балансе сил на глобальном и региональном уровнях и т.п. Характерные примеры — Карибский кризис и Октябрьская война 1973 года на Ближнем Востоке.

Наиболее распространенной непосредственной причиной вооруженных конфликтов являются насильственные военные действия — пограничные столкновения, нарушения границ ограниченными силами, вторжения в воздушное пространство, морские инциденты, бомбардировки объектов на территории другого государства...

С другой стороны, военный конфликт может быть вызван и насильственными военными действиями, к которым относятся: демонстрация военной силы, проведение военных учений и маневров, мобилизация вооруженных сил, изменение в дислокации армейских частей и подразделений, угрожающее передвижение войск и т.д. Примером может послужить вооруженный конфликт между США и Китаем в рамках Корейской войны, который был вызван пересечением объединенными войсками ООН 38-й параллели и их приближением к китайской границе.

Специфическими ситуативными причинами возникновения вооруженных конфликтов могут стать захваты заложников или даже менее значительные инциденты. К примеру, причиной вооруженного конфликта между Сальвадором и Гондурасом стало “плохое” обращение гондурасских властей с сальвадорской футбольной командой и с сальвадорскими эмигрантами в целом. Подрыв полицейской машины в пограничной зоне ЮАР послужил предлогом для вооруженного конфликта между Южно-Африканской Республикой и Замбией.

В общем же динамика влияния непосредственных причин на возникновение локальных войн и вооруженных конфликтов *развивалась по определенной схеме*. Конфликт не возникал, если в начальной стадии одна из сторон доводила до другой свои “пожелания и просьбы” — и оппонент сразу же уступал. В случае столкновения интересов и сопротивления оппонента кризис перерастал в фазу конфронтации. Она могла быть кратковременной или продолжительной и характеризоваться переменной напряженностью. Как правило, в рамках фазы конфронтации возникало несколько пиков напряженности, которые потенциально могли завершаться вооруженным конфликтом.

Как возникновение, так и ход локальных войн и вооруженных конфликтов выстраиваются в *определенную систему*, которой присущи не только элементы взаимосвязи, но и взаимного дополнения:

Во-первых, непосредственными и косвенными участниками конфликтов являются государства, коалиции государств, правящие режимы, международные и региональные организации, оппозиционные и повстанческие движения, террористические и экстремистские группы, партии, группировки, незаконные воинские формирования.

Во-вторых, участники локальных войн и вооруженных конфликтов в той или иной степени связаны с другими государствами, с их официальными или неофициальными структурами, имеющими определенные цели, интересы и установки в отношении данной конфронтации. Поэтому даже внутригосударственный вооруженный конфликт следует рас-

смагивать как международное событие, способное при определенных условиях перерасти в локальную войну международного масштаба или в крупномасштабную региональную войну;

В-третьих, в вооруженном конфликте или локальной войне противоборствующие стороны формируют и реализуют лишь собственную стратегию, используя при возможности и необходимости рекомендации и опыт союзников.

В-четвертых, историко-теоретический анализ локальных войн и вооруженных конфликтов показывает, что в основе их возникновения лежат как долговременные, так и ситуативные причины. Сущность причинности находится в надсистемных и внутрисистемных противоречиях. От их динамики во многом зависит сам характер возникновения конфликтов, способы их урегулирования и предотвращения.

В-пятых, к локальным войнам и вооруженным конфликтам необходимо подходить как к явлениям многогранным, затрагивающим не только человеческие судьбы, но и создающим потенциальную угрозу всеобщей безопасности планеты.

Поэтому получение и применение знаний о сущности происхождения войн, способах и методах их ведения и предотвращения — это один из путей улучшения жизни человечества да и сохранения земной цивилизации как таковой.

Авторы исходят из того, что период после окончания "холодной войны" существенно отличается от других периодов после окончания Второй мировой войны (имеются в виду исторические рубежи окончания длительного военного или вооруженного противостояния великих держав). Во-первых, он характеризуется *крайней неопределенностью*. Во-вторых, процессы расцвета и последующего распада великих держав, а также общецивилизационные технологические, экономические и культурные *изменения в мире резко ускорились*. В-третьих, в обозримом будущем конфликты будут иметь совершенно *иную причинную основу* по сравнению с периодом "холодной войны".

Тот факт, что США остались единственной сверхдержавой в мире, не означает, что мир стал однозначно однополюсным. В настоящее время существует целый ряд политических, военных и экономических задач, которые США не в состоянии решить самостоятельно. Вместе с тем мир не стал и многополярным, поскольку все великие державы, кроме США, испытывают недостаток в одном или нескольких компонентах для образования самостоятельного центра силы. В действительности структура власти в мире приняла достаточно сложную конфигурацию. С точки

зрения военной мощи мир в лице США стал относительно однополярным. СССР/Россия, как недавняя сверхдержава, к концу 1998 года (в результате военной "реформы") понесла "потери", сопоставимые с потерями на фронтах Второй мировой: 17 общевойсковых и танковых армий, 2 армии РВСН, 5 воздушных армий, 3 армии ПВО; возможности стратегических ядерных сил уменьшились в 2,5 раза по сравнению с США. Вряд ли после подобных сокращений Вооруженные силы России смогут проводить операции стратегического масштаба¹⁰. Структура экономической власти с определенной долей условности может быть определена как трехполярная: США, Европа и Япония в совокупности производят около 2/3 мирового валового продукта. К началу XXI века к этим странам может присоединиться и Китай. В целом на уровне межгосударственных отношений происходит дальнейшее ослабление роли государства как такового с одновременной концентрацией власти у транснациональных корпораций, международных финансовых институтов и криминальных групп.

В настоящее время маловероятен наиболее опасный вид вооруженного конфликта — непосредственное столкновение между двумя или более основными властными центрами в мире (США, Россией, Китаем, Японией и Европой в целом) с целью фундаментального изменения структуры межгосударственных отношений. Великие державы в своем поведении уже не исходят из мотивов, которые могли привести к территориальной агрессии, поскольку путь к международному престижу, власти и экономическому успеху в настоящее время пролегает не через территориальные завоевания, а через высокотехнологичное производство и человеческий капитал.

Постепенно ослабляется значение таких потенциальных источников локальных войн и вооруженных конфликтов, как борьба ведущих стран мира за установление выгодного баланса интересов и сил в различных регионах мира. Ядерное оружие по-прежнему остается чрезвычайно эффективным фактором сдерживания, а постоянное совершенствование систем разведки, прежде всего спутниковой, позволяет своевременно выявить реальные военные возможности оппонентов. Эти факторы во многом объясняют, почему, несмотря на 50-летний период интенсивного соперничества, не произошло крупномасштабных и прямых столкновений между советскими и американскими войсками. При этом последовавший после распада Советского Союза период реструктуризации глобальных международных отношений также прошел без особого рис-

ка крупномасштабной войны, в отличие от предшествовавшей истории распада мировых империй и великих держав.

Эти положения подтверждаются Межведомственной рабочей группой при Генеральном штабе по выработке новой военной доктрины Российской Федерации. Группа на основе анализа развития военно-политической и военно-стратегической обстановки сделала вывод, что “в современных условиях крупномасштабная военная агрессия против России в традиционных формах — при поддержании на необходимом и достаточном уровне российского потенциала ядерного сдерживания — в ближайшие годы маловероятна”¹¹.

Отсутствие вероятности вооруженного столкновения между великими державами не означает, что между ними не может быть периодического обострения противоречий и даже роста напряженности. Различные подходы к путям и способам урегулирования конфликтов уже не один раз продемонстрировали это. Другой вероятной сферой напряженности в их отношениях может стать попытка перераспределения ответственности за поддержание международной системы безопасности и нового мирового порядка. Из нынешних великих держав наибольшее опасение вызывает неясность дальнейшего внутри- и внешнеполитического развития России и Китая, что непосредственно влияет на состояние региональной безопасности.

Со значительно большей вероятностью вооруженные конфликты могут возникать в результате попыток региональных держав овладеть ядерным оружием или установить гегемонию в соответствующем регионе. Это в первую очередь касается Индии и Пакистана, которые летом 1998 года официально провели ядерные испытания. По некоторым сведениям, компонентами для производства оружия массового поражения обладают Северная Корея, Иран, Ирак, Ливия, Алжир, ЮАР, Бразилия, Израиль и ряд других стран.

В целом наиболее распространенные войны и вооруженные конфликты в последующие годы, вероятно, будут носить субрегиональный, локальный или местный характер. При этом значительная их часть будет обуславливаться прежде всего неспособностью правительства эффективно управлять государством (феномен так называемого “несостоятельного” государства), а также неконкурентноспособностью отдельных государств и групп стран в современном мире. Исходя из подобного утверждения, в обозримой перспективе, по нашему мнению, наиболее реальной для России явится опасность возникновения именно локальных войн и вооруженных конфликтов. Не исключено развязывание од-

новременно или последовательно на границах Российской Федерации и ее союзников нескольких локальных войн и вооруженных конфликтов, которые при определенных условиях могут перерасти в крупномасштабную региональную войну. При этом нельзя исключать того варианта, что внутренние вооруженные конфликты могут быть использованы для военного вмешательства со стороны других государств или их коалиций во внутренние дела России.

О дальнейшей перспективе развития межгосударственных отношений в XXI веке пока говорить трудно. Однако уже сейчас можно предположить, что усиливающаяся в глобальном масштабе поляризация богатства и нищеты, продолжающееся обездоливание некоторых стран и даже континентов производят настолько сильное социальное расслоение в глобальном масштабе, что в конечном итоге оно может вызвать различные формы межцивилизационной и межклассовой борьбы, которая будет носить еще более ожесточенный характер, чем предсказывали основоположники марксизма-ленинизма.

В подобных условиях получение как можно более полных и адекватных знаний о сущности, особенностях происхождения войн и методах их ведения, умелое использование этих знаний по своевременному распознаванию и предотвращению войны, прежде всего на этапе дэскалации кризисной ситуации, — приоритетный путь в поддержании глобальной и региональной стабильности.

Важно отметить еще один момент. Многие локальные войны и вооруженные конфликты последних 50 лет в той или иной степени были связаны с существованием двух противоположных общественно-политических систем, двух антагонистических военных блоков — НАТО и Варшавского договора. Последний, как известно, канул в Лету. НАТО расширяется на Восток, принимая в свои ряды недавних союзников СССР. Продолжается острая полемика — что это даст России, не окажется ли она на задворках мировой цивилизации, испытывая постоянную угрозу от своих ближних и дальних соседей?

Это вопрос довольно сложный и требует специального исследования. Отметим лишь, что уже в течение нескольких лет с Североатлантическим альянсом ведутся конструктивные переговоры, начали формироваться совместные подходы к различным проблемам предотвращения войн и вооруженных конфликтов. Нельзя в этой связи обойти вниманием основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией Североатлантического договора, который был подписан на высоком политиче-

ском уровне в конце мая 1997 года. Стороны обязались строить прочный и всеобъемлющий мир на принципах демократии и безопасности, основываясь при этом на высоких гуманистических идеалах сотрудничества и уважения интересов и национальных чаяний друг друга. Россия и НАТО заявили, что они больше не противники и являются гарантами преодоления "остатков прежней конфронтации и соперничества и укрепления взаимного доверия и сотрудничества". Стороны декларировали, что отныне будут делать все для предотвращения конфликтов, включая "превентивную дипломатию", проводить совместные операции с целью восстановления мира в любой точке земного шара, всемерно укреплять "региональную безопасность". Они торжественно заявили, что не имеют намерений, планов или причин для "развертывания ядерного оружия" на территории новых членов НАТО. Одним словом, соглашение с НАТО предписывает "идеальные" формы установления бесконфликтного мира в предстоящем тысячелетии.

Хотелось бы верить в это. Но скрупулезный анализ фактов и событий последнего десятилетия отнюдь не настраивает на оптимистический лад. В акте не учтены многие факторы современной конфронтации, особенно на постсоветском пространстве; весь текст документа выдержан в старом протокольном стиле (потому он и не вызвал "должной" реакции в западных СМИ). В принципе, подписанное соглашение — "хороший" документ. Но он подготовлен без соответствующего научного обоснования, — и в этом бич внешней политики Российской Федерации. Положения о внутригосударственных конфликтах и методах их урегулирования, об этноконфессиональных спорах внутри одного государства, о сугубо "местных" национальных проблемах и т.д. вообще выпали из него. А ведь с ними связаны многочисленные аспекты безопасности, мира и стабильности на огромных просторах Евразийского континента. Эта проблема есть и будет актуальной по крайней мере до конца первой половины XXI века. В той или иной степени это подтверждают события в бывшей Югославии (Босния и Герцеговина, Косово), в Афганистане, на Корейском полуострове, в ряде регионов постсоветского пространства. Как полагают многие отечественные военные аналитики, недавняя военная акция НАТО против Югославии является прямым следствием "узкого" понимания основополагающего акта и несет непосредственную угрозу для России. Непосредственным следствием "узости" основополагающего акта является то давление, которое в последнее время оказывает Запад на Россию в связи с проводимой ею антитеррористической операцией в Чечне.

Важно отметить и то, что в последние годы уходящего XX столетия процессы изменения геополитической ситуации в мире и в характере международных отношений стали более динамичными. Это привело к появлению новых факторов, оказывающих серьезное влияние на развитие военно-политической и военно-стратегической обстановки в мире. К таковым, по мнению авторов, следует отнести: формирование противоречия между стремлением США к однополюсному миру и фактическим развитием полицентризма в мировой политике; рост агрессивного национализма и религиозного экстремизма; стремление ряда третьих стран использовать складывающуюся ситуацию в своих интересах, чему в немалой степени способствует объявление ими постсоветского пространства зоной жизненно важных интересов; скрытая и явная политика противодействия интеграционным процессам в рамках СНГ со стороны ряда государств, попытки вмешательства во внутренние дела России; более отчетливое проявление сепаратизма на этноконфессиональной основе в некоторых субъектах Российской Федерации; активное противодействие деятельности РФ на рынке современных технологий, в космическом пространстве, на важнейших мировых коммуникациях и ряд других. Именно эти факторы увеличивают вероятность возникновения локальных войн и вооруженных конфликтов как на границах Российской Федерации и ее союзников, так и на собственной территории.

Военно-политическое содержание любой локальной войны и вооруженного конфликта включает в себя следующие типовые компоненты: военно-политические и оперативно-стратегические цели; масштабы войны (конфликта) и способы ее (его) развязывания; используемые силы и средства; формы и способы вооруженной борьбы; продолжительность и интенсивность военных действий; методы политического урегулирования; итоги и результаты военной конфронтации. Некоторые отечественные исследователи считают, что главным, определяющим в локальных войнах и вооруженных конфликтах является их социальный характер, в содержательную часть которого они включают почти те же элементы: масштабы конфликта, специфику применения в нем способов, форм и средств борьбы, возможные последствия¹².

С этим можно согласиться. Однако, по всей видимости, вычленение типовых компонентов при рассмотрении военно-политического и оперативно-стратегического содержания любой военной конфронтации можно отнести к методологии более объективной, научно обоснованной и более современной.

**СУБНАЦИОНАЛЬНЫЕ АКТОРЫ
ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ:
НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ВЫЗОВЫ ДЛЯ РОССИИ**

В настоящей главе мы проанализируем различные формы взаимной соотнесенности процессов глобализации, транснационализации и регионализации на примере расширения евроатлантического политического пространства и формирования новых моделей приграничного сотрудничества на западных рубежах России. Мы также рассмотрим вопрос о политической, военной и экономической экспансии западных альянсов (и прежде всего НАТО) с точки зрения современных концепций регионализма и территориальности.

Основные тезисы нашей позиции можно сформулировать следующим образом:

- ряд событий последних лет, в ряду которых особую роль играет военная акция НАТО против Югославии, изменили соотношение между процессами глобализации и регионализации в современной системе международных отношений в пользу последнего;

- факт военного усиления НАТО и выдвигание этого альянса на ведущие позиции в системе военно-стратегических координат свидетельствует о преобладании геополитических соображений над геоэкономическими при решении конфликтных ситуаций. Одним из ярких проявлений этой тенденции является резко обострившаяся проблема границ;

- кризис во взаимоотношениях между Западом и Россией во многом объясняется неадекватными ожиданиями с обеих сторон, зародившимися в период перестройки. Нам представляется, что если Россия геополитически достаточно быстро определила свое новое отношение к Западу, то тот продолжает пребывать в состоянии интеллектуальной растерянности и отсутствия как адекватного понимания, так и конструктивных идей, касающихся всего комплекса политики в отношении России;

- в ближайшие годы наибольшие противоречия при взаимоотношениях с НАТО Россию ожидают на Северо-Западном направлении, что

будет связано с укреплением контактов между НАТО и странами Балтии, а также с дискуссиями вокруг статуса Калининградской области.

Различные научные школы, изучающие международные отношения, по-разному трактуют феномен современного регионализма. Реализм рассматривает международную систему как изначально «анархичную», в которой определяющее значение имеют эгоистические интересы государств. Различные формы регионализма могут быть следствием: а) необходимости укрепления чьих-то геополитических позиций («имперская версия»); б) попыток сбалансировать влияние конкурирующей державы («версия баланса сил»); в) создания системы коллективных отношений для защиты общих экономических интересов («версия гегемонистской стабильности»).

Школа институционализма полагает, что «анархия», о которой говорят реалисты, может быть исправлена с помощью сильных и эффективных институтов, которые являются каркасом для различного рода региональных блоков или альянсов. Многие институционалисты предпочитают объяснять формирование транснациональных регионов внутренними процессами в участвующих государствах, происходящими между властями различных уровней (центральными, региональными и муниципальными).

Когнитивный подход трактует регионализм как вид социальной рефлексии, отталкивающийся от доминирующих на настоящий момент (и способных видоизменяться под воздействием взаимной адаптации) представлений об идентичности и чувстве территориальной общности. Как одна из косвенных реакций на это в Западной Европе большое распространение получила концепция «возникающего регионализма» (emerging regionalism) или «регионостроительства» (region building). В ряде случаев регионализм трактуется как «конструируемое» (иногда - «воображаемое») явление, не могущее быть оторванным от определенного социально-политического контекста¹. К примеру, слом старого биполярного мира спровоцировал такие новые модели регионализма, как Черноморское экономическое сотрудничество, Баренц-Евроарктический проект и пр. Причем движущими силами регионализации выступают не только государства, но и неправительственные структуры (экономические «группы интересов», общественные организации, политические партии и т.д.)². К примеру, участники частных нефтепроводных проектов играют значительную роль в определении геоэкономической ситуации на северо-западных границах России³.

Такой подход, находясь в рамках конструктивистской парадигмы, очевидным образом релятивизирует понятие «регион», делает его гиб-

ким, «мягким», адаптируемым и подлежащим множеству интерпретаций. Так, Косово можно отнести и к «Восточной Европе» (политически), и к «Южной Европе» (географически) — в зависимости от контекста проблемы. Калининградская область — это часть и «Восточной Европы», и элемент формирующегося «Балтийского сообщества», и одновременно составная часть России. Социально конструируемыми являются и такие понятия, как идентичность, национальность, гражданство, региональная политическая культура и многие другие.

Термину «регион» действительно трудно дать четкую априорную дефиницию. Любая из них, как правило, носит достаточно свободный характер. Так, к примеру, Ульф Виберг определяет «регион как политическую зону, где политика носит конкурентный характер; как систему действий, в рамках которой решения принимаются рынком, государством или гражданским обществом; и как актора, способного спроецировать региональный интерес, определяемый коалиционно, на международном уровне...»⁴.

Регионализацию обычно определяют как комплексный процесс усиления в рамках определенной территории целого набора параметров взаимной зависимости, определяемой в политических, экономических, социальных и культурных категориях. Этот процесс не может быть лишен субъективных характеристик. В некотором смысле его можно сравнить с историческим процессом создания современных государств, с тем важным отличием, что регионостроительство не предполагает наличия единого властного центра и способно развиваться ненасильственным, консенсусным образом.

Новые регионы, появляющиеся в мире, можно поделить на две большие группы. Во-первых, это так называемые «однородные» регионы, среди которых выделяются три подтипа:

а) естественные регионы, очертания которых определяются общими топографическими, климатическими и иными природными характеристиками (Нордический регион);

б) регионы с сильным чувством общей культурно-исторической идентичности (Скандинавия);

в) экономически самодостаточные регионы с общим типом промышленного производства, объединяющего их («Большая Волга»).

Вторая группа — это так называемые функциональные регионы, составные части которых изначально не обязательно сходны с друг другом. Концепция создания функциональных регионов предполагает взаимодействие и интеграцию внутри них с тем, чтобы в конечном итоге добиться взаимной дополняемости собираемых вместе территориаль-

ных компонентов⁵. Идентичность при этом является гибким и изменчивым понятием, не исключающим и множественного числа (ряд специалистов считают, что наличие взаимно пересекающихся или накладывающихся друг на друга идентичностей «скрепляет», цементирует региональное политическое сообщество и делает его менее конфликтно-генным).

Бьорн Хеттне считает, что термин «регион» может использоваться для описания:

- географической единицы, отделенной от других теми или иными физическими рубежами («Европа от Атлантики до Урала», «Африка к югу от Сахары», «Индийский субконтинент»);

- социально-политической системы, предполагающей различные взаимоотношения между общественными группами, которые зависят друг от друга с точки зрения общей стабильности и безопасности. Внутри региона при этом должен поддерживаться баланс сил между различными политическими «полюсами» (Западная Европа конца XIX - начала XX века);

- организованной (формализованной) модели («сети») сотрудничества в военной, экономической, политической, культурной и иных областях;

- особого состояния гражданского общества, для которого в рамках определенной территории характерна тесная внутренняя коммуникация и конвергенция ценностей и культурных традиций;

- действующего субъекта международной политики, обладающего отчетливым своеобразием, потенциалом для активной деятельности, легитимностью, структурами для принятия решений, особенно в таких областях, как урегулирование конфликтов и поддержание социальных гарантий. В таком смысле регион может эволюционировать в сторону создания «региона-государства» либо наднационального «сообщества безопасности» (Европейский союз).

Процесс формирования регионов невозможен без серьезной интеллектуальной работы. Именно поэтому девяностые годы ознаменовались огромным количеством международных исследовательских проектов, конференций и публикаций по различным аспектам регионализма. Интеллектуальными «локомотивами» многих инициатив в этой сфере становятся так называемые транснациональные «эпистемологические сообщества» (epistemic communities), состоящие из ученых, экспертов, специалистов в области регионализма, политических советников и профессиональных консультантов. Однако в любом случае «региональное строительство» определяется не столько силой «воображения» и твор-

ческим потенциалом его субъектов, сколько вполне прагматическими, материальными обстоятельствами.

Процессы, происходящие в международных отношениях в середине — второй половине 1990-х годов, демонстрируют усложнившуюся взаимосвязь между двумя тенденциями современного мирового развития — глобализмом и регионализмом. "Векторы" этих двух тенденций подчас носят противоположный характер, а порой взаимно корректируют друг друга, что вносит дополнительные сложности в осмысление их динамики и баланса между ними.

Значительная часть современных общественно-политических проблем (в Боснии, Косово или Чечне) внетерриториальна в том смысле, что, во-первых, они не имеют решений, ограниченных строго фиксируемыми географическими рамками (и на Кавказе, и на Балканах всегда существует угроза быстрого расширения зоны даже самых незначительных конфликтов)⁶, и во-вторых, реальные центры принятия решений по разжиганию или преодолению конфликтов могут находиться далеко за пределами территории, непосредственно вовлеченной в конфликт.

Некоторые исследователи отмечают, что глобализация «размыла» «вестфальскую картографию», а вместе с ней — и четкие разграничительные линии между территориями⁷. Движущими силами этого процесса обычно называются:

- глобализация экономических транзакций (инвестиций, финансово-торговых проектов, создания новых видов занятости) под воздействием международных банков и транснациональных корпораций;
- революция в сфере коммуникационных технологий, приведшая к «сжатию времени и пространства»;
- расширение сферы деятельности международных организаций (НАТО, ОБСЕ, МВФ, МБРР и пр.);
- взаимозависимость государств в обеспечении военной безопасности;
- трансграничный «экологический менеджмент», то есть контроль за загрязнением водоемов, территорий и за сохранением естественных природных ресурсов, находящихся на территориях соседствующих друг с другом стран⁸.

«Одним из важнейших последствий воздействия этих процессов на государство стало ограничение его суверенитета вовне и внутри страны. В том же направлении действует и тенденция к фрагментации внутригосударственного политико-правового пространства. Вместе с тем добровольное делегирование государством части его функций или прерогатив как международным организациям, так и субъектам (сообществам)

внутри страны свидетельствует о делимости государственного суверенитета»⁹.

По мнению нижегородского политолога А.В. Дахина, «изменение границ в современном мире можно считать наиболее значимым признаком тектонической активности сил социального самоопределения, сепаратизма и глобализма... Подвижность границ традиционных "национальных" государств обусловлена в равной степени мотивами локального, внутреннего самоопределения регионов и мотивами глобального, планетарного... "переопределения" мирового порядка. Локальное самоопределение нередко оборачивается сепаратизмом, а глобальное "переопределение" — претензиями на монопольное мировое господство. И в том и в другом случае возникает агрессивное, разрушающее воздействие на традиционные структуры государственных границ. Его невозможно оценивать ни однозначно положительно, ни однозначно отрицательно. Скажем, повышение прозрачности границ государств Европы, объединенных шенгенским соглашением, не идет ни в какое сравнение с прозрачностью границ между Беларусью и Литвой или между Россией и Украиной, либо с дискуссиями по вопросу объединения Северной и Южной Кореи»¹⁰.

В принципе, противоречия между глобализацией и регионализацией отнюдь не новы. Новым для второй половины нынешнего десятилетия является содержание этих понятий и их взаимная сопряженность. Глобализм как одна из тенденций Западного мира до распада СССР сдерживался биполярностью "холодной войны" и потому на практике принимал компромиссные, то есть географически очерченные формы (например, концепция "трехстороннего сотрудничества" между США, Западной Европой и Японией). В советском же варианте модель глобализма носила крайне идеологизированный, экспансионистский характер. После устранения биполярного противостояния между двумя сверхдержавами глобализм получил новый и весьма мощный импульс.

Что касается регионализма, то коммунистические режимы в Восточной Европе и СССР были образцами жестко структурированных сверху, централизованных политических систем, что снимало с повестки дня проблемы региональных отличий и идентичностей внутри них. Не удивительно, что распад "мировой социалистической системы" сопровождался резким ростом значимости региональных проблем.

Отличия между «новым регионализмом», присущим международным отношениям конца XX века, от так называемого «старого регионализма» можно, вслед за шведским профессором Бьорном Хеттне, представить в виде следующей таблицы¹¹.

Старый регионализм	Новый регионализм
1. Существовал в условиях биполярности	1. Развивается как современная версия многополярности
2. Формировался в значительной мере «сверху», под контролем двух конкурирующих сверхдержав	2. Формируется «снизу» в том смысле, что процесс современной регионализации содержит элементы спонтанности и автономии его акторов
3. Имел протекционистский характер	3. Стремится к реализации идеи «открытого регионализма», совместимого с экономической взаимозависимостью
4. Как правило, четко ориентировался на решение либо экономических проблем, либо проблем безопасности	4. Более многомерен, так как параллельно включает в себя торгово-финансовое, экологическое, социально-политическое и иные измерения
5. Включал в себя исключительно отношения между суверенными государствами	5. Предполагает участие негосударственных и субнациональных акторов

Некоторые авторы называют обострение интереса к региональным проблемам в девяностые годы «второй волной» международного регионализма. «Спад» предыдущей, «первой волны», был связан с временным разочарованием в возможностях межрегиональной интеграции, и в частности, с ростом настроений, получивших название «европессимизм», а также с пробуксовкой различных моделей зон свободной торговли в странах «третьего мира».

Складывающийся новый мировой порядок пока еще не нашел оптимального баланса между глобализацией и региональными проблемами. Трудности на этом пути вполне понятны: если глобализация снижает значимость географических факторов, то регионализация, наоборот, подчеркивает значимость границ и этно-территориальных сообществ. «Территориальный инстинкт» продолжает играть огромную роль в деятельности государств.

Симптоматично, что феномен глобализма в сознании американского внешнеполитического истеблишмента стал восприниматься не как взаимозависимость, а как тенденция к универсализации американского понимания свободы и демократии. Именно в такой утилитарно-американизированной версии глобализм стал идейной подпоркой для военной акции США против Югославии 1999 года. И это понятно: трактовка глобализма с точки зрения взаимосоприженности сложнейших процессов, разворачивающихся в различных точках планеты, требует

взвешенности, обдуманности и гуманизма, поскольку неосторожные акции одной стороны могут отозваться против нее самой же.

Увлеченно говоря о якобы набирающем силу глобализме, американские политические и интеллектуальные лидеры часто де-факто занимались подменой понятий, ибо ни создание «трехсторонней» модели сотрудничества в рамках треугольника США — Западная Европа — Япония, ни идеи «атлантизма» не являются доказательствами глобализации современных международно-политических процессов. Они доказывают лишь тенденцию к тесной взаимной координации политических элит ограниченного числа наиболее развитых экономически и мощных в военном смысле государств, очевидным образом противопоставляющих себя остальному миру. К «глобальному сообществу» или «всемирному гражданскому обществу» это не имеет никакого отношения. Понимание же глобализма как современного варианта вестернизации, иначе говоря — глобального лидерства США, по сути, ставит крест на теории взаимозависимости, столь долгое время аргументируемой самими же американскими экспертами. Даже угроза терроризма, с которой столкнулась Россия на Северном Кавказе, не объединила РФ и США, а наоборот, в очередной раз подчеркнула политическую пропасть между ними.

В то же время очевидно, что и российский политический истеблишмент не готов адекватно реагировать на вызовы глобализации. По мнению ряда российских исследователей, она воспринимается как «вторжение какого-то внешнего фактора в сложившиеся внутренние структуры различных обществ... Российское сознание представляет глобальность как силу внешнюю и враждебную»¹².

Более того, спецификой России является то обстоятельство, что существуют очевидные различия в восприятии всего спектра международных проблем (от торговли и инвестиций до гуманитарных обменов) между федеральной и региональными властями, а также между регионами и муниципалитетами. Если центр и регионы конфликтуют друг с другом в связи с различными трактовками уровня внешнеполитических обязательств России и их приоритетами, то областные и городские власти в основном соревнуются за ограниченные ресурсы, связанные с международными контактами, и за влияние на принятие внешнеэкономических решений.

Как видим, дилемма «глобализм — регионализм» является своего рода интеллектуальным ребусом, требующим интенсивных дискуссий. Причем «отмахнуться» от этого «ребуса» нельзя, так как он постоянно напоминает о себе: решение региональных проблем (типа акции НАТО в Косово) выходит на передний край в глобальной «повестке» дня, в то

время как договоренности, достигаемые на глобальном уровне, предусматривают вполне определенные региональные "привязки" (допустим, программы Евросоюза для отдельных российских территорий).

Термин «глобализация» в строгом смысле этого слова применим для описания лишь некоторых процессов, касающихся России и ее составных частей. Это — своего рода «островки глобализации», ее фрагментарные проявления, имеющие дифференцирующее воздействие как на отдельные регионы, так и на отдельные социальные сегменты внутри каждого из регионов.

Неравномерность глобализации во многом объясняется тем, что конкретные проявления этого феномена, как правило, представляют собой сочетание различных акторов, принадлежащих к различным уровням общественной иерархии, допустим:

- Город → Город → Международные организации (ЕС);
- Регион → Международные неправительственные организации («Гринпис», «Врачи без границ» и т.д.);
- Регион → Федеральные власти → Иностранные правительства;
- Регион → Глобальные организации (ЮНЕСКО, ЮНИСЕФ, Всемирный банк).

Именно поэтому за тем, что зачастую называется «глобализацией», на практике скрываются такие процессы, как трансрегионализация (установление контактов между регионами России и иностранных государств), транснационализация («сетевое» сотрудничество между субъектами РФ и транснациональными институтами типа неправительственных организаций или ТНК), интернационализация (связи между субнациональными единицами и иностранными правительствами).

В качестве своеобразного компромисса между регионализацией и глобализацией могут рассматриваться попытки реализации модели транснационального регионализма, в частности, в приграничных территориях, расположенных на стыке двух и более государств. Трансрегиональная интеграция может принимать различные формы: усилия отдельных государств, совместные инициативы по приграничному сотрудничеству, транснациональное регионостроительство, межгосударственные коалиции, и т.д.¹³

Современный регионализм, понимаемый как комплексный социально-политический и экономический феномен, носит транснациональный характер. Природа регионализма интегративна, поскольку субнациональные единицы, которым по разным причинам становится тесно в составе современных государств-наций, так или иначе начинают искать свое место в более широком геополитическом и геоэкономическом кон-

тексте. Субнациональные единицы, фиксируя по-новому свои отношения с «материнским» государством, одновременно входят в новые, более сложные отношения с соседними территориями. Эта новая георегиональная картина мира представляет собой комбинацию из различных транснациональных альянсов разной степени сплоченности и формализации, что, с одной стороны, затрудняет изучение этого относительно нового явления, а с другой стороны — делает этот анализ интригующе интересным.

Современные формы трансрегиональной интеграции в Европе (Баренц-Евроарктический совет, Совет Балтийских государств и другие) носят экспериментальный характер в том смысле, что сам подбор их участников свидетельствует о стремлении преодолеть разделительные линии между Востоком и Западом. Они пытаются обеспечить «горизонтальное» сотрудничество между странами — членами НАТО, кандидатами в этот блок, нейтральными государствами и бывшими Советскими республиками. Так, проект «Северное измерение», инициированный правительством Финляндии, охватывает большую географическую зону: от Исландии на западе до северо-запада России (Карелия, Коми, Архангельская, Вологодская, Калининградская, Ленинградская, Мурманская, Новгородская, Псковская области, Ненецкий автономный округ и Санкт-Петербург), от Норвежского, Баренцева и Карского морей на севере до южного побережья Балтийского моря¹⁴. Россия настаивает на подключении к этому проекту Белоруссии.

Западноевропейские партнеры, как правило, рассматривают новые модели трансрегиональной интеграции как способ нахождения оптимального «разделения труда» в Старом Свете¹⁵. Эта интеграция трактуется, с одной стороны, как дополнение к расширению НАТО и ЕС, а с другой — как некий компромисс при обсуждении перспектив расширения этих альянсов на Восток¹⁶. Одновременно скандинавские страны (в частности, Финляндия), признавая возрастающую зависимость от импорта энергии, не скрывают своего интереса в разработке запасов нефти, природного газа, минерального сырья и природных ресурсов на территории близлежащих субъектов Российской Федерации¹⁷.

Для российской же стороны интерес к новым формам трансрегиональной интеграции между ЕС, Северо-Западом РФ и Балтийским регионом связан с тем, что «шенгенский режим с его фактическим ограничением потока приграничного туризма и торговли не может не усилить в России ощущение изоляции... Наибольшие проблемы создают эти ограничения для приграничных зон, поскольку ухудшают положение и без того структурно слабых регионов, затрудняя приграничные

торговые связи»¹⁸. К примеру, десинхронизация балтийских электрических сетей от российских — уже практически решенный вопрос.

Трансграничное сотрудничество несет в себе экономические выгоды: его реализация не требует соблюдения жестких правил ГАТТ или ВТО, и в то же время значительно снижает транспортные расходы. Политические выгоды состоят в том, что сотрудничество на региональном уровне в некоторой степени может компенсировать политическую изоляцию России после войн в Косово и Чечне. Кроме того, субъекты федерации, используя свой международный потенциал, могут выступать посредниками между российским правительством и некоторыми международными (в частности, исламскими) организациями, что активно предлагает правительство Татарстана. Наконец, использование возможностей, вытекающих из сотрудничества с международными неправительственными организациями, помогает привлечь экспертизу и новые идеи для обсуждения ряда федеральных законопроектов (допустим, проекта Берегового кодекса РФ).

Однако здесь есть, по крайней мере, две концептуальные проблемы. Во-первых, сама идея «регионостроительства» предполагает формирование новой региональной идентичности, основанной на представлении о том, что составные части нового региона связаны друг с другом естественными связями. Но, по словам Валерия Тишкова, «идентичность — это не только постоянно меняющиеся представления о том, что есть группа, это всегда борьба за контроль над данным представлением, за дефиницию, за то, что составляет главные черты и ценности группы. Причем борьба не только политическая. Она идет в сфере науки и религии, в области языковых отношений, символики, исторических и территориальных представлений и т.д.»¹⁹. В свете этого перспективы образования, допустим, «балтийской идентичности» кажутся весьма проблематичными, поскольку «страны Балтии, полагающие себя частью Северной (Латвия, Эстония) или Центральной (Литва) Европы, считают себя цивилизационно отличными от России» и поэтому инстинктивно обособляются по отношению ко всему восточному²⁰.

Во-вторых, трансрегионализация представляет собой вызов российской государственности в том смысле, что ставшая ее прямым следствием система «многоуровневых политических лояльностей» испытывает на прочность Российскую Федерацию. Так, мы видим, что экономически Дальний Восток тяготеет к динамично развивающемуся Азиатско-Тихоокеанскому региону (АТР)²¹, Северо-Запад России — к Балтии и Скандинавии, а Юг России — к Черноморскому региону. Тем более что приграничные территории, которые играют одну из приоритетных

ролей в процессе интернационализации на региональном уровне (будь то Северо-Запад или Дальний Восток), в силу своей традиционной периферийности весьма слабо контролируются Москвой политически в силу отсутствия у нее соответствующих ресурсов, но при этом представляют весьма милитаризованные зоны с соответствующими проекциями на оборонную политику России.

У трансграничных моделей сотрудничества есть, помимо концептуальных, и множество практических проблем. Так, таможенные и налоговые препоны часто сводят на нет усилия предпринимателей. Негативно сказывается нерешенность вопросов, связанных с защитой интеллектуальной собственности, борьбой с пиратской продукцией и практикой выписки двойных счетов при ввозе товаров в Россию. С нашей стороны остро стоит проблема стандартизации и сертификации продукции российских предприятий²². Серьезной проблемой с западной стороны является слабая координация различных программ трансрегионального сотрудничества.

В рамках транснационализации по-новому ставится проблема границ. Сам факт ее выдвижения на одно из ведущих мест в российском политическом дискурсе опровергает два надуманных тезиса. Первый из них (часто озвучиваемый, например, Леонидом Смирнягиным²³) — о некоей «аспатиальности», то есть «внепространственности» российского восприятия территориальности и регионализма. Л.В. Смирнягин, в частности, утверждает, что русская культура (в широком смысле слова) якобы слабо знакома с географической границей и чувством географического места вообще. «Равнодушие к месту перетекает у русских в равнодушие к границам», — полагает он.

Сложно согласиться с тем, что русская нация слабо реагирует на главные географические категории, такие, как расстояние, граница и место. Если бы это было действительно так, то значительная часть русских не воспринимала бы Кавказ как «чужую» территорию, неорганичную для российского политического пространства. В этом смысле граница России со странами Балтии является вполне определенной демаркационной линией (не только в юридическом, но и политическом и культурном смыслах), фиксирующей разделение на «наших» и «не наших», хотя с последними мы жили долгое время в составе единого государства. Нам представляется, что на низовом уровне российские политические сообщества достаточно адекватно реагируют на угрозы своему пространственному существованию и демонстрируют привязанность к своей территории не в меньшей степени, чем на Западе.

Второй тезис, опровергаемый обострением интереса к пограничной проблематике, формулируется некоторыми зарубежными специалистами в том духе, что границы якобы «больше не являются ключевым атрибутом современной международной системы»²⁴. По нашему мнению, это не соответствует действительности, поскольку в основе подавляющего большинства современных международных конфликтов лежат споры за обладание или контроль над территорией, а также над вытекающими из нее ресурсами — материальными, минерально-сырьевыми, людскими, индустриальными и т.д.

Одна из наиболее типичных классификаций, представленных в научной литературе по регионализму, делит границы на «открытые» («мягкие»²⁵), то есть способствующие приграничным контактам и стимулирующие их, и «закрытые» («жесткие»), то есть играющие роль форпостов, защищающих Россию от внешних угроз. Так, в Краснодарском и Ставропольском краях границы носят «закрытый» характер в силу специфики обстановки в Чечне и на Северном Кавказе в целом. Наоборот, границы с Украиной, Белоруссией, Казахстаном и Монголией скорее выполняют связующую функцию.

Однако, на наш взгляд, провести четкую линию между двумя этими типами не всегда возможно. Леонид Вардомский, в частности, выделяет: а) центральный тип открытости, присущий субъектам федерации с разнообразными и крупномасштабными внешнеэкономическими связями, сильно диверсифицированными по географическим направлениям и предметному содержанию; б) приморский (пограничный) тип открытости, для которого характерен высокий удельный вес во внешней торговле соседних стран; в) открытость проэкспортного типа, связанная с крупными поставками за границу, обеспечивающими большую часть валютных поступлений в страну; г) регионы с ограниченной открытостью; д) регионы-интраверты периферийного типа²⁶.

Внешние границы Приморского края, Калининградской и Псковской областей²⁷ мы относим к смешанному (гибридному) типу открытости, для которого в равной мере характерны как сдерживающая, так и контактная функция. Внешняя среда (АТР, Балтийский регион и Скандинавия) сулит большие экономические перспективы, но одновременно заставляет ставить вопрос о защитных функциях (протекционизме).

Данный тезис хорошо иллюстрируется положением в Псковской области. С одной стороны, «Псков прочно ассоциируется в русском сознании с бескомпромиссным сопротивлением экспансии Запада на Восток... С другой стороны, Псков всегда был крупнейшим торговым звеном с Европой и в этом смысле играл роль опоры России в Ганзей-

ском Союзе»²⁸. В этой связи перед Псковской областью (равно как и перед Калининградской) стоит проблема поиска оптимального баланса между «мягкими» и «жесткими» факторами региональной безопасности.

Однако территориальное расположение Псковской области содержит в себе возможность балансирования между двумя альтернативными геоэкономическими стратегиями, одна из которых состоит в сближении со странами Балтии, а другая — с Белоруссией. Нынешний губернатор Е. Михайлов, пришедший к власти под знаменами ЛДПР, склонен к поддержанию приоритетных отношений с режимом А. Лукашенко, иногда — за счет интенсивности контактов с прибалтами. В то же время ни один из высокопоставленных официальных деятелей Псковской области не ставит под сомнение ее роль «моста», экономически соединяющего Россию и Европу, поскольку только такая роль может создать новую институционализированную структуру для взаимодействия с зарубежными партнерами, способными предложить в стратегическом плане для области гораздо больше, чем федеральный центр.

Сходная с псковской дилемма, определяемая как «рынок или танки», стоит и перед Калининградской областью. Несколько лет назад по этому поводу развернулся заочный диспут между тогдашним вице-премьером Сергеем Шахраем, защищавшим модель «форпоста», и главой областной администрации Юрием Маточкиным, противившимся перспективе возврата к статусу большой военной базы²⁹.

В то же время каждый из субъектов Федерации является лишь одним из множества элементов формирующегося георегионального ландшафта. Так, с помощью Пскова федеральное правительство имеет возможность оказывать экономическое и политическое давление на страны Балтии, а также стимулировать конкуренцию между ними за влияние в зоне Балтийского моря и на приграничные с ними субъекты Российской Федерации. И в этом смысле Псков уже пожинает плоды своего специфического расположения на «глобально-региональной» оси координат: Эстония под воздействием США отказалась от территориальных претензий к России вообще и к Псковской области в частности. Более того, эстонское правительство запустило транспортный проект «Виа Руссика». Создание нефтяного консорциума «Северные ворота» может придать Псковской области особую значимость при прокладке маршрутов новых нефтепроводов. В то же время псковские власти испытывают внутреннюю конкуренцию со стороны, например, Санкт-Петербурга, так как его выдвижение в лидеры торговых операций в Балтийско-

Нордической зоне приведет к снижению потенциала и привлекательности Пскова.

По мнению некоторых исследователей, общий «вектор» эволюции приграничной политики Северо-Запада России направлен от «жестких» подходов к «мягким», от «геополитики к геоэкономике» и экологии, что связано с ростом значения неправительственных и негосударственных акторов (в том числе финансово-экономических), совершенствованием инфраструктуры коммуникаций, усилением значимости информационных потоков «поверх границ» и т.д.³⁰ Дмитрий Тренин, к примеру, говорит о «неизбежном» снижении значения Санкт-Петербурга и Калининграда как военных форпостов России и о деактуализации военного измерения безопасности вообще³¹.

На наш взгляд, такой подход идеализирует ситуацию и потому излишне оптимистичен. Было бы значительным упрощением, если не подменой действительного желаемым, представлять себе динамику трансграничного регионализма в розовых тонах. Нельзя сбрасывать со счетов мнение ряда российских специалистов о том, что дальнейшее продвижение НАТО на Восток, в том числе на территорию бывшего СССР, при сохранении принципиальных разногласий между Москвой и Брюсселем в отношении миротворческих операций изменят баланс между «мягкими» и «жесткими» факторами безопасности на Северо-Западе России в пользу последних. Одновременно ужесточение визовой политики ряда стран Восточной Европы, готовящихся к соблюдению стандартов ЕС, заметно снизит потенциал трансграничного сотрудничества с участием российских территорий.

Процесс формирования современных регионов находится под определяющим воздействием геополитических и геоэкономических факторов. Каждый из них имеет свою логику. Различие между геополитическими и геоэкономическими соображениями подчеркивает существование серьезного разрыва между «жесткими» и «мягкими» факторами безопасности в региональном контексте.

Логика геоэкономике связана с поиском новых видов торговли и инвестиций, транснациональной мобильностью капитала «сквозь границы», интеграцией транспортной инфраструктуры, созданием общего коммуникационного рынка, организацией экологического мониторинга и совместных поисково-спасательных служб³². Некоторые специалисты даже видят перспективы возникновения «евро-российской бизнес-элиты»³³.

Логика геополитики основана на иных представлениях. В отношении Северо-Запада России она определяется планами по включению

стран Балтии в такие организации, как НАТО и ЕС. Классические геополитические расчеты в этой связи сводятся к созданию тех или иных комбинаций, которые могли бы оптимальным образом интегрировать три прибалтийские республики бывшего СССР в западные структуры безопасности и одновременно постараться не спровоцировать обострение отношений с Россией, поскольку, по мнению специалистов Совета по международным отношениям, «Балтийский регион является единственным местом в Европе, где американо-российская конфронтация все еще реальна»³⁴. В этой связи предлагается, к примеру, схема синхронизированного включения в ЕС Эстонии (как наиболее развитой в экономическом плане из всех трех республик) и, возможно, Латвии (в качестве поощрительного аванса), а Литвы — в НАТО (как из-за ее «готовности», так и из-за того, что, по прогнозам некоторых американских стратегов, это менее всего раздражит Россию). Геополитический подход предполагает также определенное распределение ролей между «патронами» (США, странами Западной и Северной Европы, а также Польши) в отношении вышеперечисленных стран.

Если сторонники геоэкономического подхода видят в новой обстановке новые перспективы и возможности для Калининградской области, то «жесткая» геополитическая логика позволяет ставить вопрос о том, что «по мере вхождения Польши и стран Балтии в евроатлантические институты ситуация, сложившаяся в Калининграде, будет все более и более аномальной»³⁵. Аргументируется это в упомянутом докладе СМО двояко: с одной стороны, американские эксперты прямо ставят вопрос об изменении формального статуса Калининградской области в сторону ее большей самостоятельности от федерального центра, а с другой — этот западный эксклав России трактуется как «крупнейший центр преступности, транспортировки наркотиков и контрабанды оружия».

Геополитическими соображениями могут объясняться и такие предложения со стороны немецких политиков, как создание на территории Калининградской области кондоминиума России, Германии, Польши и Литвы, обеспечение права свободного переселения туда немцев, демилитаризация Калининградской области и подключение ЕС к разработке концепции ее развития. В то же самое время игра на геополитических противоречиях с Россией может дать ей некоторый простор для осуществления своих внешнеполитических целей: к примеру, в Москве давно уже говорится о том, что ни Литва, ни Польша объективно не заинтересованы в укреплении позиций Германии в Калининградской области.

Если «жесткие» трактовки принципиально исходят из тезиса о том, «нордическая» или «балтийская» безопасность неотделима от общеев-

ропейской, то «мягкие» подходы признают возможность ее достижения и поддержания на региональном уровне. Так, по мнению Пертти Йонниemi из Копенгагенского института мирных исследований, несмотря на столкновения между императивами безопасности и региональности, эти два важнейших принципа организации политического пространства вполне могут сосуществовать и даже поддерживать друг друга. Естественно, при этом имеются в виду «мягкие» формы безопасности, которые нацелены на сотрудничество, а не на строгую и однозначную фиксацию блоковой принадлежности той или иной территории³⁶.

«Мягкая» трактовка безопасности, созвучная концепции «открытой автономии» известного теоретика «мирных исследований» Йохана Галтунга, базируется на том, что периферийные территории, желающие так или иначе дистанцироваться от центра, не должны при этом входить в «структуры доминирования», то есть альянсы, основывающиеся на гегемонии и имеющие преобладающее влияние на определенной территории³⁷. «Жесткие» же оценки вполне допускают, что при дальнейшей децентрализации России в регионах типа Калининградской области «иностранные акторы могут стать единственными нейтральными, легитимными арбитрами в межрегиональных коллизиях, а также в конфликтах между центром и периферией»³⁸. Действия сепаратистских организаций типа «Невский край» или «Карельская ассоциация» также вполне соответствуют геополитическим поискам «нового хозяина» для тех или иных российских территорий.

Кроме того, с западной стороны особенностью чисто геополитического подхода стало отношение к России не как к органической части Северо-Запада Европы, а лишь как к объекту региональной политики соседних держав. С геополитической точки зрения, весьма четко представленной на страницах цитированного документа СМО, включение России в схемы сотрудничества в балтийском регионе или на скандинавском направлении является проблематичным.

Российские же сторонники геополитики чаще всего рассматривают ситуацию в приграничных регионах России с точки зрения проникновения туда спецслужб прибалтийских государств, а также ведущих стран НАТО. Так, по утверждению полковника ФСБ Сергея Горленко, приоритетными направлениями шпионажа со стороны стран Балтии (особенно Эстонии) на территории Псковской и Ленинградской областей, а также Санкт-Петербурга являются военная разведка (информация о дислоцировании воздушно-десантных войск, планы боевого применения, тактико-технические характеристики российских вооружений), создание агентурной сети для получения сведений о контрабанде ору-

жия и вывоза цветных металлов из России. Согласно аналитикам ФСР России, в связи с перспективой вступления стран Балтии в НАТО эта разведывательная деятельность усилится³⁹. Типичными примерами коллизий, возникших на почве геополитического взгляда на проблемы безопасности, были попытки России претендовать на тренировочную базу в Палдиски (Эстония), или на станцию раннего оповещения в Скундра (Латвия). Более того, по мнению научного сотрудника Института этнологии и антропологии РАН Игоря Аверина, ряд автономных образований народов финской группы (Мордовия, Марий Эл, Удмуртия и Коми) наращивают контакты со странами, «находящимися в числе геополитических недоброжелателей России. Это — Венгрия (член НАТО), Эстония (кандидат в члены НАТО) и становящаяся все более претенциозной Финляндия, где отчетливо звучат призывы к созданию "Великой страны Суоми" от Ботнического залива до Енисея»⁴⁰.

Однако во многих случаях геополитика и геоэкономика тесно переплетены друг с другом. Можно согласиться, например, с тем, что в исторической перспективе сохранение Калининградской области в составе РФ «реально только при условии, что и Россия, и ее прибалтийский эксклав будут с одинаковой скоростью интегрироваться в европейскую социально-экономическую и правовую жизнь»⁴¹.

Часто бывает так, что процессы геоэкономического плана оцениваются с точки зрения геополитики. Типичным примером является следующая точка зрения: «в российском Калининграде ощущают "тихую" германскую экспансию — инвестируются капиталы в основные отрасли и ее инфраструктуру, скупается недвижимость, расширяется деятельность информационных... и культурно-гуманитарных организаций»⁴².

За геоэкономическими проектами могут скрываться цели геополитического характера. Так, «мягкие» формы обеспечения безопасности в рамках Баренц-Евроарктического региона, с точки зрения интересов Норвегии, имеют под собой вполне определенный «жесткий» фундамент: снижение угрозы норвежской территории, ускорение реконверсии военной промышленности в приграничных регионах России и т.д.

Переплетение геополитики с геоэкономикой рождает много парадоксов и противоречий. Так, по мнению губернатора Калининградской области Леонида Горбенко, существует связь между «обширевропейскими процессами» (базирующимися на экономической логике) и перспективами изоляции этого российского анклава (по международно-политическим соображениям)⁴³.

Ряд событий, связанных с внешней политикой России и ее безопасностью, в 1999 – 2000 годах стали предметом серьезных внутривнутриполитических дискуссий в нашей стране. Новым элементом этих дискуссий стало участие в них региональных лидеров.

Первой республикой, которая начала себя по-особому позиционировать в международных вопросах, был Татарстан. Еще в середине 90-х годов М. Шаймиев высказывал свои собственные оценки ситуации в Боснии, отличавшиеся от официальной позиции МИД РФ. Рафаэль Хаким, один из влиятельных советников президента Татарстана, неоднократно на протяжении последнего десятилетия выступал с идеями, идущими явно вразрез с политикой федерального центра: это касалось его утверждений о том, что «НАТО реально ничем не угрожает России», «Китай едва ли сможет стать стратегическим партнером Москвы», а «дальнейшая интеграция в рамках СНГ может привести к восстановлению имперских амбиций и отступлению от демократии»⁴⁴.

Среди татарстанской политической элиты сильное распространение получило представление о том, что перед Россией стоит принципиальная дилемма – либо сохранение в качестве великой военной державы, либо ускоренная адаптация к мировой экономике и основанная на этом модернизация⁴⁵. Любые формы дипломатической изоляции России весьма остро воспринимаются в Казани, поскольку они усложняют решение таких насущных проблем, как интеграция в мировое экономическое пространство, разработка «прорывных» проектов в области инвестиций и кредитов, изменение структуры экспорта, обеспечение экономического присутствия на рынках Восточной Европы и т.д.

Военная акция США и их союзников против Югославии, начавшаяся 23 марта 1999 года, продемонстрировала, что несмотря на доминирующие в российской политической элите антинатовские настроения, в некоторых русских регионах также существуют оценки ситуации, противоречащие официальной линии федерального правительства. Так, самарский губернатор К. Титов летом 1999 года выступил против отправки российского военного контингента в Косово, аргументируя это нехваткой средств федерального бюджета на внутренние социальные и экономические программы. И хотя в Совете Федерации при обсуждении этого вопроса «самарский изоляционизм» не встретил существенной поддержки, тем не менее подобный демарш К. Титова был весьма примечательным, тем более что и в другом приволжском регионе, Татарстане, все чаще стали раздаваться призывы дистанцироваться от внешней политики Москвы.

В самом начале конфликта в Косово (а именно после того, как бывший премьер-министр Е. Примаков демонстративно развернул свой самолет, направлявшийся в США), существенную дипломатическую активность проявил мэр российской столицы. Ю. Лужков стал единственным из российских политиков, совершившим официальный визит в одну из стран, участвовавших в бомбардировках Югославии. Этот жест обозреватели расценили как желание Ю. Лужкова составить альтернативу внешней политике Кремля⁴⁶. Впоследствии Ю. Лужков неоднократно выступал в западной прессе со статьями, касающимися отношений между Россией и Западом в контексте конфликтов в Югославии и Чечне, подтвердив таким образом свой интерес в создании себе имиджа политика, настроенного патриотически (достаточно вспомнить его радикальные заявления по поводу Севастополя и Крыма), но в то же время готового к конструктивному взаимодействию со всеми зарубежными странами. Характерно, что именно Ю. Лужков во время своего визита в Баку в марте 1999 года смог договориться с Г. Алиевым об освобождении задержанного российского самолета «Руслан» с шестью «МиГами» на борту, который, по утверждению руководителей Азербайджана, направлялся в Белград⁴⁷.

В своих обращениях к западной аудитории через СМИ Ю. Лужков предостерегал США и Западную Европу от попыток организовать международную изоляцию России, одновременно признавая, что даже в условиях резкого падения международного реноме России после скандала с отмыванием денег в западных банках и войны в Чечне необходимо создавать новые условия для продолжения сотрудничества. Критикуя «молодых реформаторов» за неэффективную экономическую политику, а режим Б. Ельцина – за полномасштабную войну в Чечне, Ю. Лужков так определяет свою внешнеполитическую позицию: «Мы не угрожаем Западу ядерным оружием, а говорим, что Россия все еще является огромным привлекательным рынком, который может стать важной частью глобальной экономики»⁴⁸.

Последовавшая после косовской операции интенсификация российско-белорусской интеграции встретила еще более ярко выраженную оппозицию на региональном уровне. Президенты Татарстана и Ингушетии М. Шаймиев и Р. Аушев в январе 2000 года выступили с совместным заявлением о том, что в случае создания союзного государства с Беларусью эти две республики потребуют повышения своего статуса в рамках РФ. Аргументация при этом приводилась следующая: «Почему татары заставляют жить в едином Российском государстве, если даже белорусы хотят быть с Россией только на равных?»⁴⁹ Первым из губер-

наторов, подвергших резкой критике российско-белорусский альянс, в 1996 году был Б. Немцов, что опровергает версию о преобладании этнической подоплеки в противодействии ряда регионов созданию единого государства с Белоруссией.

Начавшаяся осенью 1999 года война в Чечне, ставшая очередным сильнейшим испытанием для отношений России с западными странами, также встретила неоднозначную реакцию на региональном уровне.

Известно, например, что исламские фундаменталисты в ряде российских республик усиленно пропагандируют концепцию так называемого «российского мусульманского коридора» (Татария – Башкирия – Астрахань – Дагестан – Чечня) в Азию и на Ближний Восток с перспективой образования сильного мусульманского конфедеративного государства в центре и на юге России⁵⁰.

Анализируя различные проявления региональной «парадипломатии», следует заметить, что это новое для России явление характерно для небольшого числа субъектов Федерации, отличающихся от других регионов либо своим экономическим потенциалом (Москва, Нижний Новгород, Самара), либо особым этническим составом населения (Татарстан, Ингушетия). С функциональной точки зрения, участие регионов в обсуждении внешней политики России может иметь позитивные стороны, поскольку благодаря этому федеральный центр теряет былую монополию в принятии внешнеполитических решений, и создается более конкурентная среда в этой сфере. Эта конкуренция может стать позитивной, поскольку внешняя политика федерального центра далека от оптимальной и многими воспринимается весьма неоднозначно.

Более того, ряд регионов, которые мы упоминали выше (Нижегородская, Новгородская и Самарская области, Татарстан), зачастую проводят более либеральную, чем федеральное правительство, политику в области международного сотрудничества, включая привлечение иностранных инвестиций.

Это объясняется тем, что региональные элиты, как правило, не обременены грузом геополитических расчетов и поэтому отличаются большим прагматизмом, в том числе и в отношении иностранных партнеров. В этом смысле отличие между геополитическими устремлениями федерального центра и геоэкономической мотивацией регионов иногда на Западе определяется как дилемма «танки или рынок».

Геополитика федерального центра	Геоэкономика регионов
«Жесткая безопасность»	«Мягкая безопасность»
Опора на теорию «баланса сил» и на военные факторы безопасности	Невоенные приоритеты: поиск новых видов торговли и инвестиций, интеграция транспортной инфраструктуры, экология
Международные связи регионов находятся в прямой зависимости от политики ведущих держав	Международные связи субнациональных единиц имеют свою логику и не должны становиться заложниками «великих держав»
Границы как барьеры для сдерживания экспансии внешних противников	Границы как источники новых финансовых и экономических возможностей

По всей видимости, дальнейшие отношения между наиболее активными на международной арене регионами и федеральным правительством будут представлять собой некое подобие «перетягивания каната», а конкретные формы «субнациональной парадипломатии» будут сильно варьироваться от одного региона к другому. В ряде случаев федеральное правительство будет иметь определяющее влияние на формирование международной «повестки дня» на региональном уровне (Нижний Новгород, Самара) при наличии конструктивного взаимодействия между властями разных уровней. В Татарстане, напротив, региональные власти будут продолжать руководствоваться собственными стратегическими приоритетами, что будет периодически обострять отношения с Москвой. В некоторых регионах сохранится дуализм, при котором региональные и центральные власти будут иметь соизмеримое влияние в области внешних связей (Ингушетия). Наиболее жесткую реакцию федерального центра будут провоцировать лишь такие проявления международной самостоятельности регионов, которые либо противоречат официальной позиции МИД и обязательствам РФ, либо содержат в себе сильный дезинтеграционный потенциал. Общими проблемами для регионов, имеющих интересы на международной арене, являются:

Во-первых, отсутствие четкости в разграничении полномочий и предметов ведения между федеральным и региональными правительствами. Полемика между самими юристами-международниками «сосредоточена вокруг фундаментальных вопросов: государственности субъекта РФ, его суверенности и международной правосубъектности... Наш законодатель разделяет внешние связи Федерации и ее субъектов. В отношении Федерации в Конституции употребляются понятия «внешняя

политика», «международные отношения», «внешнеэкономические отношения» (ст.71), а в отношении субъектов Федерации «международные и внешнеэкономические связи». Однако их юридическое различие не раскрывается, а его нельзя подчеркнуть ни в международном праве, ни в государственном праве, ни в мировой юридической литературе, ибо они не знают подобного деления»⁵¹.

Во-вторых, на региональном уровне часто сильно ощущается нехватка адекватных ресурсов и инфраструктуры для поддержания на соответствующем уровне международных контактов.

В-третьих, дают о себе знать институциональные недостатки: региональные администрации зачастую испытывают нехватку в специалистах высокого уровня, а взаимодействие официальных структур с «третьим сектором» остается минимальным.

В свете сказанного закономерно поставить вопрос о том, в какой степени внешнее влияние, прежде всего со стороны Запада, значимо для процесса регионализации России. В целом для США и Западной Европы характерно состояние растерянности по отношению к РФ. Только сейчас, десятилетие спустя после «перестройки», предпринимаются первые попытки всерьез оценить эффективность программ регионального и межрегионального сотрудничества с участием западных партнеров⁵². Это говорит о том, что экспертиза проблем российского регионализма в странах Запада все эти годы была недостаточной. «Картинное», имиджевое восприятие состояния дел на субнациональном уровне особенно характерно для Соединенных Штатов, которым всегда был нужен некий «провинциальный кумир» для иллюстрации верности выбранного Россией при поддержке США курса: сначала это был Б. Немцов, затем — М. Прусак и К. Титов.

Кроме того, многие западные эксперты столкнулись с теоретическими затруднениями в интерпретации состояния федеративных отношений в России. Многие готовы отказаться от упрощенной трактовки децентрализации власти и управления как однозначного синонима демократизации. Многие признают, что центробежные тенденции в российской государственности не привели к очевидным для всех позитивным сдвигам в социально-экономическом и политическом развитии.

Общее состояние изучения современных российских проблем подверг справедливой критике известный американский политолог Стивен Коэн, поставивший под сомнение ключевое положение «транзитологии» о том, что Россия движется в направлении построения открытого общества. Доказывая это «телеологические» положение, многие американские специалисты оказались подвержены «детерминистской идеоло-

гии триумфализма» и превратились в своего рода «адвокатов» политики Б. Ельцина. Профессор Холмс, в частности, отказывается называть «федерализмом» феодального типа отношения среди «региональных баронов», большинство из которых либо отказываются платить деньги в государственный бюджет, либо препятствуют вывозу товаров со своей территории, либо угрожают печатанием собственных денег, либо хотят взять в свои руки вопросы управления ядерными установками⁵³.

Лишь относительно недавно стали раздаваться голоса о том, что вхождение регионов в транснациональные отношения ставит сложные вопросы с точки зрения демократичности политических процессов. Это касается не только России, но и самих стран Запада. То обстоятельство, что государственные органы власти (национальные и субнациональные) теряют прежние рычаги воздействия на политико-экономические процессы, может означать определенное ослабление демократической отчетности. Трансрегиональные связи часто находятся во власти «относительно закрытых политических сообществ, обладающих критически важными знаниями и экспертизой»⁵⁴. Эта проблема обостряется тем, что эти «политические сообщества», опираясь на западные капиталы, в состоянии «приватизировать» функции государственных органов власти, которые те не в состоянии выполнять адекватно⁵⁵.

В мире не существует универсальных рецептов решения региональных проблем. Отчасти это объясняется тем, что само их вхождение в политический дискурс в начале 1990-х годов стало своего рода модой, последовавшей за окончанием «холодной войны»⁵⁶. Сложности в интерпретации регионализма особенно характерны для США, которые никогда в своей истории не сталкивались со взаимным наложением этничности и территориальности, или несовпадения гражданства и национальности, государства и нации⁵⁷.

Невнимание к сложному и комплексному характеру культурных, лингвистических, этнических «разделов», существующих в зонах региональных конфликтов, наносит существенный удар по концепции глобализации, так как углубляет различия между «западным» и «незападным» мирами⁵⁸. Методы разрешения региональных конфликтов, на которых обычно настаивают международные организации, носят предельно стандартный характер, с быстрыми выборами в качестве ключевого элемента примирения конфликтующих сторон. Как показывает опыт Боснии, форма при этом часто преобладает над сущностью, и порой складывается впечатление, что сама электоральная процедура преподносится как доказательство успеха международного содействия той или иной территории⁵⁹.

Эмпирическими подтверждениями неадекватности решения проблем регионализма на Западе являются фактическое содействие со стороны ЕС (и прежде всего Германии) дезинтеграции СФРЮ⁶⁰, а также военная акция НАТО против Югославии в 1999 году.

Многие процессы, разворачивающиеся в современном мире, будь то акция НАТО против Косово или зарождение новых моделей трансграничной интеграции, так или иначе связаны с попытками по-новому определить пределы и природу государственного суверенитета. Транснациональный характер современного регионализма ставит принципиальные вопросы, касающиеся адаптации государственных структур различного уровня к эпохе глобализации и взаимозависимости⁶¹. Одновременно эти новые явления дают импульс для переосмысления многих концепций современных международных отношений.

Современное «национальное государство» находится под определяющим воздействием двух процессов: с одной стороны, это — «наднациональная регионализация» (по модели ЕС), с другой — субнациональное регионостроительство. Осознание того, что решения, принимаемые важнейшими финансово-экономическими акторами, зависят не столько от национальных правительств, сколько от международных (наднациональных) и местных институтов, породило термин «глокализация»⁶².

Перспективы снижения значимости государственного суверенитета по-разному оцениваются в мире. В России, к примеру, расширение (и географическое, и функциональное) НАТО встречается гораздо более враждебно, чем расширение ЕС⁶³.

Перспективы трансрегиональной интеграции в Европе также достаточно дискуссионны, что во многом связано с противоречиями между геополитическими и геоэкономическими соображениями. В ряде западных публикаций последнего времени достаточно настойчиво проводится мысль о том, что конечной целью новых моделей такого сотрудничества должна стать официализация участия международных инстанций в решении проблем, имеющих внутренний для России характер (особенно это касается Мурманской, Архангельской, Калининградской областей). Наиболее откровенно об этом высказался Грэм Херд: «Запад должен быть максимально полно вовлечен в российскую политику для того, чтобы заполнить вакуум в области безопасности, образовавшийся в связи с упадком федерального влияния в регионах»⁶⁴.

«Вызовы» глобализации для России тем более остры, что единое экономическое пространство в РФ очень слабо: Дальний Восток преимущественно ориентируется на Азиатско-Тихоокеанский регион, Се-

веро-Запад России ищет пути взаимодействия с Европой. Центр не в состоянии контролировать внешнеполитические действия субъектов Федерации и выполнение ими своих обязательств. Многие регионы (к примеру, Татарстан) недовольны экономической политикой центрального правительства. Так, пока игнорируется реальность прекращения допуска российского экспорта на рынки стран Восточной Европы и Прибалтики из-за более высоких стандартов, предъявляемых Евросоюзом к ввозимой продукции. Вступление во Всемирную торговую организацию Китая может вскоре привести к тому, что Пекин вынужден будет ужесточить требования к торговле с Россией.

Отсутствие на федеральном уровне четких отраслевых приоритетов приводит к распылению, фрагментации инвестиций. Между тем в России производить все невозможно из-за недостаточной ресурсной базы, поэтому наиболее экономически развитые регионы понимают, что нужно сужение приоритетов экономического развития и сосредоточение усилий на «прорывных» направлениях.

Одна из важнейших проблем России — это скорейшая интеграция в мировое экономическое пространство. Пока этот процесс идет преимущественно в форме экспорта сырья, что таит в себе прямую зависимость финансового благополучия государства от быстро меняющейся конъюнктуры мировых цен. Перед Россией вскоре во весь рост может встать дилемма: или адаптация к мировой экономике, или сохранение амбиций великой державы. Последнее, впрочем, вероятно лишь в среднесрочной и долгосрочной перспективах, поскольку цена издержек "демократических" реформ — огромна. В любом случае, однако, обновляющейся России следует проводить более активную внешнюю политику и политику в области государственной безопасности, иначе ей будет чрезвычайно трудно преодолеть уже имеющиеся место и грядущие "вызовы" глобализации.

**ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ЗАПАДНОГО НАПРАВЛЕНИЯ
ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ ПОСЛЕ
БАЛКАНСКОГО КРИЗИСА**

По сравнению с другими частями мира, где быстрый экономический рост отдельных стран или, наоборот, перенаселение и вытекающие из этого экономические проблемы способствуют нестабильности, Европа характеризуется относительной демографической и экономической стабильностью. Население некоторых стран, таких, как Германия и Италия, уменьшится в абсолютных величинах. Население других увеличится. Предполагается, что в России население увеличится с нынешних 149 миллионов до 153 миллионов в 2015 году. Однако в это же время восемь стран Центральной Азии и Кавказа увеличат свое население с 72 до 96 миллионов¹. Население Европы в целом уменьшится по сравнению с соседними регионами. Сейчас ее население насчитывает 730 миллионов, или 12,8 процента общемирового населения в 5,7 миллиарда. К 2015 году население Европы должно достигнуть величины в 744 миллиона человек, в то время как общемировое население должно составить 7,4 миллиарда. Процент населения в возрасте более 60 лет в Европе должен увеличиться. Сокращение числа лиц призывного возраста означает, что европейские страны, включая Россию, будут слабее в военном отношении, чем многие неевропейские страны.

В то же самое время, когда большинство западноевропейских стран передают часть своего суверенитета наднациональным органам, можно наблюдать и тенденции к все большей фрагментации (региональной, этнической, религиозной) на национальном уровне. В Западной Европе наиболее наглядными примерами могут служить Бельгия, Испания и Италия. В Центральной Европе, за исключением трех этнически гомогенных стран (Польша, Венгрия и Чехия), все страны в той или иной степени подвержены подобной фрагментации. Это же характерно и для бывшего СССР.

Несмотря на близость Западной Европы и Соединенных Штатов, взгляд на партнеров и ожидания от сотрудничества сейчас переживают

драматические изменения. Важность Европы в американской политике существенно снизилась с устранением советской угрозы. Западной Европе уже не угрожают извне. Причем интерес к Европе уменьшился не только как к партнеру в разрешении международных кризисов, но и как к торговому партнеру.

После краха коммунизма величайшая угроза безопасности европейцев (особенно центральной части) исходит не извне, а от экономической нестабильности внутри стран. Признавая важность социальноэкономических аспектов безопасности, НАТО предприняло важный шаг в защите трансатлантических интересов.

В результате всех этих изменений как Европа, так и США переживают кризис идентичности и отсутствие чувства направления. Им становится все труднее предсказать действия друг друга, особенно принимая во внимание изменения в политической, экономической и культурной областях, а также в вопросах безопасности.

В самой Европе супранациональные политические узлы переплетаются с разделением по социальным и этническим линиям. Становится все менее ясно, где Европа начинается и где заканчивается.

Во многих частях Центральной и Восточной Европы наличие этнических меньшинств создает потенциал для межгосударственных конфликтов. Особенно опасны случаи, когда «меньшинства» обращаются за поддержкой к станам, где они находятся в большинстве.

Нестабильность в Центральной и Восточной Европе, включая возобновление боевых действий в Югославии, может оказать влияние на Западную Европу и создать потоки беженцев, которые достаточно трудно контролировать. Все это дает возможность некоторым внешним силам (Россия или Иран) оказывать опосредованное влияние на Западную Европу.

На Западную Европу могут оказать влияние и потоки беженцев из Северной Африки, препятствия в доступе к рынкам ближневосточных энергоносителей или международный терроризм североафриканского происхождения. Оказывает влияние и тот факт, что многие достаточно нестабильные ближневосточные государства обладают оружием массового поражения и средствами доставки, позволяющими поражать часть западноевропейской территории.

Процессы фрагментации на востоке и консолидации на западе Европы идут параллельно и во многом влияют друг на друга. Наиболее наглядным примером может служить конец 1991 года. В декабре в Маастрихте лидеры 12 стран ЕС заключили договор о европейском политическом, экономическом и валютном союзе. Несколькими неделями ранее

руководители Белоруссии, Украины и России разрушили СССР. Однако уже в 1992-1993 годах эти тенденции обернулись собственной противоположностью. На западе промышленно развитые страны Европы столкнулись с рядом проблем (в том числе и с ратификацией самого Маастрихтского договора). На востоке же создались предпосылки для реинтеграции некоторых республик бывшего СССР.

Одна из важнейших проблем, с которой сталкивается ЕС – проблема расширения. Принципиальное решение о необходимости расширения было принято на Копенгагенской встрече в верхах, на котором Евросовет решил, что страны Центральной и Восточной Европы, которые окажутся способны выполнять обязательства, налагаемые на них членством в ЕС и способные выполнять определенные экономические и политические условия, будут приняты в ЕС². Решение предложить членство в ЕС всем странам Центральной и Восточной Европы (включая прибалтийские республики бывшего СССР) и исключить членство России и других республик бывшего СССР (так же как и Турции) будет иметь долгосрочные последствия. В принципе это означает, что Европа развивается в направлении двух центров силы – ЕС на западе и России на востоке, в то время как Турция находится в достаточно интересной позиции ассоциации с ЕС, сосуществования с Россией и историческими и религиозными связями с Ближним Востоком.

Рассматривая взаимодействие Западной Европы и России, очень часто забывают о таком важном факторе этого процесса, как *поставки российских энергоносителей*. Можно выделить несколько основных тенденций в развитии европейского энергетического сектора. Во-первых, зависимость многих западноевропейских стран от импорта энергоносителей по-прежнему возрастает. Во-вторых, российская энергосистема и энергосистемы центрально- и западноевропейских стран во все большей степени интегрируются. В-третьих, роль ядерной энергии в европейском энергетическом рынке заметно упала.

Другой фактор, на протяжении последних нескольких лет влияющий на отношения России с Западом, — *расширение НАТО и процессы, которые ему сопутствуют*. Складывается впечатление, что в вопросе о расширении НАТО американская администрация постоянно игнорировала требования осторожности и осмотрительности и действовала без достаточного обсуждения вопросов. Большинство из решений, принятых с 1994 года, были продиктованы внутривнутриполитическими причинами. В качестве доказательства бывший госсекретарь Г. Киссинджер отмечал в одной из газетных статей, что единственная из публичных речей президента Клинтона о расширении НАТО до 1997 года была речь на соб-

рании американцев польского происхождения в Детройте во время президентской кампании 1996 года.

Хотя Примаков и называл расширение НАТО величайшей ошибкой со времени окончания "холодной войны", его политика основывалась на осознании того, что Россия не способна помешать расширению. Примаков стремился к соглашению с НАТО о не размещении военной инфраструктуры (включая С³I) у границ России, в то же время заявляя, что Россия не против расширения политических структур НАТО в Восточную Европу. Было выражено желание о пересмотре договора ОВЕ, препятствующем размещению сил НАТО в Центральной Европе. Примаков провел линию приемлемого расширения по бывшим границам СССР.

Из всех российских учреждений сильнее всего оппозиция расширению НАТО проявилась в Думе. В октябре 1996 года Дума приняла резолюцию, согласно которой расширение вызовет международный кризис. Спикер думы Г. Селезнев несколько раз предупреждал, что Дума не ратифицирует договор СНВ-2, если НАТО расширится. Правда, принимая во внимание достигнутую договоренность президентов Ельцина и Клинтона о начале переговоров об СНВ-3, подобная угроза выглядит несколько сомнительной. Даже либеральные парламентарии, такие, как Явлинский, выступают против расширения. Правда, их мотивы скорее внутривнутриполитические. По словам Явлинского, многие в России видят расширение НАТО как угрозу стране и оправдывают ограничение ориентированных на Запад реформ и рост расходов на оборону.

Подобные опасения находят отражение и в официальных российских документах внешнеполитического и военного планирования. Военная доктрина РФ 1993 года и концепция национальной безопасности являются смесью советских традиций и новых условий. Они берут за данность роль России как великой державы и необходимость во влиянии на глобальном уровне. Однако они также содержат некоторые опасения по поводу уменьшающихся ресурсов страны и новых вызовов со стороны организованной преступности, сепаратизма и повстанческой борьбы.

Проект новой военной доктрины был подготовлен в конце 1998 года, хотя и был опубликован только в октябре 1999 года. Во многих отношениях это был еще более «советский» документ, чем предшествующая доктрина³. В нем обращалось меньше внимания угрозам со стороны конфликтов малой интенсивности, и особый упор делался на необходимость сохранять передовые и крупные стратегические силы. Она также предусматривала гораздо более широкий спектр случаев, при которых Россия может использовать ядерные вооружения.

Предшествующие доктрины в силу нехватки ресурсов и политической воли имели мало влияния на структуру и организацию вооруженных сил. Вопросы реорганизации были переданы отдельным родам войск, поскольку это требовало меньших затрат. Таким образом, ВВС были объединены под единым командованием. То же номинально произошло и с ядерными силами в 1999 году. За исключением этого организация была по-прежнему построена по советскому образцу. В качестве примера можно привести бригадную организацию. Как часть реорганизации российской армии и отход от советских принципов массовой армии более гибкие бригады должны были заменить дивизии в качестве основной структурной единицы сухопутных сил. На практике единственными созданными бригадами являлись либо специально созданными подразделениями (например, 205-я мотострелковая бригада, специально приспособленная для операций на Кавказе), либо дивизиями, значительно снизившими свою боевую мощь.

Западные операции в Косово и трения по поводу американских систем ПРО также убеждают Россию в том, что необходимо укреплять стратегические силы и получить дополнительные преимущества в переговорах с Западом. В этой связи можно упомянуть и производство ракет Тополь-М, и укрепление подводных сил (в одном только ноябре 1999 года было произведено три учебных запуска ракет с подводных лодок).

Согласно официальным взглядам, обстановка значительно ухудшилась со времени принятия последней военной доктрины в 1998 году. Отсюда возникла необходимость скорректировать курс. Однако в новой доктрине сохранилось много положений из документа 1993 года. Имеются и связи с концепцией национальной безопасности 1997 года. Поэтому эти три документа необходимо изучать вместе.

Так же как и доктрина 1993 года, нынешняя доктрина является документом переходного периода, периода установления демократической государственности и многоукладной экономики, реорганизации российских вооруженных сил и трансформации системы международных отношений.

Рассмотрим основные секции новой доктрины. Секция, связанная с военно-политическими принципами, начинается с общего обзора военно-политической ситуации. Она постулирует, что в мире имеется две противоречивые тенденции. С одной стороны, имеется тенденция к монополярному миру, доминируемому одной сверхдержавой, где военная сила является ключом к разрешению проблем. С другой стороны, намечается тенденция к многополярности, основывающейся на равных пра-

вах людей и наций, на учете национальных интересов государств и на главенстве международного права.

Основные черты новой военно-политической ситуации включают в себя:

- ослабление угрозы мировой войны, включая мировую войну;
 - развитие механизмов для поддержания глобального и регионального мира и безопасности;
 - формирование и укрепление региональных центров силы;
 - усиление этно-национального и религиозного экстремизма;
 - сепаратизм;
 - эскалацию локальных войн и вооруженных конфликтов;
 - региональную гонку вооружений;
 - распространение оружия массового поражения и средств его доставки;
 - интенсификацию информационного противоборства;
 - рост транснациональной организованной преступности, терроризма, незаконной торговли вооружениями и наркотиками.
- Россия и ее союзники постоянно встречаются с потенциальными угрозами их военной безопасности. Более того, эти угрозы возросли за последнее время. Внешние угрозы включают в себя:
- территориальные претензии к РФ;
 - вмешательство во внутренние дела РФ;
 - попытки игнорировать интересы РФ при разрешении проблем международной безопасности и противодействие тому, чтобы Россия была влиятельным центром многополярного мира;
 - центры вооруженных конфликтов, в особенности около границ РФ и ее союзников;
 - создание новых группировок около границ РФ и ее союзников, нарушающее сложившееся соотношение сил;
 - расширение военных блоков и альянсов, подрывающее военную безопасность РФ;
 - создание и поддержку вооруженных формирований на территории других государств с целью размещения их на территории РФ и ее союзников;
 - нападения на российские военные объекты, расположенные за границей;
 - попытки подорвать региональную и глобальную стабильность, включая усилия по снижению эффективности российских систем управления, ядерных и космических сил;

- информационную войну, направленную против РФ и ее союзников;
- дискриминацию российских граждан за рубежом;
- международный терроризм.

Достаточно пессимистичная оценка ситуации отражает официальное российское мнение, что позиции страны ухудшились после окончания "холодной войны" и публикации военной доктрины 1993 года. Россия выражает озабоченность следующими нынешними тенденциями:

Военный баланс изменился не в пользу России. НАТО расширилось на восток, несмотря на возражения России. Причем это расширение, вероятно, продолжится.

Запад не желает принять факт, что последние события сделали договор об обычных вооружениях в Европе невыгодным для России. Кроме того, США взяли курс на отход от договора по ПРО.

Россия является объектом информационных нападений.

Интересы РФ в разрешении международных проблем игнорируются. США действуют через механизмы ООН и ОБСЕ только в тех случаях, когда это выгодно им.

Количество внутренних угроз также увеличилось, в особенности на Северном Кавказе.

Между тем в военном отношении расширение НАТО и связанные с ним события не являются столь уж большой угрозой (по крайней мере, по сравнению с целым спектром новых и гораздо более реальных угроз, с которыми сталкивается Россия). Министр обороны США У. Перри называл недостаток военных возможностей прибалтийских республик в качестве главного препятствия их вступлению в НАТО в первых рядах. Особенно заметна слабость в таких областях, как противотанковые вооружения и системы ПВО. Мобильность практически отсутствует. Во всех трех республиках основу вооруженных сил составляет национальная гвардия. Однако возможности получения этими подразделениями достаточной подготовки для ведения современных боевых действий остаются под сомнением. В Эстонии министерство обороны планирует к 2005 году иметь численность частей национальной гвардии, готовых для мобилизации, в 42 тысячи человек. Это будет достигнуто добавлением бывших военнослужащих срочной службы к резервным формированиям (3 тысячи ежегодно на добровольной основе). Литва уже сейчас имеет 35-тысячные ВС, готовые к мобилизации. Однако эти соединения недостаточно обучены и организованы. В Латвии проблемы наиболее острые. Менее 20 процентов лиц, призываемых на военную службу, выполняют свои обязательства. К тому же уровень финансирования значи-

тельно ниже, чем в Эстонии и Литве. Процесс принятия трех центрально-европейских стран в НАТО находится в своих первых стадиях. Пройдут десятилетия, прежде чем эти страны станут действительными членами альянса⁴.

Пока же Россия и Запад спорят о том, дает ли *основополагающий акт* Москве право вето по делам альянса. Представители НАТО заявляют, что предлагаемый двусторонний совет является отдельным органом, имеющим дела с совместными проблемами, но не внутренними вопросами НАТО.

Следующий, неожиданно ставший важным вопрос — *политика России на Балканах*. Здесь в силу причин, описанных в первой главе нашей работы, российская политика является достаточно непоследовательной и не совпадающей с долгосрочными интересами страны. Балканы имеют довольно малое стратегическое значение для России. Даже во времена расцвета силы Советского Союза военное присутствие СССР в этом регионе было незначительным. Сейчас же на Балканах создались возможности, упускать которые нельзя. Почему Россия заинтересована в этом регионе? И бывший премьер-министром Примаков, и министр иностранных дел И. Иванов верили, что долгосрочная цель России заключается в сохранении ее статуса сверхдержавы дипломатическими средствами. Балканы в настоящее время являются единственным регионом, где присутствуют прямые разногласия между Россией и западными странами. Хотя Россия и подвергает сомнению целесообразность действий западных стран в других частях мира (например, в Ираке), ее влияние там достаточно ограничено. В любой конфронтации с Западом Россия неминуемо проиграет. Особенно ясным это стало после августовского 1998 года финансового кризиса. На Балканах Россия имеет как соответствующие внешнеполитические инструменты, так и благоприятную для проведения своего влияния ситуацию.

Как и во многих других функциональных и региональных направлениях российской внешней политики, существенное значение имел личный фактор. Примаков интересовался Балканами. Иванов является специалистом по европейской безопасности, расширению НАТО, разоружению и Югославии (все это является частями балканской политики России). Он являлся представителем России в так называемой контактной группе основных держав, пытающихся разрешить балканский конфликт. Адмирал Ю. Зубаков, глава консульской службы, и Р. Маркарян, начальник аппарата Примакова, также интересовались проблемами Балкан.

Говоря о европейском направлении внешней политики России, следует отметить также и то, что, несмотря на все рассуждения о заговоре против России как великой державы, изменения в положении России в Европе, связанные с объединением Германии, уходом из Центральной и Восточной Европы, расширения ЕС и включение в него Австрии, Финляндии и Швеции, не были рассчитаны на то, чтобы ослабить стратегические позиции России. Скорее, эти изменения сами были результатом, а не причиной российской слабости. Однако изменения эти уже стали частью истории. И, как результат этих изменений, роль европейского направления российской внешней политики обречена на постоянное снижение.

Вероятно, что из всего западного направления для России преобладающее значение будут иметь отношения с США. Вероятнее всего, Соединенные Штаты будут достаточно глубоко вовлечены в мировые дела и в первые годы нового столетия. Несмотря на периодически проявляющиеся в стране настроения изоляционизма, США попросту не имеют другого выбора, кроме глобального вовлечения. Сами размеры американской экономики, торговые, политические, культурные и военные связи с другими странами и негосударственными объединениями вынуждают США к этому. Последствия же устранения США от их нынешних лидерских функций могут быть достаточно негативными для всей мировой системы. Вслед за этим начнется глобальное соперничество за то, чтобы заполнить вакуум, оставленный Соединенными Штатами. Подобное соперничество неизбежно приведет к нестабильности.

В последнее время достаточно много говорится о том, что Соединенные Штаты стали единственной в мире сверхдержавой, о том, что силовая гегемония США является источником мировой нестабильности, что целью российской внешней политики должно быть построение многополярной мировой системы, которая якобы является единственной для нашей страны возможностью занимать подобающее ей место в международных отношениях.

Думается, что логика подобных рассуждений является во многом неверной. Во-первых, многополярность в нынешних условиях может принести России гораздо больше угроз, чем краткосрочных выгод. Даже во времена расцвета многополярности в Европе девятнадцатого столетия, когда действовал «концерт Европы», войны между великими державами были регулярным явлением. Конфликты различной интенсивности и масштаба случались каждое десятилетие. Успех же Европейского союза, который многие приводят в качестве примера многополярной

региональной системы безопасности, стал возможен только благодаря гегемонии США.

Во-вторых, несмотря на все разговоры о том, что мировое сообщество «устало» от лидерства США, ни одно из ведущих государств не вносит вклад в создание подлинной многополярности. Ни одно из государств не проявило готовности разделить обязательства по поддержанию глобального порядка и управлению международными кризисами. Говоря о военных возможностях западноевропейских стран, следует признать, что они во все большей степени зависят от Соединенных Штатов в деле обеспечения собственной безопасности. В будущем же возможности западноевропейских стран вносить вклад в операции типа войны в Заливе или в операции по поддержанию мира еще более уменьшатся. До сих пор ни одна из стран (в отличие от США) не проявляла готовности к краткосрочным жертвам для защиты долгосрочного интереса по поддержанию мирового порядка. Только КНР сейчас делает попытки увеличить военные расходы, чтобы играть большую роль в международных отношениях (не говоря о том, что наращивание вооруженных сил Китая не вполне вписывается в общепринятые представления о защите стабильности в АТР).

Страны, действительно заинтересованные в многополярности и обладающие возможностью играть достойную роль в мировой системе, должны были бы не сокращать военные бюджеты, а существенно их увеличивать. Однако никто (и Россия не является исключением) не может и не желает платить цену за «мир без гегемона». Более того, возврат в многополярности означал бы сейчас борьбу за лидерство в Европе между Россией, Германией, Францией и, может быть, Великобританией. В странах «третьего мира» такое развитие событий также неминуемо привело бы к новому соперничеству за сферы влияния.

В-третьих, очень часто призывы к отказу от американской гегемонии связаны либо с внутривнутриполитическими соображениями, либо с желанием получить краткосрочный пропагандистский успех. Политика, которую сейчас демонстрируют такие страны, как Россия и солидаризирующаяся с ней по целому ряду вопросов Франция, нацелена на то, чтобы иметь «равный голос» с США в решении наиболее важных мировых вопросов, не беря на себя никакой ответственности и расходов (финансовых, людских, политических и иных), ассоциируемых обычно со статусом великой державы. Наиболее часто используемая тактика — поднятие собственного политического престижа за счет проявления оппозиции США, и в то же время использование той уникальной стабильной стратегической ситуации, которая стала возможна благодаря наличию

явного гегемона. В итоге эти страны лишают США какой то части их статуса гегемона. Однако же ценой этому является возникновение очередной угрозы той мировой системе, от стабильности которой эти страны сами зависят, но защищать которую они не могут. Они не обладают средствами, чтобы решить иракскую или балканскую проблемы. Их могущества хватает только на то, чтобы помешать разрешению этих проблем Соединенными Штатами.

В-четвертых, лишь два фактора сдерживают ряд российских соседей (на юге и на востоке) от нападения на ослабшую Россию — существование ядерного оружия и, в общем-то, выгодная для России квазигегемония США. Об ограничениях сдерживающей функции ядерного оружия уже говорилось в части, посвященной военной политике. Поэтому в настоящее время именно американская гегемония объективно является наиболее надежным и дешевым сдерживающим фактором для соседей России.

Таким образом, вполне вероятно, что гегемония США для ослабленной России может являться даже полезной, если эта гегемония будет иметь достаточно четко очерченные временные рамки. Важно только, чтобы российская дипломатия была заранее готова к вызовам, которые поставит та система, которая рано или поздно придет на смену нынешнему доминированию США, не могущему продолжаться вечно.

Кроме того, Россия в настоящее время просто не имеет ресурсов (финансовых, военных, политических, культурных и идеологических) для того, чтобы действительно противостоять Соединенным Штатам или просто выполнять стабилизирующие функции в мировой системе без их участия.

Любой конфликт с Западом, ведомым США, будет для России в ее нынешнем положении заведомо проигрышным. Кроме того, он может спровоцировать других (и часто более реальных) противников России к более активным действиям против нее.

ГЛАВА ПЯТАЯ

НОВЕЙШИЕ АМЕРИКАНСКИЕ ВЗГЛЯДЫ НА РОССИЮ В ПРОЦЕССЕ РАСШИРЕНИЯ НАТО

Рассматривая историю НАТО со времени ее создания, необходимо обратить внимание на то, что само по себе расширение НАТО не является каким-либо уникальным явлением. Оно происходило и раньше. Тем не менее сегодня расширение НАТО на восток вызывало и продолжает вызывать самые горячие дебаты по обе стороны Атлантического океана¹.

В настоящее время в основе противоречий между Россией и США лежат различия в оценке протекающих мировых глобальных процессов. В соответствии с американской концепцией «нового мирового порядка» США, являясь, по крайней мере, на обозримое будущее единственной супердержавой, должны доминировать, играя роль «доброе» гегемона в монополярном мире. Исходя из этого, руководством США ставятся в новейшей «Национальной стратегии для нового столетия» (1997 г.) следующие стратегические цели: «Во-первых, мы настроены и должны быть готовы использовать все подходящие инструменты национальной мощи, чтобы влиять на действия других государств и субъектов международных отношений. Во-вторых, мы должны иметь волю и возможности продолжить осуществление глобального лидерства». Российское же руководство рассматривает нынешний этап как переходный периода от биполярного мира к многополярному. В соответствии с «Концепцией национальной безопасности Российской Федерации» подчеркивается: «Угрозы национальной безопасности Российской Федерации в международной сфере проявляются через попытки других государств противодействовать укреплению России как одного из влиятельных центров формирующегося многополярного мира».

С официальной американской точки зрения целью США является «сохранение и укрепление эффективности европейских организаций по безопасности, и особенно НАТО как главного проводника продолжающегося лидерства и влияния США на европейскую безопасность». З. Бжезинский, развивая эту идею, подчеркнул: «В отличие от амери-

канских связей с Японией НАТО укрепляет американское политическое влияние и военную мощь на Евроазиатском материке. Ввиду того что союзные европейские государства все еще сильно зависят от американской защиты, любое расширение пределов Европы автоматически является расширением американского влияния².

Таким образом, принятие Венгрии, Польши и Чехии в НАТО, а в дальнейшем возможное принятие и бывших советских республик является частным случаем американской глобальной политики по проекции американского влияния на новые территории, где НАТО используется как инструмент такого влияния, и расширение НАТО должно рассматриваться как частный случай в контексте глобального столкновения интересов США и РФ.

Приближение альянса к границам России требует внимательного изучения восприятия России в расширении НАТО не только руководством США, но и рассмотрения сути позиции одной из влиятельных частей неофициального американского истеблишмента, которая оказывает существенное влияние на концептуальное видение руководством США России через расширение НАТО. Такой анализ позволит лучше понять концептуальную основу тех сил, которые толкают НАТО на дальнейшее расширение на восток.

Каких же взглядов на Россию в расширении НАТО придерживаются сторонники названного нами «жесткого направления расширения НАТО»? В их число входят как бывшие высокопоставленные чиновники, дипломаты и военные США, так и авторитетные американские политики, которые полагают, что расширение НАТО крайне необходимо, и чем быстрее оно происходит, тем лучше.

Концептуальная основа данного направления базируется на ряде следующих постулатов:

Первый постулат связан с детерминантами российской внешней политики. Сторонники этой позиции считают, что советская внешняя политика была детерминирована идеологическими и геополитическими факторами. После окончания «холодной войны» российская внешняя политика претерпела существенные концептуальные изменения. Приверженцы «жесткого направления» полагают, что коммунистический фактор как детерминатор сегодняшней российской внешней политики исчез. Однако Россия возвращается к дореволюционному мессианскому и геополитическому фактору, а также к осознанию национального интереса как определяющего внешнеполитический курс страны. З. Бжезинский подчеркнул: «Превалирующее российское мышление по Центральной Европе есть продолжение его проимперского подхода»³. Заяв-

ляя, что одним из факторов является экспансионизм, Г. Киссинджер продолжил: «Тем не менее ползучий экспансионизм является повторяющейся темой российской истории. В течение четырех веков Россия подчиняла благосостояние своего населения этому движению за пределы страны и угрожала этим своему народу. В русском уме века пожертвования переросли в миссию: частично во имя безопасности, частично для службы во имя так называемого русского морального превосходства»⁴.

Г. Киссинджер также говорил о двух «школах мысли», отмечая: «Одна заключается в том, что мы должны попытаться сконцентрироваться на воздействии на российские внутренние институты и поддержку конкретных руководителей. Но существует и другая школа мысли, к которой принадлежу я. Согласно этой школе более вероятно, что мы добьемся большего успеха, пытаясь воздействовать на внешнюю политику России. Во время «холодной войны» мы имели дело как с коммунизмом, так и с империализмом. И в то время как коммунизм был побежден, тенденция к империализму все еще продолжается»⁵.

Характеристика Г. Киссинджера внешней политики России как имперской не является примером последовательности. Россия как одна из ведущих стран мира имеет свои законные национальные интересы, находящиеся за пределами страны, и особенно в Европейском регионе. Более того, сам З. Бжезинский признает, что «существует тенденция, при которой географическое положение определяет непосредственные приоритеты государства: чем больше его военная, экономическая и политическая мощь, тем больше радиус, помимо непосредственных его соседей, жизненных геополитических интересов, влияния и вовлеченности этого государства». Объявлять же внешнюю политику, базирующуюся на национальных интересах исключительно как имперскую, неправомерно, иначе как тогда назвать политику США, которые объявляют зонами своих интересов самые отдаленные от страны точки мира?

Во время дебатов в конгрессе США Арнольд Хорелик, работающий в корпорации РАНД, говоря о разбросе разнообразных точек зрения, привел следующую: «Согласно геополитически ориентированному взгляду Россия на реальных основаниях просто обречена быть постоянной державой, неспособной быть ассимилированной Западом. Движимая своей историей, географией и традициями она остается экспансионистской силой в мировой политике и чрезвычайно маловероятно, что она преодолет свой глубоко укоренившийся авторитаризм».

Оценивая это мнение, можно согласиться, что Россия не может быть ассимилирована Западом в силу ее географического размера и потен-

циала, а также потому что она является, пользуясь терминологией профессора С. Хантингтона, отдельной цивилизацией. Но это не исключает возможности установления тесного партнерства с Западной Европой. Строить же свою политику только на геополитических и исторических детерминантах, значит оставаться в плену географии и истории, и не видеть тех изменений, которые проходят в стране в данное время. Если исходить из таких посылок, то у США и у европейцев должно быть больше оснований опасаться Германии, особенно после ее объединения.

Вторая посылка связана со взглядом сторонников «жесткого направления расширения НАТО», которые рассматривают Россию как побежденного врага в «холодной войне». По мнению З. Бжезинского положение побежденного несильно изменило менталитет российских политиков или российскую внешнюю политику. Одна из таких сохранившихся черт, как он указал, есть «великодержавный менталитет». З. Бжезинский заметил: «Россия — побежденная держава. После 70 лет коммунизма она проиграла титаническую борьбу. И говорить: «Это была не Россия, а Советский Союз» — значит бежать от реальности. Это была Россия, названная Советским Союзом. Она бросила вызов США. Она была побеждена. Сейчас у нее есть шанс через глубокую, ответственную, полную реконструкцию стать зрелым, демократическим, европейским государством. Но для этого не надо подпитывать иллюзию о великодержавности России»⁶.

Подобное мнение совпадает с другим мнением, приведенным сенатором Люгаром: «Расширение связано с поддержкой США боснийских мусульман, а также Украины. Эти шаги рассматриваются как часть большего стратегического проекта, с целью консолидировать геостратегические завоевания в "холодной войне" за счет России». В качестве стратегической иллюстрации таких завоеваний З. Бжезинский предложил новую стратегию. В частности, он сказал: «Центральной целью стратегической иллюстрации таких завоеваний З. Бжезинский предложил реалистичной и долгосрочной стратегии должна быть консолидация геополитического плюрализма на территории бывшего Советского Союза. Эта цель определяет более соответствующий долгосрочный американский интерес, независимо от того, станет ли Россия в близком будущем сближающейся демократией».

Третья посылка связана с якобы взаимной экспансией России и Германии, ведущей к их историческому соперничеству, либо с возможными договоренностями между Германией и Россией за счет других стран.

В соответствии с подходом сторонников анализируемого направления расширения НАТО, российские национальные интересы в Европе

несовместимы с американскими, что, в конечном итоге, может вызвать трения. При худшем сценарии, который вполне возможен, подобная несовместимость просто представляет опасность. Здесь обращают внимание на два ключевых момента. Первый из них — это исторический детерминант, а именно экспансионизм. Г. Киссинджер заметил: «Если мы стремимся к действительным реформам в России, ее руководство должно осознать, что возврат к исторической тенденции повторит катастрофы прошлого. Расширение НАТО требует решения, а не изучения. Его отсутствие будет соблазном для дальнейшего расширения Россией ее стратегических границ».

Подобное заявление Г. Киссинджера безосновательное, так как «расширение Россией ее стратегических границ» автоматически означает объединение бывших союзных республик Советского Союза при ведущей роли России. Проблема создания союза России и Белоруссии доказывает, что одного желания объединиться мало.

Второй ключевой момент — это сочетание исторических и геополитических факторов. Он сводится к историческому соперничеству между Германией и Россией, которое получило свой импульс после объединения Германии, роспуска Организации Варшавского договора и распада Советского Союза. «Появление объединенной Германии связало эти страхи (речь идет о российском экспансионизме). Понимая, что два континентальных гиганта на протяжении истории разрезали своих соседей или воевали на их территории, расположенные между ними страны боятся возникающего вакуума безопасности. Отсюда их страстное желание американской защиты, выраженной членством в НАТО». Как подчеркнул З. Бжезинский: «... правильный курс заключается в том, чтобы твердо настаивать, что постепенное расширение НАТО на восток не является «проведением новой разделительной линии»..., а целью избежать вакуума безопасности между Россией и НАТО...» В свою очередь Г. Киссинджер заявил: «Это еще больше имеет отношение к расширению НАТО, к предмету, где противоречия администрации угрожают создать серую зону в Восточной Европе между Германией и Россией, потенциально подталкивая исторические побуждения России создать политический и стратегический вакуум вокруг ее периферии».

Опасность договоренностей между Германией и Россией видится в следующем: «Германия испытывала бы огромный соблазн вступить в договоренность с Россией, и Москва обязательно этим воспользуется» — так считает Пола Добрянски. По ее мнению, сегодня геополитическая ситуация в Европе напоминает ситуацию 1938 г. П. Добрянски констатировала: «По существу, они чувствуют себя как пешки в слож-

ном менюете между Россией и Западом. Как чехи, бывало, говорили о Мюнхене: «О нас, без нас». Настоятельно необходимо, чтобы мы избежали подобного рода негативные исторические параллелизмы». Такая позиция указывает на то, что некоторые аналитики испытывают подозрение относительно будущей модели поведения Германии и определенно не доверяют России. Выход из складывающегося положения они видят в заполнении так называемого вакуума безопасности между Германией и Россией⁷.

Изложенные выше взгляды основываются на предположении, что международные отношения возвращаются к традиционной политике, но в иных исторических условиях. В этой связи в дебатах в конгрессе США бывший сотрудник администрации президента Буша Роберт Золик сказал: «В то время как "холодная война" это история, геополитика вовсе нет». По его мнению сущность российской внешней политики сильно не изменилась. Вот почему, пользуясь сложившимися геополитическими реалиями, стратегия Запада через расширение НАТО как инструмент должна быть нацелена на сдерживание и устрашение России путем создания новой архитектуры безопасности. Р. Золик также констатировал: «В течение веков Россия стремилась доминировать в этих странах. Она естественно может стремиться к тому же снова, если мы не создадим новую систему, которая станет основой для нового аспекта безопасности. После Второй мировой войны мы предотвратили возврат к вековым конфликтам в Западной Европе, создав новую дипломатическую архитектуру. Сейчас мы должны успокоить старую конкурентную борьбу в Восточной Европе путем расширения нашей архитектуры на восток».

Такого рода подход несет в себе определенное противоречие. Непонятно, почему Россия конца XX века должна вести политику, типичную для прошлых веков, когда существовали иные исторические условия. Также непонятно, почему это касается только России и не касается других крупных европейских стран, инициировавших войны в прошлом?

В соответствии с подобного рода концептуальными подходами, сторонники «жесткого направления расширения НАТО» выдвигают стратегию, способную как сдерживать, так и отражать воспринимаемые Западом как опасные тенденции во внешней политике России. Такую стратегию можно условно назвать «Стратегия неосдерживания с комбинированием элементов проекции силы и передового присутствия». Эта стратегия НАТО на данный период подразумевает:

- среднюю степень угрозы, среднюю шкалу времени для предупреждения, передовое присутствие обязательно;

- незначительное присутствие или отсутствие союзных войск НАТО на территории восточноевропейских государств в мирное время;
- необходимость предварительного размещения снаряжения с сильными мобильными средствами союзников.

Позиция сторонников «жесткого направления расширения НАТО» по пути расширения НАТО заключается в следующем:

путь	проекция стабильности
логическое объяснение	предоставить политический якорь
предположение	вакуум безопасности
график	российский экспансионизм
критерий	быстрое проведение
кто решает	политический
через проекцию силы	стратегический НАТО
страны ЦВЕ	

Утверждая, что российские национальные интересы представляют «угрозу» Западной и Восточной Европе сторонники «жесткого направления расширения НАТО» указывают на два фактора. Первый из них чисто военный и соответствует американской «Стратегии национальной безопасности по вовлечению и расширению». Эта стратегия, принятая первой при президенте Клинтоне, освещает приоритеты США к наиболее серьезным угрозам и обращает внимание на «страны, которые обладают стратегическими ядерными силами и способны представлять угрозу для США и их союзников». Являясь ядерной державой, Россия автоматически попадает в эту категорию.

Второй фактор более сложный, так как носит комплексный характер. В проведенном исследовании Института стратегических исследований при Военном колледже сухопутных войск США дается следующая оценка: «Чтобы ни произошло политически или экономически, имеется вероятность, что Россия будет проводить политику и преследовать цели, конфликтующие с политикой и целями США или европейских демократий. Будет или нет Россия иметь силы общего назначения, сопоставимые с США, она останется достаточно сильной, чтобы представлять большую стратегическую опасность ввиду своих ядерных возможностей». На слушаниях в конгрессе Р. Золик заявил: «Я склонен согласиться с генералом Одомом (генерал Одом является бывшим начальником агентства национальной безопасности США), что необязательно природа угрозы может иметь формально военный характер. Существует и много другого, что Россия могла бы сделать и без этого». Признавая, что Россия не представляет непосредственной угрозы, некоторые анали-

тики, как Р. Золик, отмечают, что в случае неудачи построить сильную демократию в России, руководство страны может попытаться расширить сферу своих национальных интересов далеко за пределы российских границ, чтобы «вновь установить российский контроль над Центральной Азией и Закавказьем, и время от времени делать угрожающие заявления в адрес Украины и балтийских государств».

Деятельность российской дипломатии, нацеленная на реализацию национальных интересов, также считается небезопасной в американской трактовке. Как подчеркивал генерал Одом, другой «аспект угрозы из России есть нарушающая порядок дипломатия. Мы уже видим признаки этого. Россия поддержала Сербию против Боснии и Хорватии, приводя свои давние связи с сербами... По мере того, как проходит время и появляются разногласия между европейскими странами, российская дипломатия постарается извлечь из них выгоду, нанося столько вреда, насколько это будет возможно». Не совсем понятно о каком «порядке» говорит генерал Одом. Если говорить о "порядке" по-американски, то априори можно считать, что российские и американские интересы не совпадают и не будут полностью совпадать. Следовательно, и деятельность российской дипломатии не обязана идти в русле американской. Было бы неверно оценивать тот факт, что несовпадения и противоречия есть угроза интересам США.

В целом такая позиция в отношении российских интересов была точно охарактеризована аналитиком Анатодем Льевиним: «Все публичные обсуждения в Польше и значительная часть в США со стороны Збигнева Бжезинского, Роберта Доула и других проводились с точки зрения необходимости сдерживать предполагаемую российскую угрозу и помешать России оказать влияние на ее соседей — влияние, которое автоматически рассматривается как незаконное и угрожающее Западу».

Сторонники «жесткого направления расширения НАТО» отвергают идею раздела Европы на сферы интересов как среди европейских стран в целом, так и для России. Анализируя их движущую силу, Джордж Мофсет отметил: «Аргумент за быстрое расширение заключается в том, чтобы быстро устранить двусмысленность о будущем Европы, посылая безошибочный сигнал России, пока она слаба, что этот регион навсегда вне пределов ее досягаемости». Р. Золик также подчеркивал: «Мы хотим четко дать понять русским, а также восточноевропейцам и немцам, что эти новые демократии также вне пределов сферы влияния России».

Как указывалось выше, стремление в деятельности российской дипломатии расширить регион российских интересов за пределы страны, рассматривается как угрожающее. Заявляется, что расширение НАТО

сегодня предотвратит повторение ситуации, подобной разделу Европы после Ялтинских решений. Бывший посол США на конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе Макс Кампелман заметил: «После окончания Второй мировой войны мы настаивали, что Россия не имеет никаких особых прав на Польшу, Чешскую республику, Венгрию или любую другую страну Варшавского пакта. Мы также заняли позицию, что Советский Союз не имеет права включать страны Балтии в свое правительство».

Сегодня в соответствии с этой позицией расширение НАТО рассматривается как наиболее эффективный способ ограничить сферу российских национальных интересов за пределами России и не только в странах Центрально-Восточной Европы, но и в бывших республиках Советского Союза. Посол Кампелман подчеркнул причину, которая объясняет опасения Запада в случае продвижения этих интересов. «В чем цель НАТО? ...те, кто выступают за скорейшее вступление, не все, но половина, делают это по одной простой причине: оно имеет отношение к России и ничему более. Они думают, что есть вероятность агрессивного, националистического, империалистического возрождения России».

Другое опасение было высказано политологом Холгером Мейем, который обозначил проблему следующим образом: «Перестанет ли «демократическая» Россия иметь национальный интерес в балтийских странах? Помешает ли демократия России иметь геостратегический интерес в теплых гаванях Индийского океана? Интересы подобного рода не являются незаконными, но мы пока не знаем, как Россия может достигать эти интересы и в какой степени эти интересы совместимы с нашими».

Последователи подобных взглядов занимают неоднозначную и противоречивую позицию. С одной стороны, когда они говорят о геополитическом детерминизме и внешней политике, базирующейся на национальных интересах, это политический реализм. С другой стороны, когда они говорят о «демократическом мире», их отношение строится на идеях непримиримой с реализмом концепции либерального интернационализма. Они заинтересованы в том, чтобы видеть Россию демократической страной, но в то же самое время они не верят, что демократия «излечит» имперский характер российской внешней политики и испытывают страх, что Россия будет следовать модели поведения, типичной для царского и советского периода. Более того, они не принимают во внимание тот факт, что есть постоянные величины, константы, связанные с национальными интересами в области безопасности, которые не имеют отношения к идеологии. З. Бжезинский обратил внимание на то,

как он понимает российское мышление: «Нельзя позволить, чтобы Центральная Европа стала органичной частью интеграционной Европы и особенно Евроатлантического альянса. Этот регион четко обозначен как зона особого российского интереса и влияния, включая новую военную доктрину (речь идет о российской военной доктрине, принятой в 1993 г.): право выступать против «расширения военных блоков и альянсов» в регионе».

Парадоксально, что доминирующее отношение сторонников «жесткого направления расширения НАТО» к России построено на политическом реализме, в то время как отношение к восточноевропейским странам, включая бывшие советские республики, основывается на либеральном интернационализме. В этом случае необходимо признать, что либо концепция «демократического мира» не срабатывает по крайней мере по отношению к России и усилия по укреплению демократии не гарантируют мира или что Россия не идет по пути демократии.

Кроме анализа на структурном уровне необходимо рассмотреть как национальные интересы определяются на уровне выработки и принятия политического решения. В своем выступлении в конгрессе США сенатор Люгар сказал: «Мы поставили свою цель и затем работали с русскими для ее достижения. Мы ухватились за возможность до того, как окно захлопнулось. Мы знали, что мы хотели (речь идет об объединении Германии). В случае Восточной Европы — очевидно нет. Нам нужно определить наши интересы и цели, а затем работать с русскими, а не наоборот».

Цель такой политики заключается не столько в том, чтобы изолировать Россию, сколько в том, чтобы повлиять на формирование ее национальных интересов в соответствии с американскими подходами. В своем заявлении высокопоставленный сотрудник государственного департамента Стивэн Оксман сказал: «Интеграция России в европейское общество зависит от принятия ею международных стандартов поведения за ее рубежами». Р. Золик выразил некоторое согласие: «Нам следует признать за русскими способность преследовать свои интересы». Тем не менее он отметил вероятность расхождения российских и американских интересов: «Ввиду неопределенностей в политическом будущем России, было бы ошибкой пытаться настроить нашу политику на разные повороты во внутренних дебатах России. Если реформы в России приведут к успеху, мы захотим попытаться интегрировать ее в то, что, я надеюсь, станет растущими трансатлантическими и глобальными сообществами, построенными на близких к нашим ценностям».

Таким образом, в соответствии с этим подходом российские национальные интересы в Европе должны быть сформулированы и реализовываться под воздействием США и НАТО и ограничиваться границами России. Иначе, как подчеркнул Р. Золик: «Двусмысленная американская и западная реакция на нестабильность и отсутствие безопасности будет сигналом неопределенности и дефицитом обязательств, что откроет путь для тех, кто соблазнится на установление своего порядка».

Рассматривая эволюцию взглядов сторонников «жесткого направления расширения НАТО» на идею согласования интересов НАТО и России через институализацию их отношений, необходимо отметить, что они ее не отвергают. Относясь к России как к побежденной в «холодной войне» державе, они не хотят «терять» ее в период после «холодной войны». Сенатор Люгар заметил: «Администрация взяла стратегию «двустороннего пути», чтобы дополнить дискуссии по расширению внутри НАТО, подходя к России с возможностью оформления институциональных договоренностей между НАТО и Российской Федерацией». Придается большое значение сближению интересов НАТО и России даже в случае неблагоприятного сценария развития событий. Р. Золик отметил: «Даже если российские реформы не увенчаются успехом, мы по-прежнему будем иметь интерес к сотрудничеству с Россией в таких областях, как ядерное разоружение, распространение и региональная стабильность». Эта позиция может быть объяснена богатым опытом сотрудничества в вышеупомянутых областях еще с Советским Союзом, даже тогда, когда «холодная война» была в полном разгаре, а также пониманием важности этих вопросов.

Однако в этой группе американских экспертов наблюдается разброс взглядов по этому вопросу. Например, З. Бжезинский утверждал: «Реализация политики геополитического плюрализма должна также преследовать более решительное расширение масштаба и периметра европейской безопасности. Решительное продвижение к еще более безопасной Европе не должно рассматриваться как антироссийская политика. Так как включение в НАТО нескольких центральноевропейских демократий могло бы одновременно сопровождаться и заключением договора о союзе и сотрудничестве между НАТО и Россией». Но понимание З. Бжезинского сути сотрудничества носит особый характер: «Прежде всего, я не говорю, что с Россией не надо сотрудничать. Я говорю, что сейчас зрелое сотрудничество невозможно. Партнером является страна, которая готова действовать взаимно, эффективно и ответственно со своими союзниками. Россия сейчас не партнер. Она — клиент».

В то же самое время другие считают Россию равным партнером с собственными интересами безопасности. Эта позиция строится на двух соображениях. Согласно Р. Золику, одно из них это «...сочетание расширения с дискуссиями о договоре между НАТО и Россией или новых договоренностей в области консультаций по безопасности в организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, чем была старая конференция по безопасности и сотрудничеству в Европе». С другой стороны, как отметил Стэнли Слоун: «Чтобы начать работать над российской озабоченностью, Киссинджер предлагает договор по безопасности между НАТО и Россией. Согласно Г. Киссинджеру подобный договор разъярил бы, что цель НАТО заключается в расширении сотрудничества по безопасности, а не конфронтация в Европе. Страны НАТО согласились бы с ограничениями по размещению сил НАТО на территориях новых членов и специальные новые консультативные процедуры были бы установлены между НАТО и Россией». Генерал Одом предложил институциональный выход: «Расширение НАТО должно сопровождаться с какой-либо конструктивной политикой по ОБСЕ и привлечению русских в G-7. Другими словами, мы должны создать баланс сил и структуру также и для всей остальной Европы».

Оценивая «Основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией Североатлантического договора» (1997г.), который, по сути дела, является как практической реализацией дискуссий о необходимости институализации отношений России и НАТО, так и формой институализации, Г. Киссинджер считает, что данный акт скорее отвечает интересам России, чем США и НАТО и является проигрышным компромиссом для Запада. Г. Киссинджер говорит, «что Москва приобрела эффективное, хотя не ярко выраженное вето». В целом, по мнению экспертов данного направления, Россия имеет враждебные мотивации в налаживании отношений с НАТО через Постоянный совет, рассматривая российское участие в роли своеобразного троянского коня. Также «они беспокоятся, что администрация (США) слишком наивна и недостаточно энергична в защите американских интересов».

Рассмотрев позицию сторонников «жесткого направления расширения НАТО», можно констатировать следующее:

- С концептуальной точки зрения эта позиция основывается на теории политических реалистов, яркими выразителями которых являются Г. Киссинджер и З. Бжезинский. Несмотря на их заявления об огромном значении отказа России от коммунистической идеи и о переходе к демократии, в плоскости практической политики для них не столь важно является ли Россия коммунистической страной или нет.

Логика такого мышления базируется на геополитическом и историческом детерминизме. В соответствии с этим подходом, даже если лидеры России не руководствуются идеями коммунистического прошлого, то все равно внешняя политика России обречена быть агрессивной, так как сегодняшняя Россия будет проводить политику, типичную для царской России. Несправедливо оценивая ее как исключительно экспансионистскую и сопровождаемую идейным мессианством, единственное отличие они видят в том, что сегодня эта политика будет направлена на интеграционные процессы под эгидой России, с одной стороны, и для защиты русскоязычного населения, оставшегося за пределами России, с другой.

С целью не допустить интеграцию бывших советских республик и лишить Россию возможности отстаивать свои национальные интересы за пределами России, а в конечном итоге помешать созданию нового «центра силы», З. Бжезинский предложил стратегию «геополитического плюрализма», предусматривающую сохранение статус-кво на территории бывшего Советского Союза с возможностью последующей интеграцией государств Центральной и Восточной Европы в западноевропейские структуры, выводящей их из сферы российских национальных интересов. С другой стороны, в рамках «геополитического плюрализма» самой важной проблемой остается предотвращение создания на территории бывшего Советского Союза нового государства, демократического или нет, но по мощи сопоставимого с США;

- Позиции З. Бжезинского и Г. Киссинджера свидетельствует о внутреннем противоречии в их подходах. Во-первых, они слабо верят в возможность демократического развития в России. Во-вторых, даже если реформы проложат путь к демократии, то, по их мнению, маловероятно, что такой успех изменит природу России и не будет означать большого сдвига в стратегии США по отношению к России. Вот что думает Г. Киссинджер по этому вопросу: «Перспективы демократии в России все еще неопределенные. Также неясно, будет ли даже демократическая Россия проводить политику, соответствующую мировой стабильности». Отсутствие логики данного подхода заключается в том, что становится непонятно, зачем выступать в качестве сторонников демократии в России, если суть политики страны все равно не изменится. Кроме этого, остается неясным, почему другие страны, став демократическими, могут «проводить политику, соответствующую мировой стабильности», а Россия не может;

- Обращаясь с Россией как с державой, проигравшей «холодную войну», сторонники «жесткого направления расширения НАТО» полагают, что США и НАТО имеют законные права устанавливать свои «правила игры» и самостоятельно решать, насколько они посчитают

возможным учитывать национальные интересы России. Подобный силовой подход к России во многом типичен для официальной политики США времен «холодной войны», строившейся по принципу «сила — это единственно, что русские понимают». Таким образом, американские аналитики не видят большой разницы между коммунистической и сегодняшней Россией, тем самым оправдывая необходимость дальнейшего расширения НАТО на восток.

В общем, как показывает анализ, взгляды рассматриваемого американского истеблишмента, наносят сильнейший удар по российским радикальным либералам, утверждающим, что «с окончанием "холодной войны" перестала существовать и внешняя угроза российской безопасности, а с присоединением постсоветской России к вышеперечисленным универсальным ценностям (соблюдение прав человека, приверженность ценностям свободного рынка и плюралистической демократии) развитые страны Запада стали ее естественными союзниками. Партнерские отношения с этими странами, и особенно с США, рассматриваются как единственная возможность спасти Россию, которая не выйдет из нынешнего экономического кризиса без финансовой поддержки Запада, и соответственно трактуются по сути как необходимость априорной поддержки всех западных инициатив в области международной политики».

Оценивая угрозы, которые создает стратегия «жесткого направления расширения НАТО» по отношению к России, необходимо подчеркнуть, что они полностью совпадают с теми, о которых предупреждал Е. Примаков, занимая должность директора Службы внешней разведки в 1995 году. Эти угрозы, по его мнению, исходят из «стремления определенных сил лишить Россию статуса великой державы, навязать невыгодные условия межгосударственного взаимодействия».

Расширение НАТО по подобному сценарию может привести к негативным для России результатам, поставив ее вне европейских процессов безопасности, и следовательно лишить возможности продвижения своих интересов. Как отметил директор Института США и Канады РАН С. Рогов: «Геополитические последствия расширения НАТО могут оказаться крайне неблагоприятными для России, которая рискует оказаться за рамками новой евроатлантической системы безопасности, формирующейся на основе Североатлантического альянса». В результате этого Россия рискует оказаться на обочине европейских процессов, в значительной степени потеряв возможность оказывать на них свое влияние.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

КОСОВСКАЯ ПРОБЛЕМА ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ США: ВЫВОДЫ ДЛЯ РОССИИ

Военная операция против Югославии еще раз подтвердила, насколько устоялись традиции взаимодействия между интеллектуальной и политической элитами в США. Вполне естественно, что столь важный для США вопрос, как «война в Югославии» (а именно так многие эксперты назвали проводимую операцию), стал для многих «мозговых центров» лакмусовой бумагой, поскольку заставил предельно четко обозначить свою позицию, а именно — поддержать или подвергнуть критике действия администрации Клинтона в Косово. Естественно, преувеличивать влияние академических дебатов на внешнюю политику Соединенных Штатов не следует. В этом смысле трудно согласиться с теми, кто полагает, будто «благодаря отлаженной системе отбора вспомогательных умов западные политики практически не совершают грубых ошибок»¹. «Простомыслие — вот что было свойственно интеллигенции. Вот откуда брались ее нереалистичные проекты»², — фраза эта, сказанная о России, вполне могла бы быть применена и по отношению к США.

Скептицизм в отношении политической роли академических ученых за океаном не менее силен, чем в России. Так, после окончания натовской операции против Сербии в американской прессе стали появляться наполненные едкой иронией статьи о многочисленных несбывшихся предсказаниях некоторых советников и экспертов в отношении неэффективности воздушной операции и готовности С. Милошевича «идти до конца»³. «Большинство из того, что преподносится как новации в сфере общественной политики, на деле является имитацией»⁴, — читаем мы в другом месте.

Многие авторы констатируют, что в США на «индустрию политического анализа» тратятся огромные средства, но «анализ не используется политиками во благо... Эти инвестиции не дают уверенности в том, что политический анализ серьезно влияет на решение конкретных проблем»⁵.

Однако сказанное, естественно, не означает, что изучение идей "мозговых центров" США не представляет интереса. Исследование интеллектуальной продукции этих центров важно в силу нескольких причин. Во-первых, наиболее жизнеспособные идеи, как показывает практика, все же в конечном счете реализуются. Естественно, для этого нужен период "обкатки" и публичной апробации новых подходов.

Во-вторых, США обладают самой разветвленной в мире инфраструктурой для "производства" внешнеполитического дискурса. Знание того, кто преобладает в нем (государство, неправительственные организации, бизнес), облегчает понимание расстановки сил в американском обществе в целом.

В-третьих, сообщество внешнеполитических экспертов претерпевает существенные изменения, связанные с предметом их изучения, а именно с процессами глобализации. В мире постепенно формируется международный "рынок" политической экспертизы со своим "интеллектуальным капиталом". Национальные политико-академические комплексы имеют потенциал к трансформации (естественно, с различной скоростью и в разной степени) в транснациональную "элиту знания" (например, электронные журналы "Интеллектуальный капитал" и «Континент»), что представляет несомненный интерес с исследовательской точки зрения⁶.

В-четвертых, даже если между идеями и их реальным использованием пролегает дистанция огромного размера, они все равно оказывают влияние на умонастроения людей, их внешнеполитические предпочтения и идеалы. В этом смысле просветительскую функцию "мозговых центров" в демократических обществах не следует сбрасывать со счетов.

В настоящей главе мы рассмотрим спектр оценок в политико-академическом комплексе США в отношении военной операции НАТО против Югославии, начавшейся в марте 1999 года.

События в Косово обнажили проблемы, связанные с самоопределением таких важнейших международных организаций, как НАТО и ООН. Объективно говоря, НАТО оказалось не готово сформулировать новую "стратегическую концепцию" после окончания "холодной войны". Весьма трудной для американских военных и политиков оказалась задача определения новых целей НАТО в отсутствие советской угрозы. Косовская операция планировалась как доказательство эффективности и необходимости активной деятельности этой организации за пределами территории стран — участниц блока. Война в Косово расширила грани-

цы действий НАТО и открыла путь к использованию военной силы блока в любых точках земного шара.

Американские политики и эксперты по-разному оценивали косовский конфликт и роль НАТО в нем, но они были едины в признании безусловной важности для последующего мирового развития произошедших в Косово событий. Бывший советник по национальной безопасности при президенте Картере, а ныне сотрудник Центра стратегических и международных исследований (ЦСМИ, г. Вашингтон) З. Бжезинский отмечал, что "на карту поставлено значительно большее, нежели судьба Косово. Поражение НАТО было бы концом доверия к нему и вместе с тем нанесло бы значительный ущерб глобальной ведущей роли Соединенных Штатов. Последствия этого для глобальной стабильности были бы чудовищными"⁷.

Не один З. Бжезинский обратил внимание на важность происходящих в Косово событий. Многие аналитики в США отмечали, что исход войны в Югославии даст ответ на главный внешнеполитический вопрос: куда двигаться дальше Соединенным Штатам, НАТО и Организации Объединенных Наций. Бывший конгрессмен Ли Гамильтон, который был председателем Комитета по международным отношениям Палаты представителей, а в настоящее время является директором Международного центра ученых имени Вудро Вильсона, отмечал, что "если косовская миссия окажется безуспешной, это не уничтожит НАТО как мировую силу, но это может привести к ослаблению данной глобальной организации"⁸.

Джон Болтон, старший вице-президент Американского предпринимательского института, отмечал распространение среди европейцев мысли о том, что наиболее соответствующей их региональным интересам может оказаться общая оборонная система в рамках Европейского союза, а не НАТО, в котором доминируют США. Таким образом, успех или провал в Косово во многом будет определять будущий мировой порядок⁹.

Учитывая столь важное значение косовской операции, З. Бжезинский призывал НАТО и США к решительным действиям в этой войне. Критикуя администрацию США за упущенные возможности в связи с поздним началом боевых действий, он указывал, что "за" применение силы выступали все девятнадцать демократических государств НАТО, и "все другие европейские демократии поддерживали НАТО в целом"¹⁰. Однако в военном отношении, подчеркивал З. Бжезинский, администрация Клинтона проводила неубедительную политику, поскольку "воздушные налеты НАТО были боязливо осторожными" вме-

сто того, чтобы "шокировать и запугивать противника". Натовцы пытались избежать жертв "не только на стороне союзников, но и на стороне режима Милошевича". Поэтому, заключил автор, "сербам сделали лишь "прививку" от страха перед бомбами"¹¹.

Подвергся критике З. Бжезинского и военно-политический курс администрации Клинтона, направленный на недопущение наземной операции в Косово. "Соединенные Штаты, как признанная держава пакта, призваны принять курс безусловной воли к победе. Американское командование должно продемонстрировать принципиальное мужество и не руководствоваться "политическим компасом"¹².

В апреле 1999 г. З. Бжезинский рекомендовал администрации Клинтона и НАТО ряд условий для успешного завершения косовского конфликта:

- пока формальный статус Косово останется неопределенным, эта территория должна находиться под прямой защитой НАТО;
- никаких переговоров с Милошевичем при посредничестве России о более мягких условиях, нежели предусмотрены НАТО;
- усиление воздушных налетов, если они должны действительно разрушить военную мощь Милошевича и принудить его к принятию условий НАТО;
- немедленное размещение войск, чтобы подготовить наземное наступление НАТО из Албании и Македонии;
- обеспечение оружием косовских сил, оказывающих сопротивление Белграду;
- замораживание югославских капиталов в странах НАТО с целью оказания давления на Белград.
- не дожидаясь окончания военных действий, Европейский союз и НАТО должны разработать план восстановления Косово и возвращения его населения;
- программа послевоенных действий должна включать также условия того, каким образом демократическая Сербия после Милошевича может быть включена в обширную программу восстановления для Балкан. Это могло бы подвигнуть более реалистически мыслящих сербов к пересмотру своей поддержки режима Милошевича;
- США и НАТО долгое время должны быть задействованы в целях обеспечения региональной стабильности на Балканах;
- если Кремль вновь одумается, тогда российское участие в обеспечении мира было бы желательным;
- американский конгресс должен сделать совместное заявление, в котором должны быть поддержаны политические цели НАТО и выра-

жена решимость США добиться осуществления этих целей всеми необходимыми средствами. Учитывая то, сколько поставлено на карту, американское участие должно быть однозначным и упорным¹³.

Похожую точку зрения разделял директор Программы международной политики Брукингского института Ричард Хаасс. Он упрекал администрацию США в недостаточно жесткой политике по отношению к сербам. В то время, когда натовская авиация продолжала наносить воздушные удары по Сербии, Р. Хаасс предложил администрации Клинтона несколько возможных вариантов развития событий¹⁴. Первой возможностью для НАТО он назвал продолжение бомбовых ударов с воздуха. Но, по его мнению, этот курс не обеспечивает успеха в отношении сути проблемы, поскольку не останавливает этнические чистки в Косово¹⁵.

В качестве второго варианта ученый предлагал использовать "афганский подход". Суть его в том, чтобы при продолжении воздушных атак на Сербию и сохранении экономических санкций с помощью тайных операций ослабить режим Милошевича, вооружать и обучать Армию освобождения Косово (АОК). Естественно, отмечал Р. Хаасс, и у этого варианта есть масса недостатков. Во-первых, не прекратится гуманитарная катастрофа. Во-вторых, этот вариант потребует длительного времени, что может привести к усилению оппозиции натовским бомбардировкам в Европе. В-третьих, вооружение и обучение Армии освобождения Косово может привести (как это уже наблюдалось в Афганистане) к появлению «трудноуправляемой оппозиции».

Третий вариант для НАТО — послать наземные войска. Этот вариант, по мнению эксперта, является самым лучшим "с гуманитарной и стратегической точек зрения", хотя и мог повлечь за собой чрезмерные потери. Однако, настаивал Р. Хаасс, "промедление с использованием военной силы может увеличить масштабы гуманитарной катастрофы и сузить стратегический выбор", "отказ от применения наземных сил никогда не бывает оправданным"¹⁶. Более того, он не только одобрял активные военные действия НАТО, но и критиковал администрацию Клинтона за "дешевую внешнюю политику", а именно за скоропалительные заявления президента США о нецелесообразности проведения наземной операции. В другой статье Р. Хаасс прямо указывал на то, сколь масштабным должно быть применение военной силы. "Булавочные уколы (авиаудары) редко срабатывают... Необходимо, чтобы страна, о которой идет речь, заплатила огромную цену и ее политические лидеры оказались бы под давлением со стороны своих избирателей"¹⁷.

О жестоком наказании "провинившихся" сербов заявляли многие американские политики и аналитики. В частности, кандидат в вице-президенты на выборах 1996 года Пат Чоат заявлял, что переговоры с сербами непродуктивны, и выражал согласие с Макиавели, который советовал в подобных случаях: лучше и безопаснее убить преступного суверена, чем оскорблять или задевать его. Пат Чоат отмечал, что вне зависимости от того, почему было принято решение участвовать в косовском конфликте, в интересах США твердо проводить его в жизнь, чтобы весь мир понял серьезность намерений Америки. Причем, по мнению автора, "если для выполнения этой миссии потребуются войска, то необходимо эти войска сосредоточить. Если войскам необходимо будет разрушить большую часть Югославии, — значит так тому и быть. Если последуют тяжелые потери среди мирного населения Югославии, придется принять это как неизбежное"¹⁸.

В отношении тех стран, которые в будущем могут стать потенциальными противниками США, Р. Хаасс советовал президенту США выступить с заявлением о том, что "суверенитет государства не означает вседозволенности", и если права граждан нарушаются, международное сообщество обязано принять всесторонние меры против правительства-угнетателя. Правда, эксперт не уточнил, какие именно государства должны составить "международное сообщество" (видимо, согласные с политикой США), а также не пояснил, в каких странах могут появиться правительства-угнетатели (вероятнее всего, в тех, которые еще не обзавелись ядерным оружием).

События в Косово уже достаточно показали всему миру, что никакого суверенитета больше не признается, если только у государства нет значительной военной мощи. Есть только один гарант суверенитета — ядерное оружие. Естественно, это подтолкнет страны, имеющие национальные меньшинства, к активному его приобретению.

Не обошел своим вниманием Р. Хаасс и такой важный аспект косовской проблемы, как ввод международных сил в Косово. Соблюдение всесторонних интересов США является основой его рекомендаций, касающихся состава миротворческих сил. Европейцы (которым, кстати, еще долго предстоит устранять последствия этой войны) должны, по мнению автора, обеспечить львиную долю военнослужащих международной группировки. Хотя для того, чтобы эта группировка добилась успеха, признавал Р. Хаасс, определенное участие США все же будет необходимо, однако с течением времени можно будет сократить размер американского присутствия и предоставить европейцам право самим заканчивать совместно начатую операцию¹⁹. Насколько "совместно"

была начата косовская операция и какие истинные цели в Европе она преследовала — тема отдельного исследования. Однако следует отметить, что по вопросу решения послевоенных проблем в Косово американские эксперты были весьма единодушны — задачу поддержания порядка в Косово следует передать "богатой и свободной Европе", а миссию США в этом регионе считать не только успешно выполненной, но и законченной. Причем бремя финансовых расходов на восстановление Косово, по утверждению госсекретаря США Мадлен Олбрайт, также в большей степени ляжет на плечи европейцев (по расчетам экономистов, это потребует не менее 50 млрд. долларов).

Даг Бэндоу, старший научный сотрудник Института Като, заявил на слушаниях в Комитете по международным отношениям Палаты представителей: "Америке следует дать европейцам свободу самостоятельно принимать решения и нести всю ответственность за них..."²⁰. Похожую точку зрения разделял и Пат Чоат. Он писал, что американское присутствие в Европе и преобладание в НАТО оказывают расслабляющее влияние на европейские правительства и мешают им действовать самостоятельно. "Пришло время вернуть американские войска домой и оставить решение европейских проблем, таких как Балканы, на усмотрение самих европейцев"²¹.

В целом вопрос об отношении европейцев к войне против Югославии очень интересен и неоднозначен. Если проследить цепь событий с момента возникновения кризиса в Косово и до момента ввода миротворческого контингента, то можно увидеть, как нелегко было странам — участницам НАТО договориться о единой политике в Югославии. Европейские союзники впервые были серьезно обеспокоены использованием НАТО военной силы за пределами территорий стран-участниц без санкции ООН. Несколько раз ситуация складывалась таким образом, что альянс находился на грани раскола. К примеру, Италия предлагала сделать паузу в бомбардировках, а итальянский парламент заявил о своей оппозиции операции "Operation Allied Force". К этому же призывали "зеленые" в коалиционном правительстве Германии, а немецкая пресса настаивала на том, что США впервые в истории НАТО навязали европейским странам свою волю в решении проблем, связанных с суверенным государством в Европе. Греция при поддержке Венгрии и Чехии высказывалась за перемирие на двое суток. А новый член альянса — Венгрия, предоставив поддержку своим новым союзникам, не согласилась послать войска против этнических венгров, сражающихся в сербской армии.

В то же время англичане, последовательные проводники интересов США в Европе, настаивали на скорейшей подготовке к наземной операции. Только сильный американский и британский прессинг позволил поддержать единение в рядах НАТО. Американцам и англичанам пришлось доказывать своим коллегам по НАТО, что на карту поставлено нечто большее, чем судьба Косово, а именно будущее блока. Раскола не произошло, и на совещании министров иностранных дел в Брюсселе была выработана единая политика НАТО в отношении Косово.

Разумеется, американские аналитики не обошли в своих комментариях тему, касающуюся перспектив сотрудничества стран Европы и США в последующем урегулировании ситуации на Балканах. Мартин Уолкер, старший научный сотрудник Института мировой политики (WPI) в Нью-Йорке и одновременно редактор британской газеты "Гардиан", высказал свою точку зрения на "новую балканскую проблему". М. Уолкер считал, что, кроме Британии и Франции, "европейские страны не хотят или не способны развернуть в Косово нечто большее, чем символические силы"²². Поскольку, по подсчетам командования НАТО, в Косово необходимо присутствие 50 тыс. солдат, это влечет за собой существенную проблему. Она связана с тем, что европейским армиям не хватает кадровых военных. Как писал М. Уолкер, лишь французы и британцы обладают потенциалом военной силы типа американского. Но британская армия уже выполняет задачи в Северной Ирландии и Боснии, а французы не намерены в большом количестве направлять для выполнения миссии в Косово своих призывников²³. Поэтому, заключал автор, "любое серьезное наращивание наземных войск зависит от американцев". К сожалению, отмечал М. Уолкер, "Балканы превратились в некий натовский протекторат, и американцам после пятидесятилетней вахты на Рейне придется приступить к вахте на Дунае. Однако Америка сейчас, как никогда, сильна в военном отношении и готова снова взять на себя основные функции в урегулировании нового кризиса"²⁴. "Соединенные Штаты обладают беспрецедентной в человеческой истории военной мощью... США — единственный участник "революции в военной области", которая дает им принципиально новые категории вооружений, недоступные другим, и они обладают возможностью проецировать свою силу практически на любые территории по всему земному шару"²⁵.

Вопрос об активном участии американцев в урегулировании косовского конфликта вновь породил споры в политико-академическом комплексе США между сторонниками концепции "изоляциялизма" и экспертами, стоящими на позициях "активного интернационализма". По-

следние поддержали новую "стратегическую концепцию" государственного секретаря Мадлен Олбрайт, в соответствии с которой задачи НАТО необходимо расширить от территориальной самообороны до "управления кризисами". По мнению М. Олбрайт, Балканы являются плацдармом, который позволит улаживать конфликты на Ближнем Востоке, в Персидском заливе и в Закавказье. Что касается непосредственно роли Соединенных Штатов, то М. Олбрайт выступает за "активный интернационализм", подчеркивая, что США являются "незаменимым государством" и имеют высокий уровень зарубежных интересов.

Сторонники "активного интернационализма" считают, что пятьдесят лет спустя "ответственности у нас даже больше, не в последнюю очередь потому, что мир теперь для нас более важен"²⁶. Президент Центра национальной политики (СНП) Морин Стайнбрунер отмечала, что в отдаленных частях света существуют многочисленные проблемы, которые могут повлиять отрицательно и на Соединенные Штаты, если не будут эффективно решены. Критикуя сторонников изоляционизма, М. Стайнбрунер писала о том, что все попытки США остаться в стороне и действовать в одиночку обычно проваливались. Противоречия, имманентно присущие теории изоляционизма, очевидны, по мнению автора, в современном мире. "Возглавляемая США оборона Европы, лидерство США в приведении к порядку Саддама Хуссейна и в окончании активного конфликта в Боснии продемонстрировали ценность активного интернационализма и важность вклада, который в него вносит Америка"²⁷. Поэтому Морин Стайнбрунер призвала "не поворачиваться к миру спиной", а усвоить уроки американской истории и ту важную роль, которая отведена Америке в мире.

Дэниел Пайпс, директор Ближневосточного форума, тоже высказывался против концепции изоляционизма. Он отметил странную тенденцию американского поведения — "после каждой победы за границей немедленно устремляться к себе домой". Такая политика, по мнению ученого, приводит к "замешательству, провинциализму и апатии"²⁸. Более того, Дэниел Пайпс считал, что хотя Соединенным Штатам в военной области сейчас не способно противостоять ни одно государство, и американцы, по крайней мере теоретически, способны самостоятельно, без чьей либо помощи выполнить практически любую задачу, тем не менее правительство США слишком прислушивается к общественному мнению, и готовность Америки к активным действиям во многом зависит от международного одобрения. В отсутствие поддержки ООН, Европы, Японии, Саудовской Аравии и других стран, по мнению автора, американцы считают практически невозможным пойти на развертыва-

ние своих вооруженных сил за рубежом. “Именно этим, — продолжал Д. Пайпс, — объясняется постоянный упор, который Вашингтон делает на резолюции Совета Безопасности или НАТО; им не хватает решимости принимать односторонние решения, даже если их мощь позволяет им это делать”²⁹.

У сторонников концепции изоляционизма свой взгляд на происходящие в Косово события и не менее убедительные аргументы. Старший вице-президент АПИ (American Enterprise Institute) отмечал, что если косовский конфликт разрешится не в пользу НАТО, то это заметно скажется на усилении позиций изоляционистов в Америке. “Если европейцы будут твердить “мы хотим заниматься этим (обеспечением обороны региона) самостоятельно”, в Соединенных Штатах будет усиливаться чувство, что раз они хотят заниматься этим сами, то пожалуйста, пускай занимаются”³⁰.

Тэд Гален Карпендер, вице-президент по обороне и внешней политике Института Като, критикуя сторонников глобального вмешательства, заявлял, что даже такой сверхдержаве, какой являются Соединенные Штаты, не под силу контролировать весь мир. При этом он ссылаясь на короля Пруссии Фридриха Великого, который предупреждал: кто попытается защищать все, не защищает ничего. Внешняя политика США, отметил автор, страдает именно таким недостатком.

В качестве нового подхода к проблемам национальной безопасности Тэд Карпендер предложил стратегию “стратегической независимости”, состоящую в использовании вооруженных сил США исключительно в целях защиты жизненно важных американских интересов. Осуществление подхода “стратегической независимости” привело бы к ряду кардинальных изменений во внешней политике Вашингтона:

- США отказались бы от участия в миротворческих операциях ООН;
- постепенно были бы ликвидированы альянсы, созданные США в эпоху “холодной войны”, и Америка отказалась бы от роли всемирного полицейского;

- США стали бы стабилизирующей силой последней инстанции, вместо того чтобы оставаться силой вмешательства первой очереди³¹.

Тэд Карпендер считал неправомерными обвинения в “изоляционизме” его сторонников. “Эта точка зрения по существу является теорией “электрического выключателя”, в которой роль Америки в мире рассматривается как имеющая всего два возможных положения, “включено” и “выключено”. Либо США продолжают проводить неразборчивую политику глобального вмешательства, которая заставляет рисковать жизнями американских военных в стратегически и экономи-

чески незначимых уголках земного шара, либо мы переходим к стратегии “Крепость Америка” и “изолируем себя от остального мира”³². Америка, по мнению автора, может проводить политику национальной безопасности, лежащей между двумя этими крайними формами участия в международных делах. Т. Карпендер отметил, что кроме военно-политической, существуют экономические, культурные и дипломатические формы участия в международных делах. Новая концепция национальной безопасности позволила бы Соединенным Штатам в полной мере использовать преимущества складывающегося многополюсного экономического и военного окружения.

По мнению Гэри Демпси (Институт Като), за последние шесть лет внешняя политика администрации Клинтон была беспорядочной, вооруженные силы США использовались за границей примерно в 20 операциях. Высокий темп осуществления операций привел к негативным тенденциям во всех родах войск в отношении всех категорий боеготовности. Значительное количество молодых людей не желают служить миротворцами в иностранных государствах, поскольку “не желают подвергать себя опасности, сражаясь в чужих битвах”³³.

Косовский конфликт выявил еще одну важную особенность современного мироустройства — изменение роли Организации Объединенных Наций после окончания “холодной войны”. В мире произошли значительные изменения с тех пор, когда создавалась ООН. Нет коммунистической угрозы, “холодная война” закончена и мир стал определенно однополюшен. Прошли те времена, когда США поддерживали концепцию глобальной системы коллективной безопасности, важной составляющей которой являлась Организация Объединенных Наций. Хотя Америка формально признает право на существование этой организации, однако косовские события подтвердили тот факт, что у США свой взгляд на роль ООН в мире.

В уставе НАТО записано, что его члены должны “воздерживаться... от угрозы или применения силы любым способом, не соответствующим целям Организации Объединенных Наций”. Однако Совет Безопасности ООН не принимал решения о применении силы в Косово, несмотря на то, что администрация Клинтон оправдывала бомбардировки Югославии резолюциями Совета Безопасности, осуждающими этнические чистки в Косово и принятые за несколько недель до начала военных действий. В течение всей военной операции ООН никак не удалось зафиксировать свою “роль” в конфликте. Все попытки остановить бомбардировки были провалены. Война в Югославии четко выявила новую парадигму взаимоотношений между НАТО и ООН — минимум сотрудниче-

ства и взаимопересекающихся интересов. ООН как "центр мировой дипломатии" потерпел "фиаско" и вряд ли когда-нибудь сможет возродить свое бывшее влияние.

Признали это и американские ученые и политики. Бывший сенатор Ли Гамильтон сказал, что "Организация Объединенных Наций вышла из косовской истории не слишком серьезным игроком". Джон Болтон (АПИ) писал, что косовский конфликт был "показательным свидетельством потери значимости ООН". Тед Карпентер был еще более пессимистичен в отношении роли Организации Объединенных Наций. Он отметил, что даже до конфликта в Косово деятельность ООН не поражала значительными результатами в области предотвращения и умиротворения конфликтов. Проект государственного строительства в Сомали, итоги миссии ООН по поддержанию мира в Боснии, укрепление демократии с помощью миротворцев ООН в Камбодже и Анголе, — все это, по мнению Т. Карпентера, не совсем удачные попытки миссии ООН устоять мир в "горячих точках" планеты³⁴. Правда, он отметил и определенные успехи ООН. К примеру, конструктивную роль эта организация сыграла в прекращении конфликтов в Сальвадоре и Мозамбике, а также в содействии демократическому процессу в Намибии. Тем не менее "провалы (ООН) заметно больше на виду, чем успехи, и они подчеркивают имманентную ограниченность возможностей ООН"³⁵.

Исходя из новых реалий, американские аналитики определили стратегические принципы взаимоотношений США с НАТО и ООН. Причем спектр этих оценок был весьма разнообразен:

- Америка может и должна работать с каждой и/или с обеими этими организациями во всех возможных случаях, но и односторонние акции, предпринимаемые в национальных интересах, также иногда могут оказаться необходимыми (Ганс Биннендийк, директор Института национальных стратегических исследований)³⁶;

- США должны помогать ООН в поддержании стабильности в мире, и особенно в странах "третьего мира". Причем в острых ситуациях следует предпринимать совместные многосторонние международные мероприятия (Мелвин А. Гудмен, старший научный сотрудник Центра международной политики)³⁷;

- Америка останется лидером НАТО. И хотя следует добиваться поддержки со стороны ООН осуществляемых ею в других странах экономических, политических и военных интервенций, США всегда должны действовать, исходя из собственных национальных интересов, даже если они противоречат интересам ООН и НАТО (Ли Гамильтон, директор Центра им. Вудро Вильсона)³⁸;

- Америке следует проявлять скептицизм и осторожность в отношениях с ООН. Вооруженные силы США не должны направлять свой персонал для участия в миротворческих операциях и миссиях ООН. Поскольку, как правило, миротворческие мероприятия осуществляются на геополитических задворках, они могут отвлечь США от значительно более серьезных проблем, которые действительно способны угрожать безопасности самой Америки. Мысль о том, что ООН является мощной глобальной организацией по обеспечению безопасности, является нереализуемой и вредной (Тед Карпентер, Институт Като)³⁹.

Р. Хаасс полностью поддерживал политику игнорирования ООН в случае массированного применения военной силы против Сербии. "Легитимность определяется нашими целями и средствами, используемыми для их достижения, а не голосованием в политизированной международной организации"⁴⁰. Свой взгляд у эксперта и на политику взаимодействия стран — членов НАТО. Р. Хаасс считал, что совершенно не следует добиваться единодушия в НАТО как безусловного условия для начала военных действий. "Нам следует создавать коалиции с теми странами — вне зависимости от того, являются они членами НАТО или нет, — которые готовы и способны помочь нам в достижении наших целей"⁴¹.

Что касается новой роли Организации Объединенных Наций после Косово, то многие американские аналитики советовали ООН ограничиться лишь символическими миротворческими мероприятиями, силы для которых следует привлекать из менее крупных государств, поскольку в этом случае их нельзя будет даже теоретически обвинить в пристрастии к той или иной стороне. ООН обладает ограниченными возможностями и как международный форум для высказывания различных точек зрения, и как посредническая служба для решения споров. Она, однако, может играть полезную роль в координации операций по оказанию гуманитарной помощи.

Во время операции против Югославии Б. Клинтон не добился существенного прогресса в разработке стратегического подхода к внешней политике. Президент, который ранее очень осторожно относился к возможности применения силы, стал чрезмерно полагаться на Пентагон в решении региональных проблем. При решении косовской проблемы Б. Клинтон пользовался стратегическими концепциями, унаследованными от эпохи "холодной войны". Мелвин Гудмен отмечал, в частности, что интервенция США против Югославии дает богатый материал о "параллельной вселенной, в которой обитает администрация США".

Администрация Клинтона сохранила все обязательства Вашингтона по обеспечению безопасности эпохи "холодной войны" и даже расширила те из них, которые привели к стратегическому перенапряжению. По мнению Т. Карпентера, ряд действий администрации Клинтона можно назвать ошибочными, а именно:

- излишний контроль за обстановкой в регионе Персидского залива;
- расширение состава НАТО за счет стран Центральной и Восточной Европы;
- многосторонние миротворческие миссии в Сомали, Гаити, Боснии и т.д.;
- продолжение субсидирования обороны союзников в Западной Европе и Восточной Азии;
- содержание многочисленной и гораздо более дорогостоящей армии, чем это могло бы потребоваться⁴².

Эрик Алтерман, преподаватель Нью-Йоркского университета и аналитик журнала *The Nation*, затрагивая вопрос о выработке внешней политики, отмечал, что президент Клинтон и его советники пользуются полной свободой при заключении от имени страны таких соглашений, которые легко могут втянуть США в войну. При этом подобные вопросы практически не обсуждаются ни в конгрессе, ни самим народом Соединенных Штатов⁴³. Более того, Эрик Алтерман отметил, что существует негласное соглашение между президентом и конгрессом США, в соответствии с которым внешняя политика осуществляется без открытых дебатов. В результате внешнеполитический истеблишмент ведет политику, которая противоречит взглядам большинства американцев. Специалисты по внешней политике прикрываются тем фактом, что большинство американцев не имеют понятия о самых базовых вещах.

Роберт А. Мэннинг, старший научный сотрудник Совета по международным отношениям (СМО), был более критичен к внешнеполитическому курсу администрации Клинтона. Он писал, что "абсурдно проводимая, путанная и направленная на поддержание статус-кво внешняя политика вызывает столько же доверия, сколько вымученные показания Клинтона Большому Жюри" по поводу пикантного скандала с М. Левински⁴⁴.

Старший научный сотрудник Центра международной политики Мелвин Гудмен отметил чрезмерную зависимость администрации Клинтона от военных инструментов государственной политики. "Продолжение такой политики приведет к активизации требований осуществления все новых интервенций, на которых основывалась на-

циональная стратегия безопасности, осуществляемая в прошлом десятилетии в Панаме, на Гаити, в Сомали, Боснии, Ираке и Македонии"⁴⁵.

Главным стратегическим провалом администрации Клинтона стали очевидные попытки маргинализировать Россию, вместо того чтобы постараться привязать ее к Западу на глобальной арене. Деятельность администрации Клинтона привела к тому, что за период, прошедший с 1993 года, отношения США с Россией опасно ухудшились.

Старший научный сотрудник СМО Роберт А. Мэннинг отмечал, что одной из главных стратегических проблем для США является управление трансформацией переживающей сложные времена России. Политика США в Косово показала, что США считают Югославию более приоритетным направлением. "С точки зрения общей стратегии это не вызывает ничего, кроме смеха"⁴⁶.

Военная операция НАТО в Югославии сильно повредила и без того ухудшающимся отношениям США с Россией. Гэри Демпси (Институт Като) видит следующие признаки этого ухудшения:

- авиаудары возродили прежние линии разделения с Москвой и задали мрачный тон парламентским и президентским выборам в России;
- война в Косово подорвала незавершенный процесс налаживания контроля над вооружением. Сокращение ядерного арсенала России должно быть императивом в области национальной безопасности Запада;
- конфликт в Югославии отдалил Россию от Запада и вполне может подтолкнуть ее к продаже ядерных материалов и технологий различным странам, включая Китай, Северную Корею, Ирак, Иран или Пакистан⁴⁷.

Мелвин Гудмен отмечал, что результатом "катастрофической политики США на Балканах" стали опустившиеся до самого низкого уровня со времен "холодной войны" отношения США с Россией. Российско-американское сотрудничество необходимо, продолжает автор, не только в области ключевых стратегических и ядерных вопросов, но и для поиска дипломатического и политического выхода из «балканской трясины». Мелвин Гудмен подчеркнул, что необходимо пересмотреть политику США в отношении России. "Россия должна быть включена в число участников крупных дипломатических переговоров... пора включить Россию в западную архитектуру безопасности, найти для нее роль в международной миротворческой деятельности. Будущее контроля над вооружениями и разоружением, ядерная безопасность и геополитическая ситуация в Евразии зависят от наличия стабильных российско-американских отношений"⁴⁸.

Доктор Джерри Пурнелл обозначил ряд итогов "дорогостоящей американской победы". Во-первых, работа по восстановлению и защите Косово будет долгой и финансово весьма затратной. За эти деньги, подчеркнул автор, американцы могли бы просто купить Косово.

Во-вторых, возникнут проблемы с Армией освобождения Косова, которая так импонировала многим американцам и бойцы которой уже дали понять, что не собираются разоружаться и хотят свести счеты с сербами. Таким образом, продолжил автор, будет абсолютно идеально, если Соединенным Штатам придется держать в Косово войска лишь на протяжении жизни всего лишь одного поколения, пока посланные туда учителя не воспитают детей нового мировоззрения.

В-третьих, результатом косовского конфликта стали ухудшившиеся отношения с Россией. И наконец, в-четвертых, США подтолкнули малые страны к необходимости приобретения ядерного оружия, что, естественно, не способствовало установлению безопасности в мире⁴⁹.

Старший научный сотрудник СМО Роберт Мэннинг привел свои оценки ущерба внешней политике США, нанесенного косовским конфликтом:

- задачи по приему беженцев из Косово или организации их возвращения окажутся весьма сложными для стран НАТО;
- Косово потребует, по меньшей мере, десятилетнего протектората НАТО;
- последующее развитие Сербии станет гигантским бременем, которое будет давить на внешнюю политику США;
- интервенция в Косово стала новым прецедентом, устанавливающим приоритет этно-национального самоопределения над государственным суверенитетом. К порогу НАТО может выстроиться очень длинная очередь из курдов, басков, кашмирцев, тибетцев и др.;
- долгосрочные обязательства США на юге-востоке Европы отвлекут внимание и ресурсы Вашингтона от более важных проблем — роста могущества Китая, ближневосточного мирного процесса, глобальной финансовой нестабильности и т.д.⁵⁰

Фрэнк Гаффни, директор Центра политики в области безопасности (CSP), отметил, что в долгосрочном плане политика в Косово станет новым, после Сомали, "внешнеполитическим фиаско" Клинтона. Он же называет ряд причин, по которым сценарий косовской операции приведет к негативным эффектам:

— мир в Косово нельзя будет установить с помощью миротворческих сил. Армия освобождения Косова и сербы не будут выполнять соглашение о перемирии;

— возможности натовских сил будут затруднены из-за отсутствия структур власти и подлинной политической отчетности;

— как ни парадоксально, но присутствие крупных сил НАТО на практике лишь усугубит косовский пожар. Чтобы контролировать ситуацию в Косово, миротворцам придется иметь дело с Албанией — страной, которая находится в состоянии анархии, напоминающем ситуацию в Сомали, и которая служит проводником и источником материальной и военной поддержки АОК;

— если Македония станет основной базой для натовских операций, то ее хрупкое положение мирной балканской окраины может оказаться в опасности;

— неурядицы в Косово усилят напряженность между союзниками по НАТО⁵¹.

На основании сказанного можно сделать несколько выводов. Во-первых, мы увидели, что дискуссия о правомочности и целесообразности военной операции против Югославии из-за косовской проблемы не только развела по разные стороны США и Россию, но и способствовала образованию новой разделительной линии внутри самого американского общества. Другими словами, источники оппозиции военной акции НАТО следует искать не только в России, но и в политико-академическом комплексе США. По аналогии с Вьетнамской войной можно предположить, что вмешательство США в Косово приведет к большей поляризации взглядов как среди общественности, так и среди элитных групп Соединенных Штатов.

Во-вторых, открытость и публичность обсуждения военной акции и ее последствий среди экспертов США подтверждает традиции гласного дискутирования проблем национальной стратегии. Однако едва ли можно сказать, что эти дебаты оказали существенное корректирующее влияние на образ действия и поведение американских военных. Они сыграли роль «интеллектуальной отдушины», необходимой для экспертно-аналитических и научных структур для подтверждения своего статуса и обоснования своей социальной роли.

В-третьих, резкое ухудшение американо-российских отношений, вызванное действиями НАТО в Косово, объяснялось прежде всего тем, что ситуация, сложившаяся на Балканах, высветила принципиальные отличия, существующие на концептуальном уровне между Россией и Западом, в отношении таких фундаментальных понятий, как глобализация, государственный суверенитет и права этнических меньшинств. Российская позиция исходит из традиционного представления об абсолютном и неделимом суверенитете государства в рамках его террито-

рии. США и их западноевропейские союзники на практике апробировали тезис о том, что в современном мире правительства утрачивают монополию на контроль за своей территорией, и международные организации не могут игнорировать ущемления прав этнических меньшинств. Нельзя не заметить, что конкретные действия НАТО сочетали в себе как «новую» риторику эпохи глобализации («взаимозависимость», «мир без границ»), так и типично геополитические инстинкты эпохи национальных государств.

В-четвертых, военная акция НАТО против Югославии стала серьезным вызовом для внешней политики России. Этот вызов состоял в невозможности проведения РФ компромиссной политики, сочетавшей бы в себе и поддержание своего особого статуса в системе международных отношений, и сохранение нормальных отношений с НАТО, и приверженность демократическим ценностям в их евроатлантическом понимании. Выбор был сознательно сделан в пользу артикуляции статуса великой державы за счет политической изоляции и резкого снижения интенсивности отношений с западными партнерами. Никаких последующих преимуществ такая позиция России не принесла, однако «программа-минимум» (участие В.Черномырдина в международном посредничестве и размещение небольшого контингента российских миротворцев в Косово) в целом была выполнена.

Внешнеполитическая стратегия, избранная Россией после 23 марта 1999 года, привела к нескольким последствиям: к ускорению процесса интеграции с Белоруссией и к большей свободе рук в Чечне. И то и другое спровоцировало серьезные внутривнутриполитические дискуссии в России.

Операция НАТО против Югославии оказала существенное влияние на обстановку внутри РФ, усилив привлекательность националистической риторики и поставив в сложное положение те силы, которые ранее ориентировались на западную модель общественно-политического развития. Это, в свою очередь, привело к маргинализации тех партий и движений, которые несмотря ни на что продолжали придерживаться прозападных ценностей («Демократический выбор России»), и к сдвигу некоторых других демократических сил в сторону идеологии патриотизма («Союз правых сил» в отношении войны в Чечне). Появление фигуры В. Путина на политической сцене в августе 1999 года во многом отразило изменившиеся общественные настроения в России.

В-пятых, линия поведения США в косовском конфликте подтвердила стремление американских политических лидеров заручиться поддержкой в мусульманском мире. Эта же тактика проявилась и в пози-

ции, занятой США по отношению к военной операции федеральных сил России против чеченских сепаратистов.

В-шестых, модель решения межэтнического конфликта, воплощенная НАТО в Косово, не принесла убедительных позитивных результатов. Идея о достижимости мирного сосуществования «многоэтнического сообщества», которую пропагандировала М. Олбрайт и многие дипломаты США, оказалась утопией. Насилие и вооруженные инциденты в Косово приобрели регулярный характер, и многонациональные «голубые каски» не в состоянии обеспечить стабильность.

Аналогичным образом модель решения конфликта в Чечне, продемонстрированная Россией, тоже не выглядит ни эффективной, ни убедительной. В этом смысле можно сказать, что ни США в Косово, ни Россия в Чечне не смогли выработать оптимального сочетания военных и политических инструментов в урегулировании региональных «конфликтов малой интенсивности». Эти неудачи доказывают необходимость начала совместной разработки социальных технологий устранения конфликтов и создания комплексной системы индикаторов потенциальных очагов насилия в «горячих точках».

**СИЛОВЫЕ ДЕЙСТВИЯ НАТО ПРОТИВ
СОЮЗНОЙ РЕСПУБЛИКИ ЮГОСЛАВИИ И ПРОБЛЕМЫ
ДУХОВНОГО ИЗМЕРЕНИЯ КОНФЛИКТА НА БАЛКАНАХ**

Изучение современного международного конфликта обычно имеет дело с военно-политическими событиями, дипломатическим переговорным процессом, динамикой интересов противоборствующих сторон, воздействием фактора внешних сил, преимущественно великих держав или супердержав. Цифры, сухая статистика, подвижные схемы, графики и амплитуды эскалации кризиса, политические и психологические портреты национальных лидеров, фотодокументы и сравнительные характеристики систем оружия и боевой техники — вот традиционный перечень инструментов конфликтолога. Проблема духовного измерения международного конфликта по-прежнему остается нетрадиционной чертой исследовательского процесса. Безусловно, в последнее время большое внимание уделяется изучению роли конфессиональных отношений (противоречий) на всех этапах развития конфликта. Однако подобное изучение нередко ограничивается опять-таки *количественным* анализом, например определением, цифровым измерением количества бойцов, принадлежащих той или иной конфессиональной группировке. Очевидно, что в оценке духовной исследователь испытывает нехватку неких *качественных* характеристик.

На наш взгляд, недооценка духовной основы конфликта, именно основы как более фундаментального начала по сравнению с более узким явлением «аспект конфликта», приводит к неадекватным поступкам военных, государственных деятелей и дипломатов. Последний (1999 г.) конфликт на Балканах вокруг сербского края Косово в этом смысле дает хорошее подтверждение сказанному и выводит исследователя на уровень оценок нового порядка международных отношений, складывающегося на Балканах и в Европе в целом.

Агрессия НАТО 1999 г. против Союзной Республики Югославии оказалась не обычным вооруженным конфликтом. Впервые за все годы

военного вмешательства НАТО в Балканский кризис подверглись нападению, уничтожению или частичному разрушению памятники сербской духовной культуры, имеющие мировое значение, а также в большом количестве храмы и монастырские комплексы Сербской Православной Церкви (СПЦ). Летопись воздушных операций НАТО свидетельствует, что война весны—лета 1999 г. была направлена не только на подавление воли режима С. Милошевича, но и против основы основ жизни сербского народа — его православного образа жизни.

Министерство иностранных дел Союзной Республики Югославия подготовило и опубликовало своеобразную Белую книгу о том, какой ущерб стране нанесли бомбардировки авиации НАТО. Это двухтомник под названием «Преступления НАТО в Югославии. Документальные свидетельства». С пунктуальностью, которой могли бы позавидовать немцы, югославские эксперты составили подробный список уничтоженных полностью или разрушенных частично объектов, а также представили международной общественности выполненные в цвете фотодокументы о гибели мирного населения СРЮ. Эта Белая книга составлялась в условиях войны, продолжающихся бомбардировок, обрыва коммуникаций и прекращения электроснабжения, в условиях чрезвычайного положения и напряженной работы правительственных учреждений Белграда. По этой причине не все факты и события (например, совершенно неучтенными оказались потери среди личного состава вооруженных сил и полиции Югославии) стали объектом пристального внимания экспертов — авторов книги, значительная часть информации еще остается неопубликованной. Тем не менее историк, задавшийся целью всесторонне исследовать конфликт 1999 г. в Косово, рассмотреть различные точки зрения, проанализировать различные трактовки фактов и событий, безусловно, должен познакомиться с этим документальным сборником, составленным на английском языке (была опубликована также версия на русском языке) и представляющим официальный доклад югославских властей о последствиях авиационной войны НАТО против СРЮ.

Прежде чем переходить собственно к обсуждению духовных оценок конфликта, следует представлять себе, что же произошло в результате войны НАТО против СРЮ. Альянс из 19 наиболее развитых стран мира, 10 из которых приняли активное участие в бомбардировках, имели в своем распоряжении 1100 новейших самолетов и другую современную боевую технику. По данным экспертов, указанным в 1-м томе сборника «Преступления НАТО», на Югославию было сброшено 25 тысяч тонн взрывчатки. Среди убитых лиц гражданского населения республики 30%

составляли дети, а среди раненных — 40%. Во время бомбежек 1 млн. 300 тысяч учащихся начальных и средних школ были лишены возможности обучаться. Все гражданское население испытывало ежедневные стрессы и другие психологические поражения. Более половины жертв в Косово и Метохии составили этнические албанцы, во имя защиты которых и была предпринята «гуманитарная интервенция»¹.

В двухтомнике «Преступления НАТО в Югославии» особо выделен раздел «Бомбардировки культурных памятников» (во втором томе сборника раздел носит название «Бомбардировки культурных объектов»). Опубликованные в разделе документы убедительно свидетельствуют о массовых разрушениях или повреждении пилотами сил НАТО сербских православных храмов, монастырей и других памятников сербской духовной культуры, т.е. объектов, которые не имеют военно-стратегического и военно-промышленного значения.

География поражения объектов православной культуры широка. В Белграде пострадал монастырь Раковица, построенный в XVI веке. Бомбардировки монастыря начались 24 марта и продолжались далее. В результате мощных взрывов были ослаблены опоры монастырских стен и контрфорсы. Церковь монастыря также пострадала: окна выбиты, в стенах появились трещины. 14–15 апреля бомбардировка Раковицы и окрестностей продолжалась с 1.30 до 3.30 ночи, и монастырю были нанесены новые повреждения: взорваны центральные ворота, все окна выбиты, а трещины на стенах получили расширение².

Белградская церковь св. Марка, расположенная в районе Ташмайдан, была построена в 1931–1940 гг. на месте старого одноименного храма, возведенного еще князем Милошем в 1835 г. По своим структуре, замыслу, организации пространства храм выполнен в стиле средневековой сербской архитектуры. Внутри церкви находится саркофаг с останками короля Душана (1308–1355 гг.), перенесенными сюда из Михайло-Архангельского монастыря близ Призрена. В северной части храма стоит гробница сербского патриарха Германа. Благодаря своей архитектурно-исторической ценности церковь св. Марка в 1975 г. вошла в список охраняемых государством культурных памятников. 23 апреля 1999 г. во время натовского авианалета на здание югославского телевидения в районе Ташмайдан были разбиты практически все окна и двери храма. Даже некоторые металлические опоры деформировались или разорвались от детонации, нанесен ущерб церковному зданию, а внутри храма оказалась масса битого стекла³.

Особого упоминания заслуживает старая русская православная церковь во имя Живоначальной Троицы, расположенная в белградском районе Ташмайдан. Ныне подворье Русской православной церкви в Белграде, она была построена в трагическое время Первой мировой войны и Октябрьской революции, когда более 50 тыс. русских беженцев приехали в Королевство сербов, хорватов и словенцев. Король Александр и его подданные приняли горячее участие в обустройстве русских беженцев. В 1924 г. по проекту архитектора Валерия Сташевского была построена в традиционном русском стиле церковь, освященная во имя Пресвятой Троицы. В социалистической Югославии Троицкая церковь пользовалась статусом охраняемого государством памятника архитектуры. Она хорошо известна специалистам в России, т.к. в 1998 г. в Москве, а в 1999 г. в Санкт-Петербурге ее фотографии демонстрировались на выставке «Русские архитекторы в Белграде»⁴.

История Троицкой церкви в Белграде знает удивительные события, происшедшие в годы Второй мировой войны. В церкви постоянно пребывала чудотворная икона Божией Матери — Курская-Коренная Одигитрия (Путеводительница) русского зарубежья. Благодаря присутствию иконы Троицкий храм вообще не пострадал во время жестоких бомбардировок Белграда в 1944–1945 гг. В этом храме (фактически русском кафедральном соборе Югославии) служили иерархи Русской Православной Церкви за границей во главе с митрополитом Анастасием, Святейший Патриарх Варнава и сербские епископы, на службах бывали король Югославии Александр, королева Мария, члены королевского дома, в этом храме молились сотни русских белградцев, в нем покоится прах главнокомандующего русской армией барона П.Н. Врангеля⁵.

Таким образом, Свято-Троицкая церковь является святыней и культурным памятником не только Сербии, но и России.

23 апреля 1999 г. самолеты НАТО бомбили здание телевидения в непосредственной близости от Троицкой церкви, стены которой неоднократно сотрясались от взрывов. Пострадали здание самого храма, его крыша, купол, потолочные перекрытия, двери, окна, фрески и роспись, территория вокруг храма, здание канцелярии⁶.

Бомбардировки НАТО вызвали разрушения или нанесли ущерб монастырям Фрушка Гора. Комплекс фрушкогорских монастырей является общепризнанной в мире культурной ценностью. Новое Хопово и местный женский монастырь с середины XVI в. известны как центр монашеской жизни. В результате бомбовых ударов в ночь с 4 на 5 апреля 1999 г. был нанесен значительный ущерб храму Святителя Николая, о

чем свидетельствовали многочисленные трещины, выпавшие из стен кирпичи и повреждение фресок на юго-западной арке храма⁷.

На западных склонах Фрушка Гора (Шишатовец) расположен монастырь с церковью во имя Рождества Богородицы. Он был основан в 1520 г. игуменом Феофилом с братией на месте небольшой церкви Свт. Николая. Турецкие источники сообщают о значительных перестройках зданий в течение XVI–XVII вв. Благодаря усилиям епископа Викентия Поповича в 1778 г. была сооружена церковь Рождества Богородицы в ее нынешнем виде. Монастырь известен фресками 1794 г. работы Григория Давидовича Опшича. До 1942 г. в Шишатовце находились останки святого Стефана Щиляновича, чтимого и Русской Церковью⁸. В 1941 г. хорватские усташа разрушили Шишатовец, и восстановление комплекса заняло 26 лет (1970–1996 гг.). 17 апреля мощный взрыв потряс село Шишатовец. Ракета, выпущенная с самолета НАТО, взорвалась в 150 м от монастыря. Поколебались монастырские стены, на восточной и северной частях храма вылетели оконные рамы, оказались разбитыми крыша и часть окон жилых зданий монастыря⁹.

Еще один замечательный монастырь комплекса Фрушка Гора подвергся нападению сил НАТО. Это монастырь во имя святого великомученика и целителя Пантелеймона в Старо Хопово, который, по преданию, был основан деспотом Джордж Бранковичем, а первое письменное упоминание о монастыре относится к 1546 г. Теперешняя монастырская церковь была воздвигнута в 1752 г. и по своей архитектурной композиции, иконостасу и росписям представляет собой выдающийся памятник сербской духовной культуры. Бомбардировка склонов Фрушка Гора 17 апреля 1999 г. нанесла повреждения зданию церкви. Подобным же образом пострадала церковь святых Архангелов Михаила и Гавриила в образ монастыре села Ковиль к востоку от Нови Сада. В результате авианалета 21 апреля 1999 г. арки и потолки монастырских зданий выявили трещины, а церковь и братский корпус сотрясались от воздействия ударной волны¹⁰.

Монастырь Войловица, связанный с деятельностью святого, почитаемого одинаково Сербской и Русской Церковью, также испытал последствия ужасных бомбардировок. Святой король сербский Стефан Лазаревич¹¹ в 1405 г. основал в Панчево монастырь во имя святых Архангелов Михаила и Гавриила. В ночь с 3 на 4 апреля 1999 г. авиация НАТО бомбила близлежащий нефтеперерабатывающий завод, вызвав угрозу поражения монастыря. В ночь с 11 на 12 апреля последовала новая интенсивная бомбардировка, в результате которой 4 ракеты порази-

ли завод в Панчево, угрожая тем самым церкви монастыря Войловица. В следующую ночь обстрела треснули стены церкви, оказались разбитыми окна и повреждена крыша. Ночные налеты следовали каждую ночь, угрожая самому существованию монастыря святых Архангелов¹². Скорбный список уничтожения продолжает древнейшая церковь св. Прокопия близ средневекового города Гисар. Она была построена предположительно в период между IX и X вв. Бомбардировка в ночь с 13 на 14 апреля потрясла стены древнего храма и разбила оконные рамы. В городе Врандже пострадала церковь во имя столь любимой сербами и русскими святой Параскевы (Петки)¹³. Построенная в 1925 г. на месте кладбища церковь св. Петки понесла значительный ущерб от обстрела: появились вертикальные трещины на стенах, провалился потолок в алтаре, повреждены фасад церкви и фасад колокольни, разбиты все 9 окон купола, повреждены расположенные рядом с церковью надгробия¹⁴.

На горе Овчар расположены Свято-Троицкий и Сретенский монастыри. Монастырь во имя Живоначальной Троицы, как предполагают, возник в XIII веке. Многократно перестраиваемый монастырь имеет богато украшенный иконостас в стиле романтизма. Основание Сретенского монастыря относится к концу XVI века. По сообщениям специалистов республиканского института охраны памятников культуры, после авиаобстрела, произведенного силами НАТО в районе горы Овчар 17 апреля 1999 г., небольшие трещины появились на стенах храмов обоих монастырей, а на старых зданиях слетела черепица крыш. В ночь с 22 на 23 апреля второй авиаобстрел линии электропередач на горе Овчар вновь потряс стены двух монастырских комплексов¹⁵.

Одна из наиболее почитаемых сербами святынь — монастырь Грачаница, находящийся в крае Косово. Монастырская церковь Успения Божией Матери была построена в 10-е годы XIV века как "задужбина" сербского короля св. Милютина. Монастырь имеет замечательную коллекцию икон, самая старая из которых — икона Всемилоственного Спаса XIV века, достаточно уникальная по своим размерам (269×139 см). В 1993 г., по классификатору ЮНЕСКО, монастырь был занесен в Прелиминарный список всемирного культурного и природного наследия. Любопытно заметить, что с самого начала боевых действий сил НАТО против Югославии село Грачаница, где расположена обитель, подвергалось постоянным атакам с воздуха. Во время очередной бомбардировки (1 мая 1999г.) ракеты разорвались в 500 м от монастыря, расшатав его стены¹⁶.

В городе Печ (Косово) находится не менее значимая сербская святыня — монастырский ансамбль Сербской Патриархии. Здесь же находится усыпальница сербских архиепископов и патриархов. Создание комплекса относится к 20-м гг. XII в. В монастыре находится чудотворная Печская икона Божией Матери, написанная 17 лет спустя после Воскресения Христова. В трех больших храмах обители пребывают гробницы с мощами сербских святителей Саввы II, Саввы III, Саввы IV, Никодима, Арсения, патриархов сербских Иоаникия и Ефрема, а также ковчег с главами святых мучеников Евстратия, Евгения, Мардария и Ореста¹⁷. В ночь с 31 марта на 1 апреля 1999 г. силы НАТО разбомбили станцию водоснабжения, расположенную в 500 м от патриаршего монастыря. Первая половина апреля была отмечена дальнейшими интенсивными бомбардировками, в результате которых в старом городе Печ произведены значительные разрушения. Там же в г. Печ от ракетных обстрелов серьезно пострадала кладбищенская церковь Св. Николая, построенная в 1592 г. на фундаменте здания XIV в.¹⁸ Довольно частым бомбардировкам подвергался район, где находится также глубоко почитаемый православными сербами монастырь Дечаны¹⁹. 3 июня 1999 г. была разрушена церковь св. Петки в Дрснике²⁰. Список уничтоженных или поврежденных памятников православной культуры, приведенный здесь, далеко не полный, однако он, безусловно, вызывает необходимость «включения» духовного измерения происшедшего.

Первые духовные оценки конфликта в Косово прозвучали гораздо раньше выхода в свет книги «Преступления НАТО в Югославии». Они прозвучали одновременно в самых разных православных сербских и русских кругах.

13-15 мая 1999 г. в Белграде проходил Архиерейский Собор Сербской Православной церкви. Работая в условиях «воздушной кампании» НАТО, в условиях, когда под вопрос была поставлена не только духовная самобытность, но и биологическое существование сербского народа, Собор принял заявление. В этом важном документе констатировалось, что «... оголтелые натовские бомбардировки... принесли неисчислимые страдания всем людям и народам, живущим» в СРЮ. Произошла «гуманитарная катастрофа невиданных масштабов, которую руководители НАТО якобы пытались «предотвратить» с помощью бомбардировок». Сербские иерархи особо подчеркнули, что нанесен значительный ущерб в духовном и моральном плане, «умножились наследственные, патологические страсти и ненависть»²¹. Это относится к явлениям духовного порядка, питающим зарождение новых конфликтов в будущем.

«Все это позволяет сделать угнетающий вывод, — писали иерархи СПЦ, — что мир, в сущности, мало переменялся за два тысячелетия от Рождества Господа нашего Христа, Бога любви во плоти, и благодатного присутствия Церкви Его в истории человечества. Несмотря на все высокие принципы и прогресс, которым хвастается современный мир, несмотря на все торжественные заявления о гуманизме и человеческих ценностях (и война больше не война, а «мирная операция» и «гуманитарная интервенция», и бомбардировки больше не то, а «воздушная кампания»), страдания человека в этом веке стали еще сильнее». Архиереи Сербской Церкви обвинили современную западную цивилизацию в желании сделать человека совершенным и построить рай на земле, но без Бога и вопреки желаниям отдельных народов жить свободно и самобытно²². Совершенно естественной оказалась поддержка сербского народа, оказанная Русской Православной Церковью Московского Патриархата и РПЦ за границей, а также зарубежной русской общественностью. Сотни лет молитвенного и евхаристического общения, братской дружбы и взаимопомощи связывают Сербскую и Русскую Православные Церкви. Монастыри и храмы Сербии являются общеправославными святынями. Историческая память обоих народов содержит множество фактов взаимовыручки и поддержки. Просербская позиция, занятая русским православными кругами в самой России и за ее пределами, следовательно, была вполне объяснимой.

Сразу же после начала бомбардировок СРЮ силами НАТО волна демонстраций в защиту сербов прокатилась по Америке, Европе и Австралии. Уже 27 марта состоялась демонстрация в Нью-Йорке, в которой приняли участие сербы, албанцы, греки и русские. В сербском соборе св. Саввы в Нью-Йорке служили молебен о спасении сербского народа. В русском зарубежье быстро осознали, что под т.н. «мирным урегулированием» администрация Б. Клинтона подразумевает капитуляцию режима С. Милошевича, а именно — вывод сербских войск из Косово, размещение там сил НАТО, через несколько лет проведение в крае референдума с целью отделения Косова от Югославии²³. Русская Зарубежная Церковь в лице ее Архиерейского Синода, заседание которого прошло 27-29 апреля 1999 г. в Нью-Йорке, выпустила «Заявление по поводу военных действий на Балканах». Заявление указывало, что уничтожение мирного населения СРЮ и духовного наследия Сербии производится под прикрытием лозунга «человеческих ценностей».

«Нарушая самые основы международного права и человеческого благородства, страны, входящие в состав НАТО, не располагая настоя-

щим оправданием или даже причиной, действуют только из собственных политических расчетов и предположений. При этом они бесстыдно убивают беззащитных сербов и не сербов, разрушают жилые дома, древнейшие монастыри и святыни, исторические памятники, промышленность, лишая сербский народ основ физического существования на многие десятилетия. Все это совершается во имя сомнительных сепаратистских вождедений незначительной кучки террористов²⁴, поставивших себе цель отделить от Сербии средоточие ее духовного самосознания и бытия и колыбель ее государственности — Косово и Метохию²⁵. Особым кощунством Синод РПЦЗ посчитал безжалостное нанесение ракетно-бомбовых ударов в трогательные для сербов и всякого православного человека дни Страстной Седмицы и Светлого Христова Воскресенья²⁶, а в специальном «Обращении к правительствам, входящим в состав НАТО», Синод обвинил натовских летчиков в том, что они сбрасывали бомбы с надписью «Happy Easter» («Счастливой Пасхи!»)²⁷. Синод РПЦЗ призвал лидеров государств-членов НАТО «вернуться к вековым устоям христианской нравственности и сознания»²⁸, и в этом призыве вновь прозвучала духовная оценка «воздушной операции» НАТО — эта операция противоречила элементарным христианским и даже общечеловеческим представлениям о справедливой государственной политике и уважении прав человека.

Отдельные заявления сделали епархиальные архиереи Зарубежной Церкви. В них содержатся принципиальные оценки духовной подоплеки войны НАТО против СРЮ. Управляющий Ишимско-Сибирской епархией РПЦЗ епископ Евтихий считал, что Россия никак не может оказаться в стороне от катастрофы в Югославии. По его словам, происходит «намеренное втягивание России в широкий военный конфликт мирового масштаба, что не может не отразиться на всех сферах государственной жизни нашей страны». Причину столь точных ракетно-бомбовых ударов по сербским святыням епископ Евтихий усматривал в том, что «сербский народ является виднейшим хранителем Православной христианской веры на Европейском континенте (мы бы даже усилили этот тезис — хранителем Православия к западу от России), и физическое истребление сербов вначале руками сепаратистов, а потом и бомбами НАТО — это прямонацеленный удар по православному вероисповеданию». Именно Православие и его образ жизни не согласуются с новым мировым порядком, который олицетворяет политика стран НАТО²⁹. «Истинно православное церковное сознание, — писал епископ Евтихий, — не может согласиться с аморальностью и античеловечностью так называемого

нового мирового порядка, который под видом полного раскрепощения личности и под лозунгом общечеловеческих ценностей на самом деле разрушает моральные религиозные устои, уничтожает самобытность, самосознание и неприкосновенную ценность как отдельной личности, так и целой нации. Теперь вот мы видим, как новый мировой порядок намерен поступать с Православным инакомыслием: либо исказить его, либо физически уничтожить»³⁰. В заявлении епископа РПЦЗ мы отмечаем очень важный вывод: на Балканах идет война против православного образа жизни, который противоречит и сопротивляется духу стандартизации, идущего от системы нового мирового порядка.

Архиепископ Антоний Западно-Американский и Сан-Францисский (РПЦЗ) в пасхальном послании 1999 г. сделал акцент на то, что членами НАТО являются государства, являющиеся исторически христианскими. «Ополчилась на сербов международная организация НАТО, — писал архиепископ Антоний, — руководителями которой являются не члены, настоящие или бывшие, союза воинствующих безбожников, а представители государств исторически христианских»³¹. Эта мысль нам представляется важной, т.к. ведет к объяснению, почему государства, называющие себя христианскими, осуществили безжалостные разрушения православных храмов и монастырей, а также допустили уничтожение гражданского населения.

Таким образом, в оценках Зарубежной Церкви косовского конфликта преобладают следующие выводы:

1. Под лозунгами защиты прав косовских албанцев вооруженные силы НАТО уничтожают мирное сербское население и разрушают монастыри, церкви и святыни Сербии, что является нарушением прав всего сербского народа.

2. Страны НАТО исторически относятся к христианским странам, и тем не менее осуществили нападение на христианскую Сербию. Данный факт свидетельствует об отступлении правительств, входящих в блок Североатлантического договора, от христианской нравственности и сознания.

3. Агрессия против СРЮ началась в связи с тем, что исповедующая православие Сербия не уместается в новый мировой порядок с присущей ему стандартизацией образа жизни и приматом «общечеловеческих ценностей» над самобытным развитием и традиционной религией народа.

4. Агрессия против СРЮ непосредственно влияет на Россию, поскольку она совершена против дружественного и близкого по вере народа и сопровождается уничтожением памятников культуры, имевших

общеправославное значение и представляющих значительную ценность для Российской Федерации.

Русская Православная Церковь Московского Патриархата с самого начала конфликта в Косово стала возносить молитвы о прекращении войны и спасении сербского народа. В Москве и епархиях устраивались крестные ходы, читались акафисты, служились молебны. Был организован сбор пожертвований для православных в Югославии, в связи с чем коммерческий банк «Русский генеральный банк» открыл специальный счет³². Большой поддержкой для Сербской Церкви и православных граждан Югославии стал приезд в Белград Патриарха Московского и всея Руси Алексия II.

20 апреля, в день Радоницы, когда поминают всех от века усопших православных христиан, Святейший Патриарх Алексий в сослужении Святейшего Патриарха Сербского Павла, митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла и собора сербских архиереев совершил в кафедральном Патриаршем соборе во имя святителя Саввы Сербского в Белграде Божественную литургию и заупокойную литию по всем убиенным за время военной агрессии стран НАТО на территории СРЮ. Литургия служилась в условиях постоянной угрозы авианалета. В память о своем визите и служении Святейший Патриарх подарил кафедральному собору Белграда евхаристические сосуды и икону преподобного Серафима Саровского с частицей его мощей³³. Это событие продемонстрировало прежде всего прямую искреннюю моральную и молитвенную поддержку Сербской Церкви и народа Русской Поместной Церковью, народом православной России во главе с Ее Предстоятелем. Помимо этого, визит непосредственно главы Русской Церкви в обстреливаемый ВВС НАТО Белград свидетельствовал о том, что Московская Патриархия не приемлет натовский сценарий урегулирования ситуации в Косово и занимает сторону Сербской Церкви и народа как стороны, пострадавшей от авианалетов.

22 июня Патриарх Алексий выступил с Заявлением. С одной стороны, он выразил удовлетворение тем, что бомбардировки прекратились и начался процесс поисков восстановления мира и порядка. «В то же время, — отметил Патриарх, — к нам поступает множество сообщений об осквернении и даже разрушении многих православных святынь, о надругательстве над духовенством и монашествующими, об исходе со своей исторической земли десятков тысяч сербов, включая служителей Церкви Христовой. Эти злодеяния совершаются боевиками так называемой армии освобождения Косова и отнюдь не всегда находят долж-

ный отпор со стороны международных миротворческих сил». Обращая внимание на необходимость возвращения албанцев в Косово, Патриарх особо призвал международное сообщество поддержать возвращение сербов в свой исторический край³⁴. В августовском 1999 г. номере «ЖМП» было опубликовано Воззвание Священного Синода РПЦ в связи с положением в Косово. В документе обращалось особое внимание на то, что «положение косовских сербов остается нетерпимым. Большинство православных христиан уже покинули край, а оставшиеся либо стали жертвами, либо находятся в постоянной опасности, от которой нет защиты». Синод заявил, что возвращение беженцев-сербов нуждается в такой же поддержке, какая была оказана международным сообществом возвращению албанцев³⁵. Таким образом, оценка состояния положения в Косово была однозначной: конфликт не урегулирован, он принимает все более опасные, дискриминационные в отношении сербов, формы.

В православных средствах информации России выступили архиереи, священники, миряне, которые попытались осмыслить конфликт на Балканах в духовном измерении. «Президент США, — писал один русский священник, — поминающий имя Божие всеу, возлагающий руку на Библию, его единомышленники из блока, закончившие католические колледжи, баптистские школы, так или иначе с детства соприкасавшиеся с Евангелием и Законом Божиим, знающие «Отче наш», стали в один ряд и выполняют команды ада. События на Балканах убедительно показали: западная цивилизация безбожна. За политическим и географическим понятием «запад» все более прорисовывается его мистическая сущность. Это тот «запад», который поминается в чине оглашенных при крещении. Это тот «запад», на который требник предписывает крещаемому плевать и дуть, отрекаясь от сатаны»³⁶. Вот такие резкие оценки прозвучали из уст русского священника, и подобные оценки довольно часто приходилось слышать в России.

С прекращением бомбардировок ситуация в крае Косово не только не улучшилась, но стала еще более опасной для проживающих там сербов и находящихся там сербских монастырей и приходских храмов. По сообщению информационной службы Сербской Православной Церкви, в результате конфликта более 70 тысяч православных сербов изгнаны из Косова и Метохии. Летом 1999 г. страдания косовских сербов приняли трагические размеры. Епископ Рашский и Призренский Артемий с местным священством и монашеством и 250 оставшимися в Призрене сербами несколько дней жили в албанской блокаде в здании церкви и подвергались множеству опасностей и угроз со стороны албанских терро-

ристов. Монаха Харитона из монастыря Святых Архангелов под Призреном похитили албанцы, и судьба его неизвестна. Другие монахи сумели укрыться в монастыре Грачаница под Приштиной. Храм и братство корпуса монастыря Святой Троицы у Суве Реки полностью сожжены. Монахини монастыря Девич в течение многих дней подвергались атакам албанцев и не имели никакой защиты. Албанцы обокрали монастырский храм, разрушили алтарь, надругались над мощами святого Иоанникия. Монахини подвергались унижениям, побоям, надругательствам. Террористы сильно избили духовника монастыря иеромонаха Серафима. В городе Джаковица вообще не осталось ни одного священника и ни одного серба³⁷.

17 июня 1999 г. Патриарх Сербский Павел прибыл в Косово. В монастыре Грачаница он обратился к сербам со словами: «Если мы потеряем людей, зачем нам нужна будет эта земля? Мы должны остаться на земле, где наши предки жили и в мирные времена и во времена порабощения»³⁸. Смысл слов Патриарха был ясен: сербы обязаны остаться проживать в Косово, ибо в другом случае они потеряют не просто территорию, а утратят духовно-исторический источник государственности и национального выживания. Информационная служба СПЦ сообщила, что Церковь является единственной силой в Косово и Метохии, которая совместно с КФОР борется за спасение сербов в этом крае. Она, «подобно доброй матери, не может забыть и оставить своих чад»³⁹. Тем самым сербское священноначалие недвусмысленно указало на неспособность правительства Милошевича защитить сербские интересы в стратегически важном районе страны и на то, что косовский вопрос и православные сербы были неким инструментом режима Милошевича, который в самый драматичный момент он выбросил за ненадобностью.

Продолжая тему отношения Сербской Церкви к режиму Милошевича, следует подчеркнуть, что церковная позиция не может быть определена как чисто антинатовская или же как откровенно симпатизирующая политике югославского президента. Думается, сербские иерархи наиболее здравомысляще оценивали сербские интересы в период последней войны. Они не использовали в политических целях лозунг братских и стратегических отношений Сербии и России и не стали призывать Россию непременно втянуться в войну против НАТО на стороне СРЮ. Далее, они не рассматривали блок НАТО изначально как агрессивный, но решительно протестовали против агрессивных действий блока, против столь радикального понимания идеи «нового мирового порядка». Опасность уничтожения сербских святынь вызвала у них решительные

контрдействия. Вместе с тем Сербская Церковь уже давно выступала за отставку президента Милошевича и его правительства, поскольку из-за политики социалистов страна оказалась в международной изоляции, а самое важное, под угрозой расчленения сепаратистскими силами, поддерживаемыми странами Запада. То, что позиция Сербской Церкви именно такова, убедительно подтверждает, например, интервью, данное сербским Патриархом Павлом немецкому журналу «Шпигель». На вопрос: «В чем вина Милошевича?» Патриарх ответил: «Он упустил шанс вовремя решить проблему. Христианство одобряет оборонительную войну, но не захватническую. Когда НАТО заранее объявила о бомбардировках сербов, нужно было серьезно проанализировать ситуацию. В конце бомбардировок мы все-таки вынуждены были вывести наши войска [из края Косово]. Где же здесь смысл?»⁴⁰

Анализ откликов и реакции русского и сербского православного общества на войну 1999 г. против СРЮ побуждает исследователя задать целый ряд фундаментальных вопросов политического, философского и духовного порядка: какова природа и каковы причины агрессивности Запада в целом и войск НАТО в частности — агрессивности, для многих внезапно проявившейся в последней балканской, геноцидной в отношении сербов, войны? Почему именно православная Сербия, уступающая по военно-техническим показателям блоку НАТО, оказалась жертвой нападения целой международной коалиции? В чем состоит сущность нового мирового порядка и найдется ли место в нем странам, подобным СРЮ и Российской Федерации? Сделаем попытку дать предварительный ответ на заданные вопросы.

Замечательный сербский православный богослов и философ, святитель Николай (Велимирович) Сербский, епископ Охридский и Жичский, в свое время рассуждал об исторической судьбе Запада, Востока и Балкан. «На Востоке царит спокойствие, на Западе — беспокойство, — писал епископ Николай. — Спокойствие возникает в человеке и распространяется на общество. И беспокойство возникает в человеке и распространяется на общество»⁴¹. Какое беспокойство Запада имел в виду сербский епископ? Речь идет о страхе западного общества перед грядущим, перед неизвестным, перед опасностью, которая еще не обозначилась. Вспомним, что одним из ключевых терминов во внешнеполитических доктринах стран Запада является слово «безопасность», которая, на наш взгляд, как раз отражает неуверенность, неустойчивость, недоверие Запада к окружающему незападному (или «непрогрессивному», или «нецивилизованному») миру. На Западе царит страх перед тем, чтобы не

были затронуты пресловутые «интересы». Следовательно, причина агрессивности состоит в беспокойстве западного сообщества о том, чтобы на всем мировом пространстве не возникла иная, незападная сила, могущая претендовать на некое сопротивление или глобальное доминирование.

Природа названной агрессивности, названного «беспокойства» духовная.

«Причина западного беспокойства, — писал епископ Николай, — все та же, что была еще у Адама и Евы, повернувшихся спиной к Богу Творцу, а лицом к сатане...»⁴². Речь здесь идет о том, что западное общество во имя достижения той самой «безопасности» и своих «интересов», во имя созидания рая на земле, к глубокому сожалению, отступило от истинного христианства и вступило на путь опасных заблуждений.

Одно из самых опасных заблуждений западного общества — это идея прогресса, во имя которой как раз и велась война против СРЮ. По мнению русского архиепископа Илариона (Троицкого)⁴³, «идея прогресса есть приспособление к человеческой жизни общего принципа эволюции, а эволюционная теория есть узаконение борьбы за существование. В борьбе за существование погибают слабейшие и выживают наиболее к ней приспособленные. Перенесите борьбу за существование во взаимоотношения целых народов, — вы получите войну... Так открывается неразрывная и существенная связь прогресса с войной и жестокостью. Железо и меч прокладывают человечеству дорогу вперед. Колесница прогресса, — заключает архиепископ Иларион, — едет по трупам и оставляет позади себя кровавый след»⁴⁴.

Союзная Республика Югославии, основу которой составляет православная Сербия, очевидно, не связана с идеей прогресса. Православная Церковь стремится к воплощению принципиально иного замысла — к преображению. Преображение, в отличие от прогресса, никак не связано с агрессией, покорением территориального пространства. Преображение связано с миротворчеством внутри человека, внутри общества и за пределами общества. С преображающим началом связана и многострадальная история православной России. Напротив, новая и новейшая история Европы, говоря словами того же сербского епископа Николая, имеет девиз: «Покорить и использовать... Покорить природу и использовать ее, разумеется, не как Божие создание и не с Божиим благословением, а покорить ее как ничью собственность и выжать всю, как врага, в кубок сиюминутного наслаждения»⁴⁵.

Православная Сербия, составляющая основу СРЮ, оказалась на пути прогресса, на пути трансформации международных отношений в систему нового мирового порядка. По этой причине страны НАТО осуществили «гуманитарную» воздушную операцию. Поскольку начала прогресса и преображения конфликтуют, нам представляется, что Югославии с ее Православной Церковью невозможно интегрироваться в систему нового мирового порядка. Альтернативой является отказ сербского народа от самобытного, естественного пути общественного развития и духовной идентичности. Мы также полагаем, что место России в новой системе отношений еще не определилось, но это место следует найти не ради конфликта, а ради сохранения мира. Российская Федерация, как и Союзная Республика Югославии, обязаны учесть духовные уроки последней балканской войны и выработать совместную позицию с целью достойного, независимого, конструктивного вхождения в международные отношения XXI века, сохраняя свою великую, но пока не реализованную полностью, миссию преображения и миротворчества.

ЗАЧЕМ НУЖНО НАТО В ТРЕТЬЕМ ТЫСЯЧЕЛЕТИИ?

В современном мире происходят кардинальные изменения, которые заставляют по-новому взглянуть на традиционные вопросы теории международных отношений. По нашему мнению, особого внимания заслуживают две проблемы — роль военной силы и роль альянсов и международных институтов в современных международных отношениях.

Эти вопросы не случайно стали предметом жарких дискуссий как среди специалистов международников, так и среди политиков в середине 90-х годов. Несмотря на то что изначально это были чисто научные дебаты между представителями академической общественности, очень быстро обсуждение вышло за рамки сухой научной дискуссии. Дело в том, что от того, какая концепция будет принята, зависело решение вполне конкретных жизненно важных вопросов, затрагивавших интересы как крупного капитала, так и рядового рабочего или инженера. Решался не просто вопрос о том, как, где и чем воевать, решались вопросы какую базу закрыть, какой завод лишить государственного военного заказа, какую фирму перепрофилировать на гражданскую продукцию (а следовательно, обречь либо на сокращения, либо на дополнительные капиталовложения и расходы). Так академическая дискуссия о роли военной силы и силы вообще в международных отношениях вышла за рамки научных журналов.

В середине 90-х годов особое внимание приобрели вопросы, прямо или косвенно связанные с формированием новой национальной стратегии США. Надо отметить, что этот процесс активно начался еще в администрации Дж. Буша, однако, придя к власти, в том числе и на критике оборонной программы республиканцев, демократы вынуждены были начать новый этап в обсуждении важнейших проблем национальной и международной безопасности¹.

Инициаторами дискуссии в академической среде можно считать исследователей, принадлежавших к неолиберальной традиции в международных отношениях. Рост влияния их идей происходил параллельно с их

приходом во власть. Это было абсолютно новое время в международных отношениях. Распад СССР уже произошел, и как следствие ушло в прошлое открытое военное противостояние двух систем. Биполярная структура была разрушена. Впереди неопределенность.

Либералы, с подачи гарвардских профессоров Джо Ная и Роберта Коухейна, начинают рассматривать систему международных отношений через призму взаимозависимости². Вследствие увеличивающейся взаимозависимости, военная сила теряет эффективность как средство достижения внешнеполитических целей государства. Одновременно с этим либералы не отрицают важности такого понятия, как «безопасность» для государства, ибо каждое из них борется за свое выживание. Государства стремятся к «абсолютным приобретениям» в условиях экономической взаимозависимости в разных областях (однако в реальности существуют области, где основным стимулом поведения государств является «относительная выгода»). В этих условиях они идут на создание международных институтов для «управления взаимозависимостью и повышения эффективности международной кооперации». Так общество и политики получили новую парадигму и были втянуты в дискуссию о меняющейся роли международных институтов, сфера эффективности которых все-таки носит ограниченный характер.

Следует отметить, что эти вопросы разрабатывали не только представители либеральной школы. О роли военной силы и значении альянсов много писали реалисты (количество которых, по мнению многих университетских исследователей в США, в настоящее время приближается к нулю). Им сам Бог велел разрабатывать эти сюжеты, ибо понятие силы одно из ключевых всей реалистической теории международных отношений³. Государства, согласно реалистам, очень ревностно относятся к распределению силы в международной системе. Они беспокоятся об относительном выигрыше других государств и стараются по возможности защитить свои позиции в существующей структуре. Альянсы в такой ситуации создаются лишь по необходимости, с целью защиты своих позиций в структуре международной силы, когда они не в состоянии сделать это автономно.

Реалисты в начале 90-х годов оказались в очень невыгодном положении. Их обвинили не только в неспособности предвидеть кардинального изменения системы международных отношений на рубеже 80–90-х годов, но они так же не были очень убедительны, отвечая на два важнейших вопроса в развернувшихся дебатах — о роли военной силы и о будущем альянсов и международных институтов. Это были не просто

научные вопросы, они имели конкретное практическое воплощение, от решения которых зависело, например, содержание военного бюджета страны, а следовательно, и оборонные заказы крупнейших компаний военно-промышленного комплекса США.

Либеральные институционалисты удачно вписались в ситуацию, сложившуюся в официальном Вашингтоне. Реалисты со своими концепциями «равновесия сил»⁴ или «равновесия угроз» не могли дать убедительного объяснения происходящим процессам. Согласно теории реалистов, НАТО должно было бы распасться в условиях отсутствия угрозы, что было озвучено и на слушаниях в Сенате в 1990 г.⁵ Понятно, что такое объяснение не могло удовлетворить политиков и военных.

Однако и либералы, строго говоря, не могли объяснить некоторые важнейшие события в международных отношениях 90-х годов. Например, расширение НАТО и выбор именно Чехии, Венгрии и Польши в качестве первых кандидатов для членства в альянсе. Согласно анализу Франка Шиммельфеннига, именно конструктивисты лучше других справились с этой задачей.

Конструктивизм рассматривает расширение международных институтов как процесс «международной социализации»⁶, под которым понимается «распространение международных ценностей и идеалов на внутреннюю политику и процесс принятия решений». На институциональном уровне успешная социализация означает интеграцию норм и ценностей сообщества в конституцию и внутренние законы, а на когнитивном уровне — прямое влияние означенных ценностей на внутреннюю политику государств. Конструктивисты считают, что НАТО — это специализированная организация, своего рода «военная ветвь» Евро-Атлантического и Западного сообщества, где господствуют либерально-демократические ценности и нормы. Отрицая «эгоцентризм» сторонников рационалистского подхода, конструктивисты тем не менее удачно подхватывают главные их тезисы и, с точки зрения чистоты теории, выигрывают интеллектуальный спор у представителей «традиционных» школ американской политологии.

В дальнейшем политики, сознательно или нет, использовали тезисы конструктивистской концепции не только для оправдания расширения НАТО, но и для обоснования новой стратегической концепции НАТО. В начале 1999 года внутри альянса развернулась широкая дискуссия вокруг содержания новой концепции, которая должна была заменить документ, одобренный только в 1991 г. Важнейшие нововведения, которые проталкивали США и Великобритания: объявление одной из функций

альянса — «кризисное реагирование», во-вторых, расширение «зоны ответственности».

Надо заметить, что российские эксперты не смогли противопоставить такой аргументации достойных контрдоводов. Нам нужно было «бить в теорию», которая легла в основу официальной риторики как Вашингтона, так и Брюсселя. Мы же использовали логику реалистической школы, которая потеряла в настоящее время авторитет среди американских ученых и политиков. Отчасти это стало следствием неразвитости теории международных отношений в России, где в отличие от Запада, эти вопросы только сейчас начинают обсуждаться на теоретическом уровне.

В начале 1999 г. администрация Б. Клинтона официально выдвинула идею расширенного толкования роли альянса в Европе и мире. Вашингтон предложил официально признать «кризисное реагирование» одной из важнейших функций НАТО, упорно убеждая своих союзников заменить принцип защиты «общей территории» принципом защиты «общих интересов». Таким образом был взят курс на «глобализацию» НАТО. В сочетании с поддержанной многими европейскими союзниками идеей расширения «зоны ответственности» в альянсе сложился относительный консенсус по вопросу о принятии новой стратегической концепции, которая вызвала вполне обоснованные опасения в России. НАТО превращается в инструмент защиты и продвижения «общих ценностей, принципов и интересов». Те, кто не разделяют этих принципов, не могут быть приняты в альянс, а тех, кто их нарушает в «новой зоне ответственности», могут ожидать карательные акции.

Конструктивисты видят в основе структуры и целей деятельности международных организаций не просто желание эффективного решения проблем, а отражение «целей, норм, правил и принципов, господствующих в обществе и определяющих поведение этих институтов». Во внешней среде международные институты, по мнению конструктивистов, будут стремиться «к борьбе с конкурирующими ценностями и идеалами», стремясь расширить сообщество, которое они представляют.

Возвращаясь ко временно затихшей дискуссии по вопросу о расширении НАТО, мы ставили перед собой цель понять, зачем нужен этот альянс вообще. Что он дает его членам и тем, кто может быть в него принят? Действительно, новые члены НАТО «не добавили безопасности» старым членам НАТО, ибо не могут предложить что-либо, что последние не имеют. Вновь принятые страны так же не испытывали прямой военной угрозы со стороны какой-либо превосходящей державы в

регионе, ибо ни одно из них не имело в тот момент наступательной оборонной доктрины. Если подразумевать Россию в качестве угрозы, то две из вновь принятых стран не имеют даже общей с ней границы. Да и с военной точки зрения граница между Калининградской областью и Польшей очень уязвима для какой либо военной операции со стороны Российской Федерации. Трудно ожидать, что Россия сможет организовать эффективную военную операцию против Польши с этой территории.

Существует так же теория о превышении так называемых «разумных количественных пределов», за которым следует развал организации. Крепость военных союзов, как показывает история, имеет определенную зависимость от некоторых количественных показателей. Таким образом, сама организация страдает от бесконтрольного расширения, приводя ее в конечном итоге к распаду. Именно такое понимание сущности современных процессов в международных институтах лежит в основе недавно высказанной идеи о принятии России в НАТО, что приведет к развалу последней. Автор этой идеи — известный американский исследователь России Майкл МакФол выбрал столь неординарный для ученого способ эпатажа, чтобы привлечь внимание общественности к охлаждению американо-российских отношений в последнее время.

Реакция России на деятельность НАТО в последние годы во многом носит чисто пропагандистский характер. Это важный элемент внешней политики, но нельзя реальные интересы подменять риторикой, рассчитанной на публику. От чего должна зависеть наша реакция на изменение роли и функций НАТО:

Во-первых. Как мы видим будущую структуру системы международных отношений. Два года назад столичная интеллектуальная элита согласилась с тезисом о многополярности мира. Более того, это стало основой нашего внешнеполитического курса. Признавая многополярность современной системы международных отношений, мы должны понимать, что центры силы будут постоянно стремиться к упрочению своих позиций. И тогда возникает необходимость принятия достаточно сложного с теоретической точки зрения решения. Либо мы считаем, что наша безопасность зависит от безопасности других, и тогда ищем пути построения системы коллективной международной безопасности, либо мы возвращаемся на традиционные позиции «национальной безопасности» и стремимся к самостоятельному решению проблем безопасности. В последнем случае нас не должно беспокоить расширение НАТО, ибо в

долгосрочной перспективе этот альянс неизбежно прекратит свое существование.

Во-вторых. Если Россия строит свою концепцию на основе тезиса об однополярности структуры международных отношений (что, по нашему мнению, соответствует действительному развитию событий), то и реакция на деятельность НАТО должна быть жесткой и адекватной, но не истерично-эмоциональной. Если воспринимать НАТО как выражение преимущественно американских интересов, то задача России существенно облегчается. Не следует сбрасывать со счетов слова Збигнева Бжезинского, который, обращаясь в 1996 г. к американским законодателям и администрации Клинтона, призвал их сделать все, что бы европейцы поняли — отказ ратифицировать договор о принятии новых членов в НАТО означает отказ Соединенным Штатам. Прекрасно понимая, что решение о расширении не найдет безоговорочной поддержки во многих европейских столицах, Вашингтон тем не менее увязал решение этого вопроса с национальными интересами США, заставив своих союзников посмотреть на проблемы НАТО сквозь призму долгосрочных отношений Западной Европы с США.

Если российский МИД готов разделить конструктивистское понимание процесса расширения НАТО и возьмет за основу «культурно-ценностную» составляющую альянса, то тогда возникает вопрос, какую цель преследует Россия в своих взаимоотношениях с альянсом?

Либо безоговорочно принимаем известные западные либерально-демократические идеалы, ценности и нормы, и тогда выстраиваемся (пусть и длинную) очередь в Брюссель. Поскольку именно НАТО лучше всех справляется с задачей защиты означенных либеральных ценностей и идеалов.

Либо мы отчетливо заявляем о приверженности своей особой ценностной шкале и прекращаем обманывать самих себя. Это очень трудное решение, ибо руководство России на словах стремится ввести Россию в сообщество «цивилизованных стран», на самом деле продолжая играть по правилам периода «холодной войны». Сохраняя жизнь НАТО сегодня, США и Брюссель решают вполне конкретные краткосрочные задачи, которые определяются внутренними причинами. К сожалению, пока трудно понять, какие задачи решает внешнеполитическое ведомство России, признавая возрастающее значение политического фактора в североатлантическом блоке, отказываясь от активной и конструктивной работы в нем. Ситуация становится просто абсурдной, когда переговоры между российскими и натовскими военными переводят не профессио-

нальные военные переводчики, а гражданские служащие-эмигранты, часто не владеющие специфической лексикой.

Принятое решение о расширении НАТО свидетельствует о том, что политическая элита Запада придерживается «старой», так называемой атлантистской концепции, которую активно поддерживали в начале 90-х гг. лидеры США и Великобритании. В рамках этой концепции сохранение американского военного присутствия в Европе считается важнейшим условием поддержания равновесия сил трансатлантического сообщества. Таким образом, мир по-прежнему рассматривается как «опасное» место, где фактор военной безопасности сохраняет свое значение. Однако те, кто делает упор на преимущественно военные средства, оказываются в невыигрышном положении. НАТО в этих условиях как институциональное выражение этих взглядов должно сохраниться, решая как традиционные, так о новые задачи по обеспечению равновесия сил и безопасности в Европе, и согласно новой доктрине, за ее пределами.

Следует отметить сильное влияние Маргарет Тэтчер в процессе решения о будущем альянса. Поддерживая позиции Вашингтона по основным вопросам реформирования НАТО, она предложила своего рода модернизированную концепцию «Европы из государств». По мнению Роберта Хатчингса, это своего рода неоголлисткая концепция. В основе ее — сохранение главной роли в международных отношениях суверенного государства и традиционной дипломатии. Существующие многосторонние институты, такие, как НАТО, ЕС, ОБСЕ будут функционировать дальше, могут даже взять на себя новые функции и изменить структуру, однако они по-прежнему будут служить интересам своих членов — суверенных государств⁷.

Хотя этот комментарий относится к началу 90-х годов, анализ основных документов американского конгресса позволяет сделать вывод о сохранении верности основным положениям представленных выше концепций. Многочисленные социологические исследования как в США, так и в Европе показывают, что общество поддерживает идеи расширения НАТО. Хотя у американцев были обоснованные опасения по поводу ратификации договора с Грецией и Турцией. Эти две страны вызывали наибольшее беспокойство Вашингтона. Что бы убедить европейцев в необходимости быстрой ратификации договоров о принятии Венгрии, Польши и Чехии в НАТО, Вашингтон пошел на тесное увязывание положительного решения с национальными интересами США. «Они должны понять, что в случае отрицательного ответа они отвергают

не эти три страны, а отвергают США»⁸. Вопрос и расширению альянса начал активно обсуждаться сразу же после «бархатных революций» в странах Центральной и Восточной Европы. Таким образом, уже администрация Дж. Буша заложила основы политики расширения НАТО на восток.

«Сильные альянсы имеют важнейшее значение для национальной стратегии, — заявил министр обороны Дик Чейни в 1991 г. — Общие ценности, общие проблемы в области обороны, объединенный экономический потенциал дружественных стран создает прочную основу для коллективной безопасности, обеспечивающей мир и стабильность... Сильные союзы остаются важнейшим элементом постхолодного мира»⁹.

Основное содержание союзов с участием США, как признал бывший министр обороны, исключительно стратегическое, а не филантропическое¹⁰.

В качестве одного из основных компонентов всей «блоковой политики» США выступает Североатлантический союз, на деятельность которого Соединенные Штаты затратили в общей сложности 5 трлн. долл., что составляет примерно 50% всех оборонных расходов США, начиная с 1949 г.¹¹

Главная миссия НАТО — создание и поддержание региональной системы безопасности, полное исключение возможности военного нападения¹². Для этого предлагалось усилить роль НАТО в качестве международного форума, «где страны могут вести переговоры, заключать, корректировать и проверять выполнение соглашений в рамках отношений Восток — Запад»¹³. В одном из своих выступлений госсекретарь Дж.Бейкер высказал особую заинтересованность американской стороны в создании «консультативного механизма», способствующего расширению сотрудничества между странами — членами НАТО и другими государствами¹⁴. Таким образом, НАТО доверялось выполнение не только функции коллективной обороны, но и контроля за всем комплексом мероприятий и соглашений, имеющих отношение к вопросам безопасности. Членство объединенной Германии в НАТО, по мнению экспертов РЭНД, позволит предотвратить появление враждебной Германии, способной стать новым центром в Европе¹⁵.

Объединенная Германия, которая вскоре займёт доминирующие позиции в регионе, потребует противовеса как в рамках отношений Запад — Запад, так и паневропейских институтов. К такому выводу пришли ведущие американские эксперты, размышляя о перспективах «блоковой политики» США¹⁶. Однако одновременно высказывались справедливые

опасения по поводу отказа конгресса финансировать "американское присутствие в Европе" при отсутствии реальной угрозы¹⁷.

В начале 90-х гг. Вашингтон еще рассчитывал иметь двух кандидатов на выполнение стабилизирующей роли в новой системе европейской безопасности: НАТО и СБСЕ. В декабре 1989 г. Буш говорил в Брюсселе о "новой Европе и новом атлантизме". Президент признал особую роль, которую сможет сыграть СБСЕ в строительстве европейской безопасности, однако очень скоро основной упор был сделан на триумф либерализма и особой роли НАТО как гаранта сохранения либеральных ценностей, демократии и свободы.

Влиятельный сенатор С. Нанн, который не верил в особые перспективы реформ в СССР, настаивал на сохранении американского лидерства в НАТО, правда, на более низком уровне. Одновременно он призывал к повышению эффективности СБСЕ. В ближайшей перспективе, по мнению главы сенатского комитета, Соединенные Штаты должны преследовать две эти цели одновременно¹⁸. Как заметил один из чиновников государственного департамента, странам — членам НАТО уже удалось через деятельность в структуре СБСЕ "влияться в экономику стран Восточной Европы, установить контроль за соблюдением прав человека, что в конечном итоге обеспечивает безопасность в Европе, а следовательно, и Соединенных Штатов"¹⁹.

Для СБСЕ отводилась основная роль по защите прав человека и контролю за проведением свободных выборов в странах Восточной Европы. Бейкер видел в этой организации главный механизм легализации демократий во всей Европе²⁰. В то же время за СБСЕ признавалась важная роль и в укреплении безопасности в регионе. Однако какая именно ни Дж. Бейкер, ни Дж. Буш, ни сменившая их демократическая администрация Б. Клинтона особо распространяться не стали. В дальнейшем официальный Вашингтон стал более сдержанно отзываться о перспективах СБСЕ, сконцентрировавшись на решении проблем НАТО²¹.

В последнее время появилось много работ, проливающих свет на процесс принятия Вашингтоном решения о расширении НАТО. Р. Хатчингс, который в период администрации Дж. Буша курировал в СНБ восточно-европейское направление, подробно описал, как реагировали и Буш, и госсекретарь Бейкер на тогда еще робкие просьбы новых лидеров Польши и Чехословакии о принятии их в альянс. Как ни удивительно, но уже в самом начале 90-х годов эти предложения серьезно рассматривались экспертами СНБ и государственного департамента. Пришедшие в 1993 г. в Белый дом демократы вынуждены были про-

должить политику предшествовавшей администрации. О событиях, происходивших в то время в Вашингтоне, подробно написал профессор университета Дж. Вашингтона Д. Голдгейер²².

Стремление американцев сохранить НАТО некоторые эксперты часто увязывают с одной из главных внешнеполитических задач США — сохранить присутствие в Европе вообще. Существует достаточно большое количество работ, где анализируются интересы США на европейском континенте. Однако многие из них, на наш взгляд, имеют два существенных недостатка.

Во-первых, исследования большинства отечественных авторов построены на принципах реалистической школы. Вообще реализм неизменно более популярен сегодня в России, чем в Европе или США. В основе анализа — национальные интересы государства как суверенного и единственного субъекта международных отношений.

Во-вторых, глубокое вовлечение США в европейские дела часто ассоциировалось с «европейским наследием». Иммиграция создала особые механизмы, влияющие на процесс принятия внешнеполитических решений в Соединенных Штатах. Выходцы из Европы доминировали последнее столетие. Иммигранты из Италии, Скандинавии, стран Центральной и Восточной Европы влияли на внешнюю политику США на протяжении XX века. В конце 90-х годов ситуация кардинально меняется. Сегодня только по официальным данным испаноговорящее население США составляет 11%, выходцы из Азии, в основном китайцы, являются серьезной силой в городах Западного побережья, заметными темпами увеличивается негритянское население. Демографические прогнозы в целом выглядят не утешительно для «белых». И если на внутреннем уровне ведущие эксперты не видят большой трагедии, ибо уверены, что возможные проблемы на расовой и национальной основе можно будет решить, запустив хорошо отлаженные механизмы открытого правового общества, созданного в США. Однако во внешнеполитической сфере следует ожидать серьезных изменений. Избиратель обязательно потребует (как это уже было с итальянской, польской, украинской и многими другими диаспорами) более пристального внимания к проблемам их исторической родины. Мы не уверены, что столь широко разрекламированные сегодня тенденции глобализации, быстро нивелируют национальный элемент. Следующий президент США вынужден будет не просто учитывать интересы испаноговорящих избирателей (испанский язык уже получил особый статус в государственных учреждениях США), но и принимать конкретные меры по реализации этих

требований в процессе принятия внешнеполитических решений. Повторя историю, требования этнических групп европейского происхождения влияли на формирование внешней политики США.

Чего опасаются в Вашингтоне относительно НАТО? Усиления европейской самостоятельности в области безопасности. В 1998 году произошли мало кем замеченные изменения в позиции Великобритании по вопросу европейской обороны. После многих лет несогласия даже обсуждать вопросы создания «европейской оборонной идентичности» Энтони Блэйер в интервью европейским газетам высказал «крамольную» для Британии мысль. Он согласился с тем, что Европейский союз должен играть более существенную роль в решении оборонных вопросов. Премьер министр Великобритании, по утверждению авторитетного института Джейнс Корпорэшенс, вынужден был пойти на улучшение отношений с Францией и Германией, акцентировав внимание на проблемах обеспечения безопасности. Действительно, если как-то можно обойтись без Великобритании в создании единого валютного рынка, то никак нельзя игнорировать Англию при выработке общей обгонной стратегии союза, хотя бы потому, что это один из членов ядерного клуба. Здесь можно наблюдать совпадение интересов трех ведущих европейских держав — Франции, Германии и Великобритании, причем каждая из них решает свои задачи²³. Однако столь неожиданное сближение позиций двух стран оставляет больше вопросов, чем ответов. Дело в том, что и Лондон и Париж уверены, что НАТО будет играть важнейшую роль в обеспечении безопасности, а, следовательно, Вашингтон останется основным игроком на этом поле. Однако сигнал был подан, и в Вашингтоне вынуждены были искать новые подходы по решению старых задач. Таким образом, вопросы организации командования, коммуникаций и структуры вооруженных сил будущего, способных эффективно решать задачи обеспечения безопасности как союзников, так и отдельных государств вышли на первый план.

В настоящее время активизировались дискуссии по проблемам создания «единой оборонной идентичности» европейских стран. Страны ЕС готовы сделать первые шаги по созданию «реальных» объединенных вооруженных сил. Однако их эффективность вызывает много сомнений даже у не специалистов. Тем не менее европейские лидеры продолжают поиск наиболее жизнеспособных форм военного сотрудничества в рамках союза.

Здесь мы подходим к рассмотрению второго вопроса — роль военной силы в современных международных отношениях. События послед-

них лет характеризуются продолжением военно-политического соперничества государств и ростом национализма. Чтобы перевести международные отношения преимущественно на невоенное регулирование, требуется кардинально иная структура отношений. Готовы ли основные субъекты международных отношений в ближайшие годы передать часть своего национального суверенитета наднациональному органу. Уже стало хрестоматийным утверждение, что как ядерная, так и обычная война перестали быть сколько-нибудь рациональным средством достижения политических или любых иных целей. Завоевание вооруженной силой территории другой страны стало нецелесообразным, ибо, как утверждают некоторые эксперты, «современная экономика — это тончайший финансовый, промышленный, сельскохозяйственный, торговый механизм, который не может производить продукцию, отвечающую стандартам рынка высокоразвитых стран, в условиях грубого принуждения»²⁴. Трудно спорить с тем, что экономика становится более наукоемкой, требующей высококвалифицированного рабочего. Высокий интеллект, высокие технологии и высокая квалификация (ВЗ) — становятся основой экономики западных государств. Завоевать эти качества с помощью военной силы не реально.

Геоэкономическая концепция, одним из ее сторонников является Э.Г. Кочетов, обращает особое внимание на роль экономических факторов в современном мире. Всемирные глобальные потоки и процессы в экономической, финансовой и производственной сферах предлагают принципиально новые ориентиры для национальной экономики, заставляя государства отказываться от формирования исключительно внутренне ориентированных стратегий развития.

Следующий геоэкономический фактор — стремительная экономизация политики. «Экономическая власть диктует миру свои правила игры, геополитика их «оправдывает, а военная компонента защищает»²⁵. Об особой роли экономического фактора стали много говорить с подачи Дж. Ная, который еще в 1990 г. предположил, что американская демократия и свободная рыночная экономика могут быть трансформированы в «мягкую силу», что позволит успешно решать стоящие перед США внешнеполитические проблемы²⁶. Через шесть лет он делает еще один шаг в этом направлении, предлагая Америке соотнести оборонную и внешнеполитическую стратегию с тем огромным преимуществом в информационной сфере, которым обладают США²⁷. Най и Оунс предположили, что Соединенные Штаты смогут использовать информационные ресурсы для привлечения Китая, России и других государств к диа-

логу с целью предотвращения их перехода на враждебные позиции в вопросах безопасности²⁸.

Таким образом, мы перешли к третьему фактору — возрастающая роль информации в частности и знания вообще. Причем Кочетов говорит о «предупреждающем знании» той среды или пространства, в котором предстоит решать задачи национального выживания и процветания. Проблема реформирования американской системы образования давно стоит на повестке дня. Еще супруга Дж. Буша Барбара Буш активно занималась этими вопросами. И это не случайно, эксперты РЭНД провели специальное исследование по вопросу о будущем развитии системы образования в США (некоторые из выводов этой работы будут представлены ниже)²⁹.

Итак, понятие силы в современных международных отношениях рассматривается многими экспертами, особенно либерального направления, в не традиционном ракурсе. Еще недавно понятие сила (power) в западной политологии больше ассоциировалось с военной компонентой (military force). В конце 1999 г. активную позицию заняли сторонники радикальных изменений в военном строительстве, подготавливая появление достаточно смелых документов исполнительного ведомства США, нацеленных на уменьшение структурной зависимости доктрины «проекции силы» от традиционных «вооруженных сил индустриальной эпохи (авианосные группы и наземные базы)»³⁰. Сторонники «революции в военном деле» говорят о необходимости подобной трансформации, поддерживая администрацию Клинтона, подготовившую в 1998 г. революционную по духу «Стратегию национальной безопасности на новое столетие»³¹. Однако усиление информационной составляющей в сфере безопасности неизбежно приведет к серьезным изменениям в структуре вооруженных сил США, нарушит сложившееся взаимодействие между различными родами войск, внесет серьезные корректировки в содержание программ закупки вооружений, уже утвержденных конгрессом. Консерваторы серьезно сомневаются в необходимости столь резкого и радикального изменения сложившейся системы, хотя и признают, что новая реальность требует новых подходов. Отдав предпочтение революционным нововведениям, Америка повергает себя серьезной опасности со стороны противника, способного проникнуть в информационное пространство, которое более открыто и менее защищено³².

Однако, говоря о роли технологического фактора в формировании внешнеполитической стратегии, мы должны учитывать, что речь идет об ограниченном количестве стран, имеющих доступ к ВЗ. Если ты не яв-

ляешься членом этого клуба, то стоишь перед необходимостью защитить свои интересы. И тогда ты будешь использовать те средства, которые можешь позволить. Технологический отрыв ведущих западных государств, и в первую очередь США, бесспорен. Любой, кто возьмет старт сейчас (не говоря уже о будущем), будет отставать от лидера. Тогда возникают вполне закономерные вопросы — как лидеры и аутсайдеры будут защищать свои позиции и интересы, какую форму может принять конфликт, который является нормальной характеристикой существования любой системы. Ответы на эти вопросы имеют важнейшее значение для тех, кто разрабатывает долгосрочную стратегию национальной безопасности и внешней политики. Очень важно понять, какое оружие будет использоваться в конфликте как в ближайшее время, так в перспективе. Любое оружие должно соотноситься со стратегией, и любая стратегия должна соотноситься с политикой.

Три основных положения, на наш взгляд, характеризуют сегодня общее отношение к применению американской военной силы в международных отношениях.

Во-первых, после вьетнамской войны конгресс никогда больше не решился предоставить президенту право использовать американские вооруженные силы за рубежом в течение долгого периода и без каких-либо ограничительных условий.

Во-вторых, дебаты по вопросу об участии армии США в войне в Персидском заливе показали, что как конгресс, так и американское общество в целом очень скептически относятся к аргументации исполнительной власти, оправдывающей отправку американских солдат на войну.

В-третьих, доктрина «справедливой войны» хоть и помогает официальному Вашингтону оправдывать затраты на ведение войсковых операций за рубежом, тем не менее служит очень слабым аргументом для оправдания потерь. Цена человеческой жизни в современном западном мире очень высока сегодня. Это не было постоянным фактором. Такая гуманизация стала возможна лишь с окончанием "холодной войны".

Все выше сказанное свидетельствует о серьезных ограничениях (и не только формальных, которые существуют с середины 80-х гг.) власти президента в использовании вооруженных сил США для решения внешнеполитических задач. Американское общество очень не охотно соглашается на участие своей армии в каких-либо рискованных военных операциях за рубежом³³.

Следствием изменения настроений в американском обществе стала череда малых военных конфликтов, в которых участвовала армия США в 80-е гг. Это и высадка десанта в Гренаде, и бомбардировка Ливии, и интервенция в Панаму. Все эти операции объединяет скоротечность и малые потери со стороны служащих США. Война в Персидском заливе принесла еще один важный элемент в практику использования американских служащих в военных действиях за рубежом, после того как Буш настоял на формировании коалиции, что стало возможным лишь благодаря окончанию "холодной войны". Пойдя на такой шаг, Буш «подложил свинью» будущим главнокомандующим. Им теперь трудно будет действовать автономно, как это мог позволить себе Рональд Рейган, например, в случае с Гренадой или Ливией.

Отношение Дж. Буша к операции в Сомали в конце 1992 г. демонстрирует новую модель использования американских вооруженных сил после операции «Буря в пустыне». Она была спланирована как короткая по времени, с минимально прогнозируемыми потерями и публично оправдана решением очень привлекательных для общественности не реальных, но гуманитарных задач, характерных для романтического периода ранней американской истории.

Итак, опыт участия американских вооруженных сил в заморских военных компаниях 90-х гг. требует от любого будущего руководителя строительства коалиций. В этой связи НАТО является единственным инструментом, который примут как члены конгресса, так и общественность, способным к успешному решению тех задач, которые требуют открытого военного вмешательства. Нельзя не согласиться с исследователем Эндрю Эрдманом, который, проанализировав эволюцию отношения общественного мнения США к участию армии в военных операциях за рубежом, сделал вывод, что общество больше не позволит президенту посылать войска для одностороннего участия в бессрочных, кровопролитных конфликтах³⁴. Строительство коалиции и мандат НАТО (прецедент игнорирования резолюций ООН уже создан) стали необходимым условием участия американских вооруженных сил в военных операциях за рубежом.

Что делать против расширения НАТО сегодня? Если Россия официально признает, что НАТО представляет военную угрозу, то она обязана принять соответствующие меры. Принимая во внимание сложное финансовое положение и неспособность обеспечить нормальный уровень финансирования военно-промышленного комплекса и армии, не остается ничего другого, как изменить ядерную доктрину, что и было предло-

жено сделать осенью 1999 г. Реально — это единственный сдерживающий фактор для России. Однако если за этим последует бессистемное растрачивание государственных средств на оружие и системы «вчерашней войны», та политическая цена, которую вынуждена платить сейчас Москва за неожиданную для Запада «милитаризацию» будет очень и очень высокой. У нас, по сути, преимущество перед американцами, которые вынуждены в ходе грязных политических торгов решать, какую базу закрыть, сколько и каких самолетов, кораблей и подводных лодок закупать. Россия может начинать писать свою оборонную доктрину фактически с чистого листа. Самое главное не ошибиться в том, какую войну будет вести именно Россия (а не США и Западная Европа) и когда.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Преодоление кризиса доверия во взаимоотношениях России, США и НАТО продолжает оставаться наиболее серьезной проблемой международно-политической жизни государств и народов планеты. Эту проблему необходимо решать осторожно, соблюдая все «правила игры» и руководствуясь проверенным принципом последовательных шагов. Запад в целом давно уже определился в том, что он хочет от остального человечества. Для этого выработана соответствующая долгосрочная стратегия и мобилизованы все ресурсы (духовные, материальные и организационные). Что касается обновляющейся России, то она пока стоит на перепутье. Но это положение некогда великой державы является временным. Замешательство, суэта, страх перед опасными и непредсказуемыми вызовами глобализации российской правящей элиты когда-нибудь пройдет. Главное, чтобы это случилось своевременно, иначе Россию с колен поднимать будет некому.

Соединенные Штаты Америки заняли единоличное лидерство в современных международных отношениях. Пока это дает им определенные дивиденды. Однако подобная ситуация не может продолжаться долго. Их лидерство обеспечивает стабильность однополярной системе. Это выгодно всем ее участникам. Тем не менее наступит время, когда их лидерство будет мешать нормальному развитию системы. Задача России максимально подготовиться к тому моменту, когда придется больше сил и средств затрачивать на поддержание стабильности.

Пока США и их союзники имеют лучшие стартовые позиции, чтобы подготовиться к существованию в новой системе координат, однако им придется очень скоро столкнуться с решением многих структурных проблем. В первую очередь, это будет касаться самого западного общества. Наступит новое испытание на жизнеспособность институтов и процессов демократического государства.

Запад усиленно готовится встретить новые угрозы их безопасности. Внешнеполитическая элита Соединенных Штатов и Западной Европы активно ведет поиск новых принципов, реализация которых позволит Западу успешно защищать свои интересы в более сложных условиях, чем прежде.

Российским лидерам необходимо тщательно изучить новейшие стратегические концепции США, НАТО, ООН, для того чтобы ответ России как великой державы Западу в целом был достойным. Новое качество глобальной дипломатии предполагает поиск наиболее эффективных вариантов конструктивного взаимодействия с этими структурами. В этой связи им крайне важно решить проблему настоящего партнерства в отношениях со своими коллегами из индустриально развитых стран. Только тогда равновесие в международных отношениях будет устойчивым, а положение в мире приобретет желанный характер стратегической стабильности.

ПРИМЕЧАНИЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1. Аморозо Б. О глобализации. Капитализм в XXI веке / Пер с английского А.Г. Любавского. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2000. С. 5-181.
2. Некоторые аспекты функционирования глобального хозяйства и мирового КФС // Чистая планета, 1999. № 4. С. 1. См. также: Кеннеди П. Вступая в XXI век. М.: Изд-во «Весь мир», 1997. С. 17-164; Глобальные социальные и политические перемены в мире / Отв. редактор Мельвиль А.Ю. М.: ФМС, 1997; Лебедева М.М., Мельвиль А.Ю. Переходный возраст современного мира // Международная жизнь. 1999. № 10. С. 76-84.
3. Колобов О.А., Корнилов А.А., Макарычев А.С., Сергунин А.А. Процесс принятия внешнеполитических решений: исторический опыт США, стран Западной Европы и Государства Израиль. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 1992; Колобов О.А., Балувев Д.Г., Кабешев Д.В., Рыхтик М.И., Хохлышева О.О. Запад: новые измерения национальной и международной безопасности: Монография. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 1997; Колобов О.А. Международные отношения: Избранные труды. Н. Новгород: Изд-во «Нижеполиграф», 1998. Оригинальные документы и материалы, свидетельствующие о противоречиях политического свойства на региональных и глобальных уровнях приведены в следующих книгах, написанных учеными Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского: Колобов О.А., Корнилов А.А., Сергунин А.А. Документальная история арабо-израильского конфликта: Хрестоматия. Т. 1, Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 1991; Колобов О.А., Рыхтик М.И., Цхай И.В. Проблемы войны и мира в XX веке: Хрестоматия. Т. 2, Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 1997; Колобов О.А. Проблемы войны и мира: Хрестоматия. Т. 3, Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 1998; Хохлышева О.О. Практикум по истории международных отношений. Н. Новгород: ИФ ННГУ, 1999. Т. 1,2,3. Прогнозные характеристики различных политических аспектов жизни народов планеты с учетом глобализации приведены в специальном выпуске официального

издания Ассоциации международных исследований «International Studies Review», опубликованном в США под редакцией профессора Питтсбургского университета Д. Боброу. См. «International Studies Review. Special Issue. Prospects For International Relations: Conjectures About The Next Millennium». Editor Davis B. Bobrow, vol. 1, Summer 1999. О глобальном влиянии ТНК см.: Империи финансовых магнатов (транснациональные корпорации в экономике и политике империализма / Отв. ред. д-р экон. наук. Н.Д. Иванов. М.: Мысль, 1988; Градобитова Л.Д. Транснациональные корпорации в современных международных экономических отношениях. М.: МГИМО, 1998.

4. Гаджиев К.С. Введение в геополитику: Учебник для вузов. М.: Логос, 1998. С. 75.
5. Мировая экономика и международные отношения. 1999. № 4.
6. Там же. С. 44-45.
7. Bull H. The Anarchical Society: A Study Of Order In World Politics, p. 254-276. Цит. по: Сергунин А.А., Макарычев А.С. Современная западная политическая мысль: «Постпозитивистская революция»: Учебное пособие. Н. Новгород, Изд-во НГЛУ, 1999. С. 32.
8. Rosenau J. Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity. Princeton: Princeton University Press., 1990.
9. Marc A. Pour En Finir Avec L'Etat Nice, 1992. P. 9-13.
10. Lipsuts R. Reconstructing World Politics. The Emerging of Global Civil Society // Millenium, 1992. Vol. 21. № 3. P. 329-393.
11. Сергунин А.А., Макарычев А.С. Указ. соч. С. 33-34.
12. См. Simai M. The Future of Global Governance. Managing Risk and Change In The International System. Washington D.C. United States Institute Of Peace Press, 1994. P. V-XI, 1-32, 33-118, 119-242, 243-338, 339-376.
13. Finkelstein L. What Is Global Governance, January, 1995. № 3. P. 367.
14. См. подробнее о меняющейся роли ООН в: Luard E. The United Nations. How It Works and What It Does. Second Edition. Revised by Derek Heater. New York: St. Martin Press, New York, 1994; Кортунов А.В. Россия и реформы ООН. М.: РНФ, Московское отделение, 1995. С. 77-101.
15. В этом отношении весьма характерны работы Зб. Бжезинского и С. Хантингтона.
16. См.: International Politik, 1998, № 11, с. 12. Corradels J. and Feinberg R. Regimes of Cooperation in The Western Hemisthere: Power, Interests, and Intellectual Traditions // International Studies Quarterly. 1999. Vol. 43. № 1. P. 1-36; Checkel J. Norms, Institutions and National Identity in

Contemporars Europe // International Studies Quarterly. 1999. Vol. 43. № 1. P. 83-114.

17. International Politik, 1998. № 11. P. 14-17.
18. Ibid. P. 17.
19. Ibid. P. 17-18.
20. Ibid. P. 19-20.
21. Ibid. P. 20.
22. Ibid.
23. Ibid.
24. Ibid.
25. Ibid.
26. Ibid. См. также: Lairson Th., Skidmore D. International Political Economy. The Struggle For The Power and Wealth. Forth North, Philedelphic, San Diego, New York etc.: Harcourt Brace College, 1997. Весьма значительный интерес с точки зрения интеграции европейских стран представляет собой проект создания единой Европы (С. Глухарев).
27. International Politik. 1988. № 11. С. 20. Подробнее о процессах демократизации в глобальном масштабе см.: Колобов О.А., Балугев Д.Г., Рыхтик М.И., Хохлышева О.О., и др. Демократия в меняющемся мире: Монография. Н. Новгород: ВАГС, 1995.
28. Galjung J. Guide For Peace. London, 1982. P. 82.
29. Baudson G. The New World Order and Yugoslavia. Paris: GilWern Editions, 1996. P. 51.
30. Final Report. International Congress On Peace In Minds Of Men. Declaration On Peace Among Men. UNESCO, 1989. P. 51.
31. Ibid. P. 20-22, 36, 51.
32. Boulding E. Concept Of Peace Culture. UNESCO, 1992. P. 10.
33. Ibid.
34. См. Бжезинский З. Великая шахматная доска. М.: Международные отношения, 1998.
35. Подробнее см.: Gakley Th. Command and Control For War and Peace. Washington D.C.: National Defence University Press, 1922; Maurer M. Coalition, Command and Control. Key Considerations. Washington D.C.: National Defence University, 1994; Snyder Fr. Command and Control. The Literature and Commentaries. Washington D.C.: National Defence University, 1993.
36. Конституция Соединенных Штатов Америки. Преамбула.
37. Кайзер К. Глобализация как проблема демократизации // International Politik. 1998. № 4. P. 3.

38. См. подробнее. Maurer M. Op. cit. P. 15-28.
39. Creveld M. Command in War. Cambridge, Mass: Kervard University Press, 1995. P. 264.
40. Maurer M. Op. cit. P. 15-28.
41. International Politik. 1998. № 4. P. 7.
42. Ibid.
43. См. Creveld M. Op cit.; Maurer M. Op. cit.
44. Колобов О.А., Балугев Д.Г., Рыхтик М.И., Хохлышева О.О. Запад: новые измерения национальной и международной безопасности... С. 180.
45. Бжезинский З. Великая шахматная доска... С. 73.
46. Вагнер В. Великие кризисы нашего времени. Может ли еще политика справиться с ними? // International Politik. 1997. № 12. С. 3.
47. Там же. С. 4-7.
48. Там же. С. 7-9.
49. Глобализация и ее влияние на федерации: Доклад Эрла Фрая, профессора политологии. 774SWKT Provo, Utah 84602 (801) 374-6951 earlfray@bvui.edu. Подготовлено для Форума Федерации Мон Трэмблан, Квебек, Канада, 6-8 октября 1999 года. С. 7-8.
50. Там же. С. 8.
51. Там же.
52. Там же. С. 9.
53. Там же. С. 10.
54. Там же.
55. Мировая экономика и международные отношения. 1999. № 4. С. 47. См. о России в новой системе геополитических отношений подробнее: Нартов Н.А. Геополитика: Учебник / Под. ред. профессора В.И. Старовертова. М.: ЮНИТИ, 1999. С. 130-178.
56. См.: US. Government. Clinton Administration Policy on Reforming Multilateral Peace Operations. Presidential Decision Directive - 25. The White House, May 1994; US. Government. Clinton Administration's Policy on Managing Complex Contingency Operations. Presidential Directive - 56. US. Government. The White House Paper, May 1997; U.S. Army. Field Manual 100-23. Peace Operations Headquarters. Department of The Army. Washington D.C., 1994; Joint Chiefs For Staff, Interagency Co-ordination During Joint Publication 3-08, 2 volumes, Washington D.C., 1996.
57. Libton R., Falk R. Indefensible Wearons. The Political And Psychological Cage Against Nuclearism. New York: Basic Books, Inc., Publishers, 1982. P. 3-127, 128-273.

58. См.: Мелмен С. Конверсия и разоружение. Демилитаризованное общество. М.: Изд-во "Мир", 1990. С. 63.
59. Там же.
60. Там же. С. 119.
61. Разоружение: Периодический обзор, подготовленный Организацией Объединенных Наций. 1991. Т. IV. № 4. С. 78.
62. Там же. С. 97-99. См. также: Glassa-Ch. The Favored Case for Nuclear Disarmament // Survival. 1999. Vol. 40. № 1; Spring 1999. P. 112-128; The Future of war. The IV Bloch Commemorative Conference, St. Petersburg, 24-27, February, 1999.
63. Разоружение: Периодический обзор... 1991. Т. XIV. № 4. С. 99.
64. Там же. С. 100.
65. Там же. С. 103.
66. Подробнее см.: Балуев Д.Г. Экономические санкции в современных международных отношениях. Н. Новгород: ИФ ННГУ, 1999. С. 4-66.
67. См. The UN Role Intervention: Where Do We Go From Here. 28th UN of the Next Decade Conference 1993. The Stanley Foundation.
68. Разоружение... 1991. Т. IV. № 4. С. 103-1043.
69. См. подробнее: SIPRI Yearbook 1995-1999.
70. SIPRI Research report No. 6. Arms Watch SIPRI REPORT on the First year of the UN Register of Conventional Arms by Edward J. Lawrence, Siemon T. Wezeman and Herbert Wulb. P. 4.
71. См. подробнее: SIPRI Yearbook, 1995-1999; Transparencies in International Arms Transfers. Topical Papers UN Department (now Office for Disarmament + Affairs, 1990-1999; Arms Control Today, 1993-1999.
72. НАТО: Справочник / Бюро информации и печати НАТО. Брюссель, 1996. С. 31-33.
73. Там же.
74. Там же.
75. Там же.
76. The Alliance Strategic Concept. 1991.
77. Williams N. The Future of Partnership for Peace. Konrad Adenauer Stiftung Arbeitspapier Sant Augustin, April, 1996. P. 1-24; Гляйс Р. Россия, НАТО и глобальный паритет сил // Обозреватель. Информационно-аналитический журнал. № 9 (80), сентябрь 1996, с. 24-28; Загорский А. Россия и расширение НАТО... // Pro et Contra. Зима. 1997. Том 2. № 1. С. 78-89.
78. НАТО: Справочник... С. 49.

79. Там же. С. 50.
80. Там же.
81. Там же.
82. Там же. С. 51.
83. Там же.
84. Там же.
85. Там же. С. 52.
86. Азейрбаджан, Албания, Армения, Болгария, Венгрия, Грузия, Казахстан, Кыргызстан, Латвия, Литва, Молдова, Польша, Россия, Румыния, Словакия, Словения, Туркменистан, Узбекистан, Украина, Финляндия, Чешская Республика, Швеция, Эстония, Беларусь, Австрия и Мальта присоединились к программе "Партнерство во имя мира" соответственно в январе, феврале и апреле 1995 г., доведя общее число партнеров в рамках этой программы до 26.
87. Study on NATO Enlargement. September, 1995, Brussels, NATO, 1995. P. 1-4. См. также CRS Report For Congress: Cost Issues Updated February, 26; все новейшие документы НАТО можно получить по адресу NATO Online Library <http://www.nato.int/docs/pr>, 1999.
88. Науманн К. От сотрудничества к оперативной совместимости // Вестник НАТО. 1996 (Brussels). № 4. С. 15-16.
89. Там же. С. 15. M-NAC - 2 (96), 165, Ministerial Meeting of the North Atlantic Council Held in NATO Headquarters, Brussels, 10 December 1996, Final Communiqué; M-NAC-2 (96) 169 Meeting of the North Atlantic Council NATO Headquarters, Brussels, December 1996, Progress Report, to Minister by Political - Military Steering Committee Adhocgroup for cooperation in Peace-Keeping.
90. Науманн К. От сотрудничества к оперативной совместимости // Вестник НАТО. 1996. № 4. С. 19.
91. Huntington S. The Clash of Civilizations // Foreign Affairs, Summer 1993. P. 39.
92. См.: Кузнецов В. Золотой миллиард и остальное человечество // Pro et Contra. Осень. 1999. С. 103-113.
93. SIPRI Yearbook, 1992, Appendix 15A.
94. CSCE: Statement on the Situation in Yugoslavia. Berkin, 19-20 June 1991. Sweden. 1992. P. 16.
95. SIPRI Yearbook, 1994. P. 241.
96. SIPRI Yearbook, 1992, Appendix 15A, note 2.
97. См.: Supplement to «An Agenda for Peace»: Position Paper of Secretary-General on the occasion of the Fiftieth Anniversary of the United Na-

tions. General Assembly. Fiftieth Session. Report of the Secretary of the Organisation. A/50/60/s/1995/1.3 Jan. 1995, UN 1995. P. 13, 14-22, 24.

98. Ibid.

99. Аннан К. Ук. соч. С. 59.

100. Там же.

101. См. подробнее: Biermann W. UN Peacekeeping Operations. New York: UN, 1993, p. 34; Bacer J. UN Peace Support Operation // Parameters, US Army war College Quarterly. Vol. XXIX. № 1, Spring 1994. P. 13; Hopmann G. The UN Peacekeeping Proposals // Essayes on Strategy. 1994. USA. Vol. XI. P. 77.

102. Хохлышева О.О. Разоружение, безопасность, миротворчество: глобальный масштаб. М.—Н. Новгород: АВН РФ, АНМ «Элита», ННГУ, 2000. Гл. 3.

103. Сербия Православная. По материалам информационного вестника «Сербский крест» // Православное слово. Н. Новгород, октябрь, 1999, №19(152), с.3. См. также: NATO Crimes in Yugoslavia. Documentary Evidence. 24 March-24 April 1999. Belgrade, May 1999. Federal Ministry of Foreign Affairs. Vol. I. P. 417; NATO Crimes in Yugoslavia. Documentary Evidence. 25 April-10 June 1999, Belgrade, July 1999. Federal Republic of Yugoslavia Federal Ministry of Foreign Affairs. Vol. II. P. 552.

104. См.: Private Peacemaking. USIP-Assisted Peacemaking Projects of Nonprofit Organisations. Ed. by D. Smock. Washington D.C.: United States Institute of Peace, 1998. P. 50.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1. Независимое военное обозрение. 1997. № 6.

2. Краткий словарь специальных терминов для руководящего состава Вооруженных Сил Российской Федерации. М., 1994; Военная энциклопедия. В 8 т. М., 1994, Т. 2; Военно-морской словарь. М., 1989; Дипломатический словарь. В 3 т. М., 1989; Вооруженные конфликты: предотвращение и урегулирование в политике СССР (1945-1991 гг.). М., 1996; Encyclopedia Britannica. 1963. Vol. 15; Encyclopedia of the U.S. Military. N.Y., 1990.

3. Department of Peace and Conflict Research. SIPRI Yearbook of World Armament and Disarmament 1992. Stockholm, 1993. P. 16.

4. Connaughton R.M. Swords and Ploughshares. Coalition Operations. The Nature of Future Conflict and the UN. L., 1993. P. 34.

5. Независимое военное обозрение. 1998. № 42.

6. Более подробно см.: Золотарев В.А. Военная безопасность Отечества (историко-правовое исследование). М., 1996. С. 7-28.

7. США: экономика, политика, идеология. 1994. № 8-9. С. 74.

8. Ирредентизм — как правило, националистическое движение. Суть его заключается в отделении определенной территории от одного государства с целью последующего ее присоединения к другому.

9. Красная звезда. 1997. 22 мая.

10. Сегодня. 1998. 4 ноября.

11. Независимое военное обозрение. 1998. № 6.

12. Вооруженные конфликты: предотвращение и урегулирование в политике СССР... С. 47.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1. VanDeveer Stacy; Dabelko Geoffrey. Redefining Security Around the Baltics: Environmental Issues in Regional Context // Global Governance. 1999. Vol. 5. P. 224.

2. Hveem, Helge. Political Regionalism // Globalism and the New Regionalism. Volume 1. Edited by Bjorn Hettne, Andras Inotai, Osvaldo Sunkel. MacMillan Press Ltd. & St.Martin's Press Ltd. 1999. P. 90-104.

3. Дранкина Е. Бросок на Север // Эксперт. 11 октября 1999 г. № 38 (202). С. 30-31.

4. Wiberg Ulf. The Barents Euro-Arctic Region and European Spatial Planning for Sustainable Development, in The Barents Region Revisited. Edited by Geir Flikke. Conference Proceedings, Norwegian Institute of International Affairs. 1998. P. 54.

5. Honneland Geir. Worlds Further Apart? Identity Formation in the Barents Euro-Arctic Region, in The Barents Region Revisited. Edited by Geir Flikke. Conference Proceedings, Norwegian Institute of International Affairs: 1998. P. 79.

6. Бусыгина И.М. Проблемы современного регионализма применительно к Черноморью // Безопасность России. Черноморский вариант: Доклады Института Европы. № 37. Москва: Интердиалект, 1997. С. 44.

7. Devetak Richard; Higgot Richard. Justice Unbound? Globalization, States and the Transformation of the Social Bond, in *International Affairs*. 1999. Vol. 75. № 3. P. 483-484.

8. Blake Gerald H. Globalisation and the Paradox of Enduring National Boundaries // *Vanishing Borders: The New International Order of the 21st Century*. Edited by Lee Boon-Thong and Tengku Shamsul Bahrin. Ashgate: Aldershot, Brookfield USA, Singapore, Sydney. 1999. P. 248-249.

9. Лебедева Э.В. Национальный вопрос и федерализм // *Мировая экономика и международные отношения*. 1998. № 7. С. 62.

10. Дахин А.В. Региональная стратификация и территориальная целостность: поиск формулы нового мирового порядка // *Сравнительный регионализм: Россия – СНГ – Запад: Материалы международного исследовательского проекта*. Нижний Новгород, 1997. С. 209-210.

11. Hettne Bjorn. Globalization and the New Regionalism, in *Globalism and the New Regionalism*. 1999. Vol. 1. Edited by Bjorn Hettne, Andras Inotai, Osvaldo Sunkel. MacMillan Press Ltd. & St. Martin's Press Ltd.: 7-8.

12. Актуальные вопросы глобализации. Круглый стол «МЭиМО» // *Мировая экономика и международные отношения*. 1999. № 4. С. 39, 47.

13. Wiberg Ulf. The Barents Euro-Arctic Region and European Spatial Planning for Sustainable Development, in *The Barents Region Revisited*. Edited by Geir Flikke. Conference Proceedings, Norwegian Institute of International Affairs. 1998. P. 54.

14. Реализация «Северного измерения» в политике Европейского Союза // *Евро*. 1999. № 11. С. 39.

15. Cottey Andrew. Introduction // *Subregional Cooperation in the New Europe. Building Security, Prosperity and Solidarity from the Barents to the Black Sea*. Edited by Andrew Cottey. The Eastwest Institute. 1999. P. 3,4.

16. Bailes Alyson. The Role of Subregional Cooperation in Post-Cold War Europe: Integration, Security, Democracy // *Subregional Cooperation in the New Europe. Building Security, Prosperity and Solidarity from the Barents to the Black Sea*. Edited by Andrew Cottey. The Eastwest Institute. 1999. P. 161.

17. «Северное измерение» в политике Европейского Союза // *Евро*. 1999. № 11. С. 41.

18. Тиммерман Х., Дудникова Т. Задача Европейского Союза и России — не допустить новых разделительных линий // *Евро*. 1999. № 11. С. 23.

19. Тишков В. Идентичность и культурные границы // *Идентичность и конфликт в постсоветских государствах* / Московский Центр Карнеги. Москва, 1997. С. 37.

20. Тренин Д. Балтийский шанс. Страны Балтии, Россия и Запад в складывающейся Большой Европе. Московский Центр Карнеги. С. 18.

21. Bradshaw M. Going Global: The Political Economy of Oil and Gas Development Offshore of Sakhalin // *Cambridge Review of International Affairs*, Summer-Fall 1998, Vol. XII. № 1. P. 147-176.

22. Лешуков И. «Северное измерение» ищет координаты целей // *Евро*. № 11. 1999. С. 31.

23. Смирнягин Л.В. Территориальная морфология российского общества как отражение регионального чувства в русской культуре // *Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России: Научные доклады-90*. Московский общественный научный фонд, 1999.

24. Thompson Grahame. Introduction: Situating Globalization // *ISSJ*, 160/1999. UNESCO 1999. Published by Blackwell Publishers.

25. Nicholson M. Towards a Russia of the Regions. London: The International Institute for Strategic Studies, Adelphi Paper 33. 1999. P. 48.

26. Вардомский Л.Б. Проблемы внешней открытости регионов в контексте развития российской экономики // *Внешнеэкономические связи и региональное развитие в России: Материалы семинара*. М.: Эпикон, 1999. С. 20-21.

27. Alexeev M., Vagin, V. Russian Regions // *Expanding Europe: The Pskov Connection*, in *Europe-Asia Studies*. 1999. Vol. 51, № 1. P. 43-64.

28. Ibid. P. 44.

29. Юрий Зверев. Калининградская область России в новой системе геополитических координат // *Россия, Украина, Белоруссия. Этнические и региональные конфликты в Евразии. Книга 2* / Под редакцией А. Зверева, Б. Коппитерс, Д. Тренина. М.: Весь мир, 1997. С. 72-75.

30. Herd G. Russia's Baltic Policy After the Meltdown // *Security Dialogue*, SAGE Publications. 1999. Vol. 30(2). P. 202-203.

31. Дмитрий Тренин. *Op.cit.* С. 26, 37.

32. Evans P. The Eclipse of the State? Reflections on Stateness // *an Era of Globalization*, in *World Politics* 50 (October 1997), 62-87.

33. Herd G. Russia's Baltic Policy After the Meltdown // *Security Dialogue*, SAGE Publications. 1999. Vol. 30(2): 204.

34. Brzezinski Z., Larrabee S. U.S. Policy Toward Northeastern Europe. April 1999, Council on Foreign Relations Independent Task Force Report

(available at <http://www.foreignrelations.org/public/pubs/baltics.html>). 1999. P. 4

35. Ibid. P. 8.
36. Joenniemi P. The Barents, Baltic and Nordic Projects: A Comparative Analysis // The Barents Region Revisited. Edited by Geir Flikke. Norwegian Institute of International Affairs, Conference Proceedings. 1998. P. 14-21
37. Pekka K. The Geometry of Power. Johan Galtung's Conception of Power. Tampere Peace Research Institute Research Report. 1990. № 38. P. 160-163.
38. German T. Moscow, the Regions and Russia's Foreign Policy. London: Conflict Studies Research Centre E103. 1999. P. 47.
39. Стенограмма передачи «Совершенно секретно». НТВ, 4 октября 1999 г.
40. Аверин И. Великая Суоми стремится к Енисею // Век. 1999. № 39. P. 354.
41. Михеев В. Потенциал вражды versus потенциал сотрудничества // Pro et Contra. Весна 1998. Том 3. № 2. С. 65.
42. Воронов К.В. Балтийская политика России: поиск стратегии // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 12. С. 23.
43. К положению в Калининградской области. Национальная электронная библиотека (http://www.nns.ru/analytdoc/ims/1999/sv0102_5.html).
44. Рафаэль Х. Россия и Татарстан: у исторического перекрестка. Панорама-Форум. Лето 1997. С. 43.
45. Галеев М. К основам концепции развития внешнеэкономических и внешнеполитических связей Татарстана // Панорама-Форум, № 2, 1996. С. 19.
46. <http://www.ancentr.ru/ObsorSMI/n6-3.htm>
47. Коммерсант-Daily, 31 марта 1999 г. С. 4.
48. Wall Street Journal, December 14, 1999.
49. Сусаров А. Татарстан в 1998 г. // Регионы России в 1998 году. Московский Центр Карнеги <http://pubs.carnegie.ru/books/1999/08np/21.asp>
50. <http://www.ancentr.ru/textx/cerkov7.htm>
51. Пустогаров В. Субъекты Российской Федерации в международной жизни // Панорама-Форум. 1995. № 2. С. 8.
52. Stavrakis, Peter; DeBardleben, Joan; Black, Larry (1997), Beyond the Monolith. The Emergence of Regionalism in Post-Soviet Russia. Washington, D.C.: The Woodrow Wilson Center Press; Baltimore and London: The Johns Hopkins University Press. 1997. P. 3.

53. Cohen, Stephen (1999), Russian Studies Without Russia // Post-Soviet Affairs. Vol. 15. P. 1.

54. Coleman W., Underhill G. Introduction. Domestic politics, regional economic co-operation, and global economic integration, in: William D. Coleman and Geoffrey R.D. Underhill (eds). Regionalism and Global Economic Integration. London and New York: Routledge, 1998. P. 8.
55. German T. Moscow, the Regions and Russia's Foreign Policy. London: Conflict Studies Research Centre. 1999. E103. P. 50.
56. Gray, C. Deterrence and Regional Conflicts: Hopes, Fallacies, and «Fixes» // Comparative Strategy. 1998. Vol. 17. P. 47.
57. Jeszszky G. More Bosnias? National and Ethnic Tensions in the Post-Communist World, in East European Quarterly. 1997. Vol. XXXI. № 3. P. 287.
58. Blumi I. The Commodification of Otherness and the Ethnic Unit in the Balkans: How to Think About Albanians // East European Politics and Societies, 1998. Vol. 12. № 3. P. 542.
59. Bosco D. Reintegrating Bosnia: A Progress Report // The Washington Quarterly, Spring 1998. P. 78.
60. Caplan R. The European Community's Recognition of the New States in Yugoslavia: The Strategic Implications // The Journal of Strategic Studies, 1998. Vol. 21. № 3. P. 24.
61. Evans P. The Eclipse of the State? Reflections on Stateness in an Era of Globalization // World Politics. Vol. 50 (October 1997). P. 62-87.
62. Christiansen T., Joenniemi P., Lindstrom B. Nationality and Regionality: Constituents of Political Space Around the Baltic Rim, in Neoliberalism or Regionality. The Restructuring of Political Space Around the Baltic Rim. Edited by Pertti Joenniemi. Copenhagen Peace Research Institute, 1997. P. 9-25.
63. Moshes A. Overcoming Unfriendly Stability. Russian-Latvian Relations at the End of 1990s. CFSP, 1999
64. Herd G. Russia's Systemic Transformation: Trajectories and Dynamics // COPRI Working Papers, 1999. № 26. P. 32-34.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1. См.: Bos E. et al. World Population Projections, 1994-1995 edition, Baltimore: Johns Hopkins University Press for the World Bank, 1995.

2. Commission of the European Communities, The European Councils: Conclusions of the Presidency 1992-1994, Luxembourg: CEC, 1995, 86.
3. "Russian Army 2000?" in Jane's Intelligence Review, January 2000, 8.
4. "The New NATO: Not So Neat". In Foreign Report. March 11, 1999

ГЛАВА ПЯТАЯ

1. Подробнее см.: Колобов О.А., Балуев Д.Г., Кабешев Д.В., Рыхтик М.И., Хохлышева О.О. Запад: новые измерения национальной и международной безопасности: Монография. Нижний Новгород, 1997; Россия и НАТО после балканского кризиса: Материалы международной научной конференции, проходившей в Нижегородском университете им. Н.И. Лобачевского 17-18 ноября 1999 года. Нижний Новгород: ННГУ, 2000; Хохлышева О.О. Разоружение, безопасность, миротворчество: глобальный масштаб. Москва — Нижний Новгород: АВН РФ, АНМ «Элита» при ООН, ИСИ ННГУ, 2000.

2. Brzezinski: Zb. The Grand Chessboard. American Primacy and Its Geostrategic Imperatives. New York: Basic Books, 1997. Imperatives. New York: Basic Books, 1997. На русском языке книга напечатана Издательством «Международные отношения» в 1998 г. См.: Бжезинский З. Великая шахматная доска. М.: Изд-во «Международные отношения», 1998.

3. Там же.
4. Kissinger H. Diplomacy. New York: Simor and Schuster. 1994.
5. Ibid.
6. Zb. Brzesinski, Op.cit.
7. См.: East: Leading Americans Call For NATO Expansion. RFE/RL. Web Edition. September 11, 1997.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1. Юевич А.В. Ученые в политике // Полис. 1999. № 2. С. 85.
2. Олещук Ю. Об исторической роли интеллигенции // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 7. С. 77.
3. Geneva Overholser. Talking Through Their Hats. Pundits Without Apology // Washington Post, June 18, 1999.

4. Burg Solomon. Hatching Good Ideas // National Journal, 5/2/98. P. 980.

5. Nancy Shulock. The Paradox of Policy Analysis: If It Is Not Used, Why Do We Produce So Much of It? // Journal of Policy Analysis and Management, Vol.81, N2, 226-227.

6. Yves Dezalay. Regionalism, Globalization, and 'Professional Society'. Between State, Law, and the Market for Professional Services // Regionalism and Global Economic Integration. Ed. By William D.Coleman and Geoffrey R.D. Underhill. London and New York: Routledge, 1998. P.197-219.

7. Бжезинский З. В Косово поставлено на карту многое // Полит. РУ
8. Дэниел Гловер. Мировой порядок после Косово // Intellectual Capital. Issue 3-14.
9. Там же.
10. Бжезинский З. В Косово поставлено на карту многое // Полит. РУ
11. Там же.
12. Там же.
13. Там же.
14. Ричард Н.Хаасс. Косово: что теперь?// Intellectual Capital. Issue 3-14.
15. Ричард Н.Хаасс. Компромисс в Косово? // Intellectual Capital. Issue 3-18.
16. Ричард Н.Хаасс. Косово: что теперь?// Intellectual Capital. Issue 3-14.
17. Ричард Н.Хаасс. Уроки Косово // Intellectual Capital. Issue 2-39.
18. Пат Чоат. Посылайте войска... но не надолго // Intellectual Capital. Issue 3-16.
19. Ричард Н.Хаасс. Стратегия долгосрочного пребывания // Intellectual Capital. Issue 3-7.
20. Там же.
21. Пат Чоат. Посылайте войска... но не надолго // Intellectual Capital. Issue 3-16.
22. Мартин Уолкер. Укрепление единства НАТО // Intellectual Capital. Issue 3-21.
23. Там же.
24. Мартин Уолкер. Косовское урегулирование, которого не было // Intellectual Capital. Issue 2-39.
25. Дэниел Пайпс. Тайнственная Америка // Intellectual Capital. Issue 3-14.

26. Морин С. Стайнбрунер. Активный интернационализм: что может выиграть Америка // *Intellectual Capital*. Issue 2-2.
27. Там же.
28. Дэниел Пайпс. Таинственная Америка // *Intellectual Capital*. Issue 3-14.
29. Там же.
30. Дэниел Гловер. Мировой порядок после Косово // *Intellectual Capital*. Issue 3-14.
31. Тед Г. Карпентер. Политика стратегической независимости // *Intellectual Capital*. Issue 2-2.
32. Там же.
33. Гэри Демпси. Как не сделать мир безопасным // *Intellectual Capital*. Issue 3-16.
34. Тед Гален Карпентер. Америка и миротворческие миссии // *Intellectual Capital*. Issue 3-14.
35. Там же.
36. Дэниел Гловер. Мировой порядок после Косово // *Intellectual Capital*. Issue 3-14.
37. Мелвин А. Гудмен. Стратегический провал Клинтона // *Intellectual Capital*. Issue 3-9.
38. Дэниел Гловер. Мировой порядок после Косово // *Intellectual Capital*. Issue 3-14.
39. Тед Гален Карпентер. Америка и миротворческие миссии // *Intellectual Capital*. Issue 3-14.
40. Ричард Н. Хаасс. Уроки Косово // *Intellectual Capital*. Issue 2-39.
41. Там же.
42. Тед Г. Карпентер. Политика стратегической независимости // *Intellectual Capital*. Issue 2-2.
43. Эрик Альтерман. Интервенция в Косово? // *Intellectual Capital*. Issue 2-40.
44. Роберт А. Мэннинг. Настоящий скандал Клинтона: внешняя политика, которой нет. // *Intellectual Capital*. Issue 2-36.
45. Мелвин А. Гудмен. Стратегический провал Клинтона // *Intellectual Capital*. Issue 3-2.
46. Роберт Мэннинг. Балканы: оценка ущерба // *Intellectual Capital*. Issue 3-16.
47. Гэри Демпси. Как не сделать мир безопасным // *Intellectual Capital*. Issue 3-16.
48. Мелвин Гудмен. Жертва Косово? // *Intellectual Capital*. Issue 3-15.

49. Джерри Пурнелл. Дорогостоящая победа // *Intellectual Capital*. Issue 3-25.
50. Роберт Мэннинг. Балканы: оценка ущерба // *Intellectual Capital*. Issue 3-16.
51. Фрэнк Дж. Гаффни. Займитесь причиной косовских проблем // *Intellectual Capital*. Issue 3-7.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1. NATO Crimes in Yugoslavia. Documentary Evidence. 24 March-24 April 1999. Vol. 1. Belgrade: Federal Ministry of Foreign Affairs, 1999. XIII-XIV.
2. Ibid. P. 215.
3. Ibid. P. 216-217.
4. Ibid. P. 217.
5. Чудотворная икона Божией Матери Курская-Коренная. К 700-летию обретения Курской иконы Богоматери. Джорданвилл: Свято-Троицкий монастырь, 1995. С.18; Архипастырские послания, слова и речи Высокопреосвященнейшего митрополита Анастасия, Первоиерарха Русской Зарубежной Церкви. Юбилейный сборник ко дню 50-летия архиерейского служения. 1906-1956. Джорданвилл: Свято-Троицкий монастырь, 1956. С.17-21; Блаженнейший Митрополит Анастасий. Беседы с собственным сердцем. Размышления и заметки. Третье издание. Джорданвилл: Свято-Троицкий монастырь, 1998. XI-XIV; Бондарева Е. Под сенью Святой Троицы. История русской церкви в Белграде // Журнал Московской Патриархии (далее — ЖМП). 1999 г. № 7. С. 25-30.
6. Ивкин М.М. Храм Святой Троицы в Белграде // Там же. С. 31.
7. NATO Crimes. Vol. 1. P. 220.
8. Русская Православная Церковь чтит память св. Стефана Щиляновича 7(17) октября.
9. NATO Crimes. Vol. 1. P. 220-221.
10. Ibid. P.221.
11. Память блаженного короля Стефана Лазаревича Нового (Высокого) Сербского Русская Церковь творит 19 июля (1 августа), т.е. в один день с молитвенником Земли Русской преп. Серафимом Саровским.
12. NATO Crimes. Vol. 1. P. 221.

13. Русская Православная Церковь чтит память преподобной Параскевы—Петки Сербской, Болгарской 14(27) октября.
14. NATO Crimes. Vol. I. P. 224.
15. Ibid. P.225.
16. Ibid. P.226; NATO Crimes in Yugoslavia. Documentary Evidence. 25 April - 10 June 1999. Vol. II. P. 310.
17. Над Востоком и Западом. С любовью о Сербии. М.: «Рарог», 1999. С. 193-194.
18. NATO Crimes. Vol. I. P. 227.
19. Ibid. Vol. II. P. 312. Монастырь Дечаны с великолепным храмом Вознесения Господня построил в XIV в. святой Стефан Урош III Дечанский - сербский король. По примеру прежних благочестивых сербских государей св. Стефан решил построить себе задушбину, т.е., монастырь с храмом, в котором завещал похоронить себя и поминать за упокой. Такой задушбиной стал монастырь в местечке Дечаны. Русская Церковь отмечает память принявшего мученическую кончину св. короля Стефана 11(24) ноября - Житие святого Стефана Дечанского, краля Сербского// Над Востоком и Западом. С любовью о Сербии. М.: «Рарог», 1999. С. 78-101.
20. NATO Crimes. Vol. II. P. 317.
21. Информационный бюллетень Посольства Союзной Республики Югославии в г. Москва. 17 мая 1999 г. № 81.
22. Там же; см. также ЖМП. 1999. № 6. С.74.
23. Полчанинов Р. Демонстрации в защиту сербов// Православная Русь. Церковно-общественный орган Русской Православной Церкви за границей. Джорданвилл, Нью-Йорк. №7. 1/14 апреля 1999 г. С.6; Обращение Руководящего центра имперского авангарда. Апрель 1999 г. В этом обращении, в частности, говорилось: «Бомбардировки Североатлантического альянса вызвали повсеместные протесты и негодования. Многочисленные манифестации и пикетирования посольств и консульств, в первую очередь США, в Москве, С.-Петербурге и других городах России. Такие же многочисленные манифестации и пикетирования по всей Европе, в Австралии и даже в Америке. Среди протестующих не только сербы, русские, но и представители многих других народов»
24. Здесь РПЦЗ совершенно справедливо употребляет слова «во имя сомнительных сепаратистских вождедений», ибо геополитические планы НАТО простираются на восток намного дальше Косово.

25. Заявление Архиерейского Синода РПЦЗ по поводу военных действий на Балканах. Нью-Йорк. 15/28 апреля 1999 г.//Православная Русь. № 9. 1/14 мая 1999 г. С.3.
26. Там же.
27. Обращение Архиерейского Синода РПЦЗ к правительствам, входящим в состав НАТО. Нью-Йорк. 15/28 апреля 1999 г. // Православная Русь. 1999. № 9. С. 15.
28. Там же.
29. Епископ Евтихий, управляющий Ишимско-Сибирской епархией РПЦЗ. Заявление по поводу ракетно-бомбового нападения войск НАТО на Югославию// Православная Русь. 1999. № 7. С. 2.
30. Там же.
31. Пасхальное послание Архиепископа Антония Западно-Американского и Сан-Францисского. Пасха 1999 г.//Православная Русь. 1999. № 8. С. 4.
32. Объявление о спецсчете см., например, в нижегородской газете «Православное Слово». 1999. № 9 (142).
33. Журнал Московской Патриархии. 1999 г. № 6. С. 7. Священный Синод на своем заседании 19 июля 1999 г. одобрил визит Патриарха следующим постановлением: « 1. Считать весьма своевременным и важным визит Святейшего Патриарха... 2. Подчеркнуть важность братской поддержки, проявленной в ходе означенного визита по отношению к страждущему народу Югославии и к Сербской Православной Церкви. 3. Выразить удовлетворение миротворческим значением визита делегации Русской Православной Церкви во главе со Святейшим Патриархом Алексием II, а также тем, что представленные руководству Югославии и лидеру общины косовских албанцев конкретные предложения по урегулированию конфликта вокруг Косова были положительно восприняты и во многом содействовали успешному продвижению мирного процесса. 4. Поблагодарить Святейшего Патриарха Сербского Павла и всю Полноту Сербской Православной Церкви за гостеприимство, оказанное Святейшему Патриарху Алексию II и членам делегации Русской Православной Церкви». ЖМП. 1999. № 8. С. 4-5.
34. Заявление Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия в связи с последними событиями в Косово. 22 июня 1999 г. // ЖМП. 1999. № 7. С. 18.
35. Воззвание Священного Синода Русской Православной Церкви в связи с положением в Косово // ЖМП. 1999. № 8. С. 17.

36. Иерей Михаил Резин. «По вереску мчись за лисицей» // Православное Слово. 1999. № 10 (143).

37. Сообщение информационной службы Сербской Православной Церкви // ЖМП. 1999. № 7. С. 19-20.

38. Там же. С. 20.

39. Там же. С. 20.

40. Spiegel. 1999. № 37. S. 204. В специальном Обращении от 15 июня 1999 г. Синод СПЦ подчеркнул: «Любому разумному человеку совершенно ясно, что многочисленные внутренние проблемы и противоречия, а также изолированность нашего государства в сфере международных отношений не могут быть разрешены и преодолены с нынешним правительством и в сложившихся условиях» (Обращение Святого Архиепископа Синода Сербской Православной Церкви от 15 июня 1999 г. // ЖМП. 1999 г. № 7. С. 19.) Это заявление — откровенная оценка неспособности правительства С. Милошевича управлять внешней политикой Югославии и урегулировать косовскую ситуацию.

41. Над Востоком и Западом. Рассуждения святителя Николая Сербского, епископа Охридского и Жичского // Над Востоком и Западом. С любовью о Сербии. М.: Папор, 1999. С. 12.

42. Там же. С. 13.

43. Архиепископ Иларион (Троицкий) на своей мученической жизни и кончине познал результаты воплощения большевиками идеи «прогресса».

44. Архиепископ Иларион (Троицкий). Прогресс и преображение // Русский пастырь. Журнал воспитанников Свято-Троицкой духовной семинарии. Сан-Франциско. 1999. № 33-34. С. 10-11.

45. Над Востоком и Западом. Рассуждения святителя Николая Сербского // Над Востоком и Западом. С. 18.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1. Roles, Missions and Functions of the Armed Forces of the United States. Hearing before the Committee on Armed Services. House of the Representatives. 103 Congress, February 24, 1993. U.S. GPO, 1993; The Use of Force in the Post-Cold War Era. Committee on Armed Services. House of Representatives. 103 Congress. March 3,4, 1993. U.S. GPO, 1993; Role of U.S. Armed Forces in the Post-Cold War World. Hearing before the Com-

mittee of Foreign Relations. U.S. Senate. 103 Congress. February 10, 1994. U.S. GPO, 1994.

2. Rosert O.Keohane, Joseph S.Nye Jr., Power and Interdependence. World Politics in Transition. Boston: Little, Brown, 1977.

3. Kenneth N.Waltz. Theory of International Politics. New York: Random House, 1979.

4. См. Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. М., 1997. (глава 2).

5. Gunther Hellman, Reinhard Wolf. Neorealism, Neoliberal Institutionism and the Future of NATO. Security Studies 3.N1 (autumn 1993).

6. Frank Schimmlfennig. NATO Enlargement: A Constructivis Explanation. Security Studies. Vol. 8, Number 2/3, Winter 1998/Spring 1999.

7. Robert Hatchings American Diplomacy and the End of the Cold War. An Insider's Account of U.S. Policy in Europe, 1989-1992. Wash.D.C.: The Woodrow Wilson Center Press. P. 150-151.

8. Managing NATO Enlargement. Special Report. United States Institute of Peace, Wash.D.C., April, 1997.

9. Annual Report of the Secretary of Defense to the Congress for FY 1991. P. 53.

10. Secretary of Defense F.Carlucci text of Remarks Prepared for Delivery at the Foreign Policy Association. May 5, 1988. Federal Transcripts. Box 1. NSA

11. Reshaping Europe: Strategies for a Post-Cold War Europe. Ed. by K.Holmes, 1990. P. 99.

12. AFP, 1989. P. 301.

13. Ibid.

14. Ведущим экспертам "Фонда наследия" видится в создании Североатлантической конференции (куда Россию предполагалось допустить только в случае продолжения демократических реформ) возможность плодотворного обсуждения проблем политического характера. Решение же экономических вопросов во взаимоотношениях между США, ЕС и странами Восточной Европы представлялось посредством участия в работе Североатлантического экономического сообщества, где не будет центрального бюрократического аппарата. Reshaping Europe ... P. 9.

15. Prisms and Policy... 1994. P. 26-27.

16. Europe After An American Withdrawal. P. 23.

17. Ibid.

18. Sloan S. Congressional research Service. "The United States and a New Europe: Strategy for the Future"// CRS Report no.90-245 RCO. U.S. Library of Congress, 14 May 1990.

19. The Future of NATO. Hearings, 1990. P. 7.

20. AFP, 1990. P. 16.

21. Следует отметить тот факт, что Франция изначально скептически отнеслась к идее политизации НАТО и к установлению институциональных связей между США и ЕС. Financial Times. 2 February 1990.

22. James Goldgeier. NATO Expansion: The Anatomy of a Decision. Washington Quarterly 21, № 1. Winter 1998.

23. Foreign Report. Jane's Information Group, London. Number 2525, December 17th, 1998.

24. Кортунов С.В. Контроль за вооружением и интересы России. М.: МОНФ, 1998. С. 35.

25. Кочетов Э.Г. Неэкономика и этноэкономические системы.

26. Joseph Nye. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. N.Y.: Basic Books, 1990.

27. Joseph Nye and William Owens, America's Information Edge. Foreign Affairs, March/April. 1996. P. 23.

28. Ibid. P. 22.

29. National Defense Panel. Final Report. Transforming Defense: National Security in the 21st Century. (www.dtic.mil/ndp). P. 33.

30. Ibid.

31. National Security Strategy for a New Century. October 1998. (www.whitehouse.gov/WH/EOP/NSC/html/documents/nssrpref.html).

32. Charles J. Dunlap, Jr., How We Lost the High-Tech War of 2007. Weekly Standard, January 29, 1996. P. 22-28.

33. Role of U.S. Armed Forces in the Post-Cold War World. Hearing before the Committee on Foreign Relations U.S. Senate, 103-rd Session. U.S. GPO, Wash., 1994. P. 26.

34. Andrew P.N. Erdman The U.S. Presumption of Quick, Costless Wars. Orbis. Summer 1999. P. 381.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ВОЕННАЯ ДОКТРИНА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УТВЕРЖДЕНА

Указом Президента
Российской Федерации
от 21 апреля 2000 г. № 706

Военная доктрина Российской Федерации (далее именуется — Военная доктрина) представляет собой совокупность официальных взглядов (установок), определяющих военно-политические, военно-стратегические и военно-экономические основы обеспечения военной безопасности Российской Федерации.

Военная доктрина является документом переходного периода — периода становления демократической государственности, многоукладной экономики, преобразования военной организации государства, динамичной трансформации системы международных отношений.

В Военной доктрине развиваются Основные положения военной доктрины Российской Федерации 1993 года и конкретизируются применительно к военной сфере установки Концепции национальной безопасности Российской Федерации. Положения Военной доктрины опираются на комплексную оценку состояния военно-политической обстановки и стратегический прогноз ее развития, на научно обоснованное определение текущих и перспективных задач, объективных потребностей и реальных возможностей обеспечения военной безопасности Российской Федерации, а также на системный анализ содержания и характера современных войн и вооруженных конфликтов, отечественного и зарубежного опыта военного строительства и военного искусства.

Военная доктрина носит оборонительный характер, что предопределяется органическим сочетанием в ее положениях последовательной приверженности миру с твердой решимостью защищать национальные

интересы, гарантировать военную безопасность Российской Федерации и ее союзников.

Правовую основу Военной доктрины составляют Конституция Российской Федерации, федеральные законы и другие нормативные правовые акты Российской Федерации, а также международные договоры Российской Федерации в области обеспечения военной безопасности.

Положения Военной доктрины могут уточняться и дополняться с учетом изменений военно-политической обстановки, характера и содержания военных угроз, условий строительства, развития и применения военной организации государства, а также конкретизироваться в ежегодных посланиях Президента Российской Федерации Федеральному собранию, в директивах по планированию применения Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, в иных документах по вопросам обеспечения военной безопасности Российской Федерации.

Реализация Военной доктрины достигается за счет централизации государственного и военного управления, осуществления комплекса политических, дипломатических, экономических, социальных, информационных, правовых, военных и других мер, направленных на обеспечение военной безопасности Российской Федерации и ее союзников.

1. ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ

Военно-политическая обстановка

1. Состояние и перспективы развития современной военно-политической обстановки определяются качественным совершенствованием средств, форм и способов вооруженной борьбы, увеличением ее пространственного размаха и тяжести последствий, распространением на новые сферы. Возможность достижения военно-политических целей непрямыми, неконтактными действиями предопределяет особую опасность современных войн и вооруженных конфликтов для народов и государств, для сохранения международной стабильности и мира, обуславливает жизненную необходимость принятия исчерпывающих мер для их предотвращения, мирного урегулирования противоречий на ранних стадиях их возникновения и развития.

2. Военно-политическая обстановка определяется следующими основными факторами:

- снижение опасности развязывания крупномасштабной войны, в том числе ядерной;

- формирование и укрепление региональных центров силы; усиление национального, этнического и религиозного экстремизма; активизация сепаратизма;

- распространение локальных войн и вооруженных конфликтов; усиление региональной гонки вооружений;

- распространение ядерного и других видов оружия массового уничтожения, средств его доставки; обострение информационного противоборства.

3. Дестабилизирующее воздействие на военно-политическую обстановку оказывают:

- попытки ослабить (игнорировать) существующие механизмы обеспечения международной безопасности (прежде всего ООН и ОБСЕ);

- использование военно-силовых акций в качестве средства "гуманитарного вмешательства" без санкции Совета Безопасности ООН, в обход общепризнанных принципов и норм международного права;

- нарушение отдельными государствами международных договоров и соглашений в области ограничения вооружений и разоружения;

- использование субъектами международных отношений информационных и других (в том числе нетрадиционных) средств и технологий в агрессивных (экспансионистских) целях;

- деятельность экстремистских националистических, религиозных, сепаратистских, террористических движений, организаций и структур;

- расширение масштабов организованной преступности, терроризма, незаконного оборота оружия и наркотиков, транснациональный характер этой деятельности.

Основные угрозы военной безопасности

4. В современных условиях угроза прямой военной агрессии в традиционных формах против Российской Федерации и ее союзников снижена благодаря позитивным изменениям международной обстановки, проведению нашей страной активного миролюбивого внешнеполитического курса, поддержанию на достаточном уровне российского военного потенциала, прежде всего потенциала ядерного сдерживания.

Вместе с тем сохраняются, а на отдельных направлениях усиливаются потенциальные внешние и внутренние угрозы военной безопасности Российской Федерации и ее союзников.

5. Основные внешние угрозы:

- территориальные претензии к Российской Федерации; вмешательство во внутренние дела Российской Федерации; попытки игнорировать (ущемлять) интересы Российской Федерации в решении проблем международной безопасности, противодействовать ее укреплению как одного из влиятельных центров многополярного мира;
- наличие очагов вооруженных конфликтов, прежде всего вблизи государственной границы Российской Федерации и границ ее союзников;
- создание (наращивание) группировок войск (сил), ведущее к нарушению сложившегося баланса сил, вблизи государственной границы Российской Федерации и границ ее союзников, а также на прилегающих к их территориям морях;
- расширение военных блоков и союзов в ущерб военной безопасности Российской Федерации;
- ввод иностранных войск в нарушение Устава ООН на территории сопредельных с Российской Федерацией и дружественных ей государств;
- создание, оснащение и подготовка на территориях других государств вооруженных формирований и групп в целях их переброски для действий на территориях Российской Федерации и ее союзников;
- нападения (вооруженные провокации) на военные объекты Российской Федерации, расположенные на территориях иностранных государств, а также на объекты и сооружения на государственной границе Российской Федерации, границах ее союзников и в Мировом океане;
- действия, направленные на подрыв глобальной и региональной стабильности, в том числе путем воспрепятствования работе российских систем государственного и военного управления, на нарушение функционирования стратегических ядерных сил, систем предупреждения о ракетном нападении, противоракетной обороны, контроля космического пространства и обеспечения их боевой устойчивости, объектов хранения ядерных боеприпасов, атомной энергетики, атомной и химической промышленности, других потенциально опасных объектов;
- враждебные, наносящие ущерб военной безопасности Российской Федерации и ее союзников информационные (информационно-технические, информационно-психологические) действия;
- дискриминация, подавление прав, свобод и законных интересов граждан Российской Федерации в иностранных государствах;
- международный терроризм.

6. Основные внутренние угрозы:

- попытка насильственного свержения конституционного строя;
- противоправная деятельность экстремистских националистических, религиозных, сепаратистских и террористических движений, организаций и структур, направленная на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию внутриполитической обстановки в стране;
- планирование, подготовка и осуществление действий, направленных на дезорганизацию функционирования федеральных органов государственной власти, нападения на государственные, хозяйственные, военные объекты, объекты жизнеобеспечения и информационной инфраструктуры;
- создание, оснащение, подготовка и функционирование незаконных вооруженных формирований;
- незаконное распространение (оборот) на территории Российской Федерации оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и других средств, которые могут быть использованы для осуществления диверсий, террористических актов, иных противоправных действий;
- организованная преступность, терроризм, контрабандная и иная противозаконная деятельность в масштабах, угрожающих военной безопасности Российской Федерации.

Обеспечение военной безопасности

7. Обеспечение военной безопасности Российской Федерации является важнейшим направлением деятельности государства.

Главные цели обеспечения военной безопасности — предотвращение, локализация и нейтрализация военных угроз Российской Федерации.

Российская Федерация рассматривает обеспечение своей военной безопасности в контексте строительства демократического правового государства, осуществления социально-экономических реформ, утверждения принципов равноправного партнерства, взаимовыгодного сотрудничества и добрососедства в международных отношениях, последовательного формирования общей и всеобъемлющей системы международной безопасности, сохранения и укрепления всеобщего мира.

Российская Федерация:

- исходит из непреходящего значения основополагающих принципов и норм международного права, которые органично взаимосвязаны и дополняют друг друга;

- сохраняет статус ядерной державы для сдерживания (предотвращения) агрессии против нее и (или) ее союзников;

- проводит совместную с Республикой Беларусь оборонную политику, координирует с ней деятельность в области военного строительства, развития вооруженных сил государств — участников Союзного государства, использования военной инфраструктуры, принимает другие меры по поддержанию обороноспособности Союзного государства;

- придает приоритетное значение укреплению системы коллективной безопасности в рамках Содружества Независимых Государств на основе развития и укрепления Договора о коллективной безопасности;

- рассматривает в качестве партнеров все государства, чья политика не наносит ущерба ее национальным интересам и безопасности и не противоречит Уставу ООН;

- отдает предпочтение политическим, дипломатическим и иным невоенным средствам предотвращения, локализации и нейтрализации военных угроз на региональном и глобальном уровнях;

- строго соблюдает международные договоры Российской Федерации в области ограничения, сокращения и ликвидации вооружений, содействует их реализации, обеспечению определяемого ими режима;

- пунктуально выполняет международные договоры Российской Федерации по стратегическим наступательным вооружениям и противоракетной обороне, готова к дальнейшему сокращению своего ядерного оружия на двусторонней основе с США, а также на многосторонней основе с другими ядерными государствами до минимальных уровней, отвечающих требованиям стратегической стабильности;

- выступает за придание универсального характера режиму нераспространения ядерного оружия и средств его доставки, за решительное повышение эффективности этого режима путем сочетания запретительных, контрольных и технологических мер, за прекращение и всеобъемлющее запрещение ядерных испытаний;

- содействует расширению мер доверия между государствами в военной области, включая взаимный обмен информацией военного характера, согласование военных доктрин, планов и мероприятий военного строительства, военной деятельности.

8. Военная безопасность Российской Федерации обеспечивается всей совокупностью имеющихся в ее распоряжении сил, средств и ресурсов.

В современных условиях Российская Федерация исходит из необходимости обладать ядерным потенциалом, способным гарантированно

обеспечить нанесение заданного ущерба любому агрессору (государству либо коалиции государств) в любых условиях.

При этом ядерное оружие, которым оснащены Вооруженные Силы Российской Федерации, рассматривается Российской Федерацией как фактор сдерживания агрессии, обеспечения военной безопасности Российской Федерации и ее союзников, поддержания международной стабильности и мира.

Российская Федерация оставляет за собой право на применение ядерного оружия в ответ на использование против нее и (или) ее союзников ядерного и других видов оружия массового уничтожения, а также в ответ на крупномасштабную агрессию с применением обычного оружия в критических для национальной безопасности Российской Федерации ситуациях.

Российская Федерация не применит ядерного оружия против государств — участников Договора о нераспространении ядерного оружия, не обладающих ядерным оружием, кроме как в случае нападения на Российскую Федерацию, Вооруженные Силы Российской Федерации или другие войска, ее союзников или на государство, с которым она имеет обязательства в отношении безопасности, осуществляемого или поддерживаемого таким государством, не обладающим ядерным оружием, совместно или при наличии союзнических обязательств с государством, обладающим ядерным оружием.

9. Основные принципы обеспечения военной безопасности:

- сочетание твердого централизованного руководства военной организацией государства с гражданским контролем ее деятельности;

- эффективность прогнозирования, своевременность вскрытия и классификации военных угроз, адекватность реагирования на них;

- достаточность сил, средств и ресурсов, необходимых для обеспечения военной безопасности, их рациональное использование;

- соответствие уровня готовности, подготовки и обеспечения военной организации государства потребностям военной безопасности;

- ненанесение ущерба международной безопасности и национальной безопасности других стран.

10. Основное содержание обеспечения военной безопасности:

а) в мирное время:

- формирование и реализация единой государственной политики в области обеспечения военной безопасности;

- поддержание внутривнутриполитической стабильности, защита конституционного строя, целостности и неприкосновенности территории Российской Федерации;
- развитие и укрепление дружественных (союзнических) отношений с соседними и другими государствами;
- создание и совершенствование системы обороны Российской Федерации и ее союзников;
- всестороннее обеспечение и качественное совершенствование Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов (далее именуется - Вооруженные Силы Российской Федерации и другие войска), поддержание их в готовности к согласованным действиям по предотвращению, локализации и нейтрализации внешних и внутренних угроз;
- подготовка системы мероприятий по переводу Вооруженных Сил Российской Федерации и других войск на условия военного времени (в том числе по их мобилизационному развертыванию);
- совершенствование экономической, технологической и оборонно-промышленной базы, повышение мобилизационной готовности экономики, создание условий, обеспечивающих заблаговременный перевод предусмотренных планом промышленных предприятий на выпуск военной продукции, организация подготовки органов государственной власти, предприятий, учреждений и организаций, населения страны к решению задач по обеспечению военной безопасности, ведению территориальной и гражданской обороны;
- защита объектов и сооружений Российской Федерации в Мировом океане, космическом пространстве, на территориях иностранных государств, защита судоходства, промысловой и других видов деятельности в прилегающей морской зоне и удаленных районах Мирового океана;
- охрана и защита государственной границы Российской Федерации в пределах приграничной территории, воздушного пространства и подводной среды, а также исключительной экономической зоны и континентального шельфа Российской Федерации и их природных ресурсов;
- поддержка (при необходимости) политических акций Российской Федерации путем проведения соответствующих мероприятий военного характера, а также военно-морского присутствия;
- подготовка к территориальной и гражданской обороне;
- развитие необходимой военной инфраструктуры;
- обеспечение безопасности и защита граждан Российской Федерации от военных угроз;

- формирование сознательного отношения населения к обеспечению военной безопасности страны;
 - осуществление контроля за взаимным выполнением договоров в области ограничения, сокращения и ликвидации вооружений и укрепления мер доверия;
 - обеспечение готовности к участию (участие) в миротворческой деятельности;
- б) в угрожаемый период и с началом войны (вооруженного конфликта):
- своевременное объявление состояния войны, введение военного или чрезвычайного положения в стране либо в отдельных ее местностях, проведение полного или частичного стратегического развертывания Вооруженных Сил Российской Федерации и других войск либо их части, приведение их в готовность к выполнению задач;
 - координация в соответствии с федеральным законодательством деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, общественных организаций и граждан в интересах отражения агрессии;
 - организация и скоординированное ведение вооруженной, политической, дипломатической, информационной, экономической и других видов борьбы;
 - принятие и реализация решений по подготовке и ведению военных действий;
 - перевод экономики страны, отдельных ее отраслей, а также предприятий и организаций, транспорта и коммуникаций на работу в условиях военного положения;
 - организация и осуществление мероприятий территориальной и гражданской обороны;
 - оказание помощи союзникам Российской Федерации, привлечение и реализация их возможностей для достижения совместных целей в войне (вооруженном конфликте);
 - предотвращение вовлечения других государств в войну (вооруженный конфликт) на стороне агрессора;
 - использование возможностей ООН, других международных организаций для предотвращения агрессии, принуждения агрессора к прекращению войны (вооруженного конфликта) на ранних стадиях, восстановления международной безопасности и мира.

Военная организация государства

11. Целям обеспечения военной безопасности Российской Федерации служит военная организация государства.

12. Военная организация государства включает в себя Вооруженные Силы Российской Федерации, составляющие ее ядро и основу обеспечения военной безопасности, другие войска, воинские формирования и органы, предназначенные для выполнения задач военной безопасности военными методами, а также органы управления ими.

В военную организацию государства также входит часть промышленного и научного комплексов страны, предназначенная для обеспечения задач военной безопасности.

13. Главной целью развития военной организации государства является обеспечение гарантированной защиты национальных интересов и военной безопасности Российской Федерации и ее союзников.

14. Основные принципы развития военной организации государства:

- адекватный учет выводов, сделанных из анализа состояния и перспектив развития военно-политической обстановки;
- централизация руководства;
- единоначалие на правовой основе;
- достигаемое соответствие в пределах экономических возможностей страны уровня боевой и мобилизационной готовности, а также подготовки органов военного управления и войск (сил), их структур, боевого состава и численности резерва, запасов материальных средств и ресурсов задачам обеспечения военной безопасности;
- единство обучения и воспитания;
- реализация прав и свобод военнослужащих, обеспечение их социальной защищенности, достойного социального статуса и уровня жизни.

Развитие всех компонентов военной организации государства осуществляется в соответствии с нормативными правовыми актами, регламентирующими их деятельность, по скоординированным и согласованным программам и планам.

15. Главные приоритеты развития военной организации государства:

- создание единой системы управления военной организацией государства и обеспечение ее эффективного функционирования;
- развитие и совершенствование войск (сил), обеспечивающих стратегическое сдерживание (в том числе ядерное);
- создание и поддержание в необходимой готовности структур для подготовки мобилизационных ресурсов и обеспечения мобилизацион-

ного развертывания Вооруженных Сил Российской Федерации и других войск;

- комплектование, оснащение, всестороннее обеспечение и подготовка соединений и воинских частей постоянной боевой готовности сил общего назначения для решения задач сдерживания и ведения боевых действий в локальных войнах и вооруженных конфликтах.

16. Основные направления развития военной организации государства:

- приведение структуры, состава и численности компонентов военной организации государства в соответствие с задачами обеспечения военной безопасности с учетом экономических возможностей страны;

- повышение качественного уровня, эффективности и безопасности функционирования технологической основы системы государственного и военного управления;

- совершенствование военно-экономического обеспечения военной организации государства на основе концентрации и рационального использования финансовых средств и материальных ресурсов;

- совершенствование стратегического планирования на принципе единства применения Вооруженных Сил Российской Федерации и других войск;

- повышение эффективности функционирования систем подготовки кадров, военного образования, оперативной и боевой подготовки, воспитания военнослужащих, всех видов обеспечения, а также военной науки;

- совершенствование системы комплектования (на базе контрактно-призывного принципа с последовательным, по мере создания необходимых социально-экономических условий, увеличением доли военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, прежде всего на должностях младших командиров, специалистов ведущих боевых специальностей);

- повышение эффективности системы эксплуатации и ремонта вооружения и военной техники;

- совершенствование специального информационного обеспечения Вооруженных Сил Российской Федерации и других войск, органов управления ими;

- укрепление законности, правопорядка и воинской дисциплины;

- реализация государственной политики по укреплению престижа военной службы, подготовке к ней граждан Российской Федерации;

- развитие международного военного (военно-политического) и военно-технического сотрудничества;

- совершенствование нормативной правовой базы строительства, развития и применения военной организации государства, а также системы ее отношений с обществом.

17. Составной частью и приоритетной задачей современного этапа военного строительства является проведение комплексной военной реформы, обусловленной радикальными изменениями военно-политической обстановки, задач и условий обеспечения военной безопасности Российской Федерации.

В рамках военной реформы осуществляется взаимосвязанное, скоординированное реформирование всех компонентов военной организации государства.

Руководство военной организацией государства

18. Руководство строительством, подготовкой и применением военной организации государства, обеспечением военной безопасности Российской Федерации осуществляет Президент Российской Федерации, который является Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами Российской Федерации.

19. Правительство Российской Федерации организует оснащение Вооруженных Сил Российской Федерации и других войск вооружением, военной и специальной техникой, обеспечение их материальными средствами, ресурсами и услугами, осуществляет общее руководство оперативным оборудованием территории Российской Федерации в интересах обороны, а также осуществляет иные функции по обеспечению военной безопасности, установленные федеральным законодательством.

20. Федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления осуществляют полномочия по обеспечению военной безопасности, возложенные на них федеральным законодательством.

Предприятия, учреждения, организации, общественные объединения и граждане Российской Федерации участвуют в обеспечении военной безопасности в порядке, установленном федеральным законодательством.

21. Управление Вооруженными Силами Российской Федерации и другими войсками осуществляют руководители соответствующих федеральных органов исполнительной власти.

22. Министерство обороны Российской Федерации координирует деятельность федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации по вопросам обороны, разработку концепций строительства и развития других войск, заказы на вооружение и военную технику для них, разрабатывает с участием соответствующих федеральных органов исполнительной власти концепцию развития вооружения, военной и специальной техники и федеральную государственную программу вооружения, а также предложения по государственному оборонному заказу.

Генеральный штаб Вооруженных Сил Российской Федерации является основным органом оперативного управления Вооруженными Силами Российской Федерации, координирующим деятельность и организующим взаимодействие Вооруженных Сил Российской Федерации и других войск по выполнению задач в области обороны.

Управления главнокомандующих (командующих) видами (родами) Вооруженных Сил Российской Федерации (войск) осуществляют разработку и реализацию планов строительства и применения видов (родов) Вооруженных Сил Российской Федерации (войск), их оперативной и мобилизационной подготовки, технического оснащения, подготовки кадров, обеспечивают управление войсками (силами) и их повседневную деятельность, развитие системы базирования и инфраструктуры.

Управления военных округов (оперативно-стратегические командования) осуществляют управление межвидовыми группировками войск (сил) общего назначения, а также планирование и организацию мероприятий по совместной с другими войсками, воинскими формированиями и органами подготовке к обеспечению военной безопасности в установленных границах ответственности с учетом их задач и единой системы военно-административного деления территории Российской Федерации.

23. Для управления коалиционными группировками войск (сил) согласованным решением органов государственной власти стран - участниц коалиции создаются соответствующие объединенные органы военного управления.

24. В целях централизованного руководства обеспечением военной безопасности Российской Федерации осуществляется единое стратегическое и оперативное планирование применения Вооруженных Сил Российской Федерации и других войск в интересах обороны, программно-целевое планирование военного строительства, предусматривающее

разработку долгосрочных (10 - 15 лет), среднесрочных (4 - 5 лет) и краткосрочных (1 - 2 года) документов.

25. Организация руководства обеспечением военной безопасности Российской Федерации в угрожаемый период, создание и функционирование соответствующих органов государственной власти и органов военного управления регламентируются соответствующими законодательными и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

II. ВОЕННО-СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ

Характер войн и вооруженных конфликтов

1. Российская Федерация поддерживает готовность к ведению войн и участию в вооруженных конфликтах исключительно в целях предотвращения и отражения агрессии, защиты целостности и неприкосновенности своей территории, обеспечения военной безопасности Российской Федерации, а также ее союзников в соответствии с международными договорами.

2. Характер современных войн (вооруженных конфликтов) определяется их военно-политическими целями, средствами достижения этих целей и масштабами военных действий.

В соответствии с этим современная война (вооруженный конфликт) может быть:

- по военно-политическим целям — справедливой (не противоречащей Уставу ООН, основополагающим нормам и принципам международного права, ведущейся в порядке самообороны стороной, подвергшейся агрессии); несправедливой (противоречащей Уставу ООН, основополагающим нормам и принципам международного права, подпадающей под определение агрессии и ведущейся стороной, предпринявшей вооруженное нападение);

- по применяемым средствам — с применением ядерного и других видов оружия массового уничтожения; с применением только обычных средств поражения;

- по масштабам — локальной, региональной, крупномасштабной.

3. Основные общие черты современной войны:

- влияние на все сферы жизнедеятельности человечества;
- коалиционный характер;

- широкое использование не прямых, неkontaktных и других (в том числе нетрадиционных) форм и способов действий, дальнего огневого и электронного поражения;

- активное информационное противоборство, дезориентация общественного мнения в отдельных государствах и мирового сообщества в целом;

- стремление сторон к дезорганизации системы государственного и военного управления;

- применение новейших высокоэффективных (в том числе основанных на новых физических принципах) систем вооружения и военной техники;

- маневренные действия войск (сил) на разрозненных направлениях с широким применением аэромобильных сил, десантов и войск специального назначения;

- поражение войск (сил), объектов тыла, экономики, коммуникаций на всей территории каждой из противоборствующих сторон;

- проведение воздушных кампаний и операций;

- катастрофические последствия поражения (разрушения) предприятий энергетики (прежде всего атомной), химических и других опасных производств, инфраструктуры, коммуникаций, объектов жизнеобеспечения;

- высокая вероятность вовлечения в войну новых государств, эскалации вооруженной борьбы, расширения масштабов и спектра применяемых средств, включая оружие массового уничтожения;

- участие в войне наряду с регулярными нерегулярных вооруженных формирований.

4. Вооруженный конфликт может возникнуть в форме вооруженного инцидента, вооруженной акции и других вооруженных столкновений ограниченного масштаба и стать следствием попытки разрешить национальные, этнические, религиозные и иные противоречия с помощью средств вооруженной борьбы.

Особой формой вооруженного конфликта является приграничный конфликт.

Вооруженный конфликт может иметь международный характер (с участием двух или нескольких государств) или немеждународный, внутренний характер (с ведением вооруженного противоборства в пределах территории одного государства).

5. Вооруженный конфликт характеризуется:

- высокой вовлеченностью в него и уязвимостью местного населения;
- применением нерегулярных вооруженных формирований;
- широким использованием диверсионных и террористических методов;
- сложностью морально-психологической обстановки, в которой действуют войска;
- вынужденным отвлечением значительных сил и средств на обеспечение безопасности маршрутов передвижения, районов и мест расположения войск (сил);
- опасностью трансформации в локальную (международный вооруженный конфликт) или гражданскую (внутренний вооруженный конфликт) войну.

6. Для решения задач во внутреннем вооруженном конфликте могут создаваться объединенные (разноведомственные) группировки войск (сил) и органы управления ими.

7. Локальная война может вестись группировками войск (сил), развернутыми в районе конфликта, с усилением их при необходимости за счет переброски войск, сил и средств с других направлений и проведения частичного стратегического развертывания вооруженных сил.

В локальной войне стороны будут действовать в границах противостоящих государств и преследовать ограниченные военно-политические цели.

8. Региональная война может стать результатом эскалации локальной войны или вооруженного конфликта и вестись с участием двух или нескольких государств (групп государств) одного региона, национальными или коалиционными вооруженными силами с применением как обычных, так и ядерных средств поражения.

В региональной войне стороны будут преследовать важные военно-политические цели.

9. Крупномасштабная война может стать результатом эскалации вооруженного конфликта, локальной или региональной войны, вовлечения в них значительного количества государств различных регионов мира.

Крупномасштабная война с применением только обычных средств поражения будет характеризоваться высокой вероятностью перерастания в ядерную с катастрофическими последствиями для цивилизации, основ жизнедеятельности и существования человечества.

В крупномасштабной войне стороны будут ставить радикальные военно-политические цели. Она потребует полной мобилизации всех материальных и духовных ресурсов государств-участников.

10. Крупномасштабной (региональной) войне может предшествовать угрожаемый период.

11. Крупномасштабная (региональная) война может иметь начальный период, основным содержанием которого явится напряженная вооруженная борьба за овладение стратегической инициативой, сохранение устойчивого государственного и военного управления, достижение превосходства в информационной сфере, завоевание (удержание) господства в воздухе.

В случае затяжного характера крупномасштабной (региональной) войны ее цели будут достигаться в последующих и завершающем периодах.

12. Российская Федерация последовательно и твердо добивается создания эффективной системы политических, правовых, организационно-технических и иных международных гарантий недопущения вооруженных конфликтов и войн.

Основы применения Вооруженных Сил Российской Федерации и других войск

13. Российская Федерация считает правомерным применение Вооруженных Сил Российской Федерации и других войск для отражения агрессии против нее.

Вооруженные Силы Российской Федерации и другие войска могут применяться также для защиты от антиконституционных действий, противоправного вооруженного насилия, угрожающих целостности и неприкосновенности территории Российской Федерации, для выполнения задач в соответствии с международными договорами Российской Федерации и для выполнения других задач в соответствии с федеральным законодательством.

14. Цели применения Вооруженных Сил Российской Федерации и других войск:

- в крупномасштабной (региональной) войне в случае ее развязывания каким-либо государством (группой, коалицией государств) — защита независимости и суверенитета, территориальной целостности Российской Федерации и ее союзников, отражение агрессии, нанесение поражения агрессору, принуждение его к прекращению военных действий

на условиях, отвечающих интересам Российской Федерации и ее союзников;

- в локальных войнах и международных вооруженных конфликтах — локализация очага напряженности, создание предпосылок для прекращения войны, вооруженного конфликта либо для принуждения к их прекращению на ранних стадиях; нейтрализация агрессора и достижение урегулирования на условиях, отвечающих интересам Российской Федерации и ее союзников;

- во внутренних вооруженных конфликтах — разгром и ликвидация незаконных вооруженных формирований, создание условий для полномасштабного урегулирования конфликта на основе Конституции Российской Федерации и федерального законодательства;

- в операциях по поддержанию и восстановлению мира — разведывательные противоборствующие стороны, стабилизация обстановки, обеспечение условий для справедливого мирного урегулирования.

15. Основные формы применения Вооруженных Сил Российской Федерации и других войск:

- стратегические операции, операции и боевые действия — в крупномасштабной и региональных войнах;

- операции и боевые действия — в локальных войнах и международных вооруженных конфликтах;

- совместные специальные операции — во внутренних вооруженных конфликтах;

- контртеррористические операции — при участии в борьбе с терроризмом в соответствии с федеральным законодательством;

- миротворческие операции.

16. Вооруженные Силы Российской Федерации и другие войска должны быть готовы к отражению нападения и нанесению поражения агрессору, ведению активных действий (как оборонительных, так и наступательных) при любом варианте развязывания и ведения войн и вооруженных конфликтов, в условиях массированного применения противником современных и перспективных боевых средств поражения, в том числе оружия массового уничтожения всех разновидностей.

Одновременно Вооруженные Силы Российской Федерации должны обеспечить осуществление Российской Федерацией миротворческой деятельности как самостоятельно, так и в составе международных организаций.

17. Основные задачи Вооруженных Сил Российской Федерации и других войск:

а) по обеспечению военной безопасности:

- своевременное вскрытие угрожающего развития военно-политической обстановки, подготовки вооруженного нападения на Российскую Федерацию и (или) ее союзников;

- поддержание состава, состояния боевой и мобилизационной готовности и подготовки стратегических ядерных сил, сил и средств, обеспечивающих их функционирование и применение, а также систем управления на уровне, гарантирующем нанесение заданного ущерба агрессору в любых условиях;

- поддержание боевого потенциала, боевой и мобилизационной готовности и подготовки группировок войск (сил) общего назначения мирного времени на уровне, обеспечивающем отражение агрессии локального масштаба;

- содержание вооружения и военной (специальной) техники, запасов материальных средств в готовности к боевому применению;

- несение боевого дежурства (боевой службы) выделенными (назначенными) войсками, силами и средствами;

- качественное и в полном объеме выполнение планов и программ оперативной, боевой и мобилизационной подготовки, воспитания личного состава войск (сил);

- поддержание готовности к стратегическому развертыванию в рамках государственных мероприятий по переводу страны на условия военного времени;

- охрана и защита государственной границы Российской Федерации;

- развитие противовоздушной обороны Российской Федерации как единой системы на основе централизованного управления всеми силами и средствами противовоздушной обороны;

- создание условий для безопасности экономической деятельности, защита национальных интересов Российской Федерации в территориальном море, на континентальном шельфе и в исключительной экономической зоне Российской Федерации, а также в Мировом океане;

- охрана важных государственных объектов;

- предотвращение и пресечение диверсий и террористических актов;

- предупреждение экологических катастроф и других чрезвычайных ситуаций, ликвидация их последствий;

- организация гражданской и территориальной обороны;

- обеспечение технического прикрытия и восстановления коммуникаций;

- обеспечение информационной безопасности.

Решение задач по защите национальных интересов Российской Федерации в Мировом океане осуществляется в соответствии с Основами политики Российской Федерации в области военно-морской деятельности.

Все задачи по обеспечению военной безопасности выполняются Вооруженными Силами Российской Федерации и другими войсками скоординированно, в тесном взаимодействии и в соответствии с их функциями, установленными федеральным законодательством;

б) по отражению вооруженного нападения (агрессии) на Российскую Федерацию и (или) ее союзников:

- частичное или полное стратегическое развертывание;
- ведение стратегических операций, операций и боевых действий (в том числе совместных с союзными государствами) по разгрому вторгшихся, уничтожению созданных (создаваемых) группировок войск (сил) агрессора в районах их базирования, сосредоточения и на коммуникациях;
- поддержание готовности к применению и применение (в предусмотренных Военной доктриной случаях и в установленном порядке) потенциала ядерного сдерживания;
- локализация и нейтрализация приграничных вооруженных конфликтов;
- поддержание режима военного (чрезвычайного) положения;
- защита населения, объектов экономики и инфраструктуры от воздействия средств поражения противника;
- выполнение союзнических обязательств в соответствии с международными договорами Российской Федерации.

Решение задач по отражению вооруженного нападения (агрессии) организуется и осуществляется в соответствии с Планом применения Вооруженных Сил Российской Федерации, Мобилизационным планом Вооруженных Сил Российской Федерации, указами Президента Российской Федерации по вопросам военной безопасности, приказами и директивами Верховного главнокомандующего Вооруженными Силами Российской Федерации, другими нормативными правовыми актами, планами и директивными документами;

в) во внутренних вооруженных конфликтах:

- разгром и ликвидация незаконных вооруженных формирований, бандитских и террористических групп и организаций, уничтожение их баз, центров подготовки, складов, коммуникаций;

- восстановление законности и правопорядка;
- обеспечение общественной безопасности и стабильности;
- поддержание правового режима чрезвычайного положения в районе конфликта;
- локализация и блокирование района конфликта;
- пресечение вооруженных столкновений и разъединение противоборствующих сторон;
- изъятие оружия у населения в районе конфликта;
- усиление охраны общественного порядка и безопасности в районах, примыкающих к району конфликта.

Выполнение задач по предупреждению и пресечению внутренних вооруженных конфликтов, локализации и блокированию районов конфликтов, уничтожению незаконных вооруженных формирований, банд и террористических групп возлагается на создаваемые на временной основе объединенные (разноведомственные) группировки войск (сил) и органы управления ими;

г) в операциях по поддержанию и восстановлению мира:

- разъединение вооруженных группировок конфликтующих сторон;
- обеспечение условий для доставки гуманитарной помощи гражданскому населению и его эвакуации из зоны конфликта;
- блокирование района конфликта в целях обеспечения выполнения санкций, принятых международным сообществом;
- создание предпосылок для политического урегулирования.

Выполнение задач в операциях по поддержанию и восстановлению мира возлагается на Вооруженные Силы Российской Федерации. Для подготовки к выполнению этих задач выделяются специально назначенные соединения и воинские части. Наряду с подготовкой к применению по прямому назначению они обучаются по специальной программе. Российская Федерация осуществляет тыловое и техническое обеспечение, обучение, подготовку российских контингентов, планирование их применения и оперативное управление ими в соответствии со стандартами и процедурами ООН, ОБСЕ и Содружества Независимых Государств.

18. Силы и средства Вооруженных Сил Российской Федерации и других войск могут привлекаться для оказания помощи органам государственной власти, органам местного самоуправления и населению при ликвидации последствий аварий, катастроф и стихийных бедствий.

19. Для решения задач, стоящих перед Вооруженными Силами Российской Федерации и другими войсками, создаются группировки войск (сил) на территории Российской Федерации с учетом:

- степени потенциальной военной опасности на конкретных стратегических направлениях;
- характера взаимоотношений Российской Федерации с сопредельными государствами;
- расположения жизненно важных для Российской Федерации промышленных районов и районов стратегических ресурсов, особо важных объектов;
- возможности стратегического развертывания на угрожаемых направлениях при максимальном снижении объемов перевозок, а также межрегионального маневра;
- возможности своевременного вывода войск (сил) и материально-технических запасов из-под вероятных ракетно-авиационных ударов;
- условий для расквартирования и обеспечения жизнедеятельности войск, решения социальных и бытовых проблем;
- наличия и состояния базы мобилизационного развертывания;
- общественно-политической обстановки в конкретных регионах.

20. В целях формирования и поддержания стабильности, обеспечения адекватного реагирования на возникновение внешних угроз на ранних стадиях ограниченные контингенты Вооруженных Сил Российской Федерации и других войск могут размещаться в стратегически важных регионах за пределами территории Российской Федерации в составе объединенных или национальных группировок и отдельных баз (объектов).

Условия такого размещения определяются соответствующими международно-правовыми документами.

21. При создании смешанных воинских формирований Содружества Независимых Государств они комплектуются военнослужащими государств-участников в соответствии с их национальным законодательством и принятыми межгосударственными соглашениями. Военнослужащие — граждане Российской Федерации проходят службу в таких формированиях, как правило, по контракту.

Формирования российских войск, находящиеся на территориях иностранных государств, независимо от условий размещения входят в состав Вооруженных Сил Российской Федерации и других войск и действуют в соответствии с установленным в них порядком, с учетом требо-

ваний Устава ООН, резолюций Совета Безопасности ООН, двусторонних и многосторонних договоров Российской Федерации.

22. Для создания и развития военной инфраструктуры государства, обеспечивающей стратегическое развертывание Вооруженных Сил Российской Федерации и других войск, ведение ими военных действий, осуществляется оперативное оборудование территории Российской Федерации в целях обороны под руководством Правительства Российской Федерации и на основе федеральной государственной программы.

23. Накопление и содержание запасов материальных средств организуются Правительством Российской Федерации в соответствии с планами создания государственного и мобилизационного резервов, утверждаемыми Президентом Российской Федерации.

Вооруженные Силы Российской Федерации и другие войска, а также органы исполнительной власти в соответствии с федеральным законодательством в мирное время осуществляют накопление, эшелонирование, размещение и содержание запасов материальных средств, обеспечивающих мобилизационное развертывание войск (сил) и ведение ими боевых действий в начальный период войны (по отдельным видам материальных средств — и на более длительный период, исходя из сроков перевода экономики страны, отдельных ее отраслей и предприятий на работу по установленному плану), формирование, подготовку, перегруппировку и применение стратегических резервов.

Планирование накопления, эшелонирования, размещения оперативных запасов материальных средств и их содержание для других войск, передаваемых в особый период в оперативное подчинение Министерства обороны Российской Федерации, осуществляются этим министерством.

24. Планирование подготовки граждан к военной службе, воинский учет, а также учет транспортных средств, предоставляемых Вооруженным Силам Российской Федерации и другим войскам, осуществляются под общим руководством Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации.

25. Как в мирное, так и в военное время осуществляется подготовка страны к территориальной и гражданской обороне, проводится комплекс мероприятий по обеспечению устойчивости функционирования объектов экономики, транспорта и коммуникаций, обеспечению готовности к проведению аварийно-спасательных и других работ в очагах поражения и районах аварий, катастроф и стихийных бедствий.

III. ВОЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ

Военно-экономическое обеспечение военной безопасности

1. Главная цель военно-экономического обеспечения — удовлетворение потребностей военной организации государства в финансовых средствах и материальных ресурсах.

2. Основные задачи военно-экономического обеспечения:

- своевременное и в полном объеме финансовое обеспечение решаемых военной организацией государства задач;
- оптимизация расходов материальных ресурсов и денежных средств, направляемых на обеспечение военной безопасности, повышение эффективности их использования на основе взаимосвязанного, скоординированного реформирования всех компонентов военной организации государства;
- развитие научно-технической, технологической и производственной базы страны, Вооруженных Сил Российской Федерации и других войск, военной инфраструктуры в интересах обеспечения военной безопасности;
- обеспечение правовой защиты объектов интеллектуальной собственности, содержащихся в продукции военного назначения, а также в технологиях их разработки и производства;
- интеграция гражданского и военного секторов экономики страны и координация военно-экономической деятельности государства в интересах обеспечения военной безопасности;
- создание инфраструктуры государства с учетом решения задач по обеспечению военной безопасности;
- повышение уровня социального обеспечения военнослужащих и гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации и других войск, а также граждан, работающих в оборонном промышленном комплексе;
- обеспечение функционирования и совершенствование систем мобилизационной готовности и мобилизационной подготовки экономики и населения страны;
- накопление и содержание запасов материальных средств;
- осуществление взаимовыгодного международного военного (военно-политического) и военно-технического сотрудничества;
- выполнение международных договоров Российской Федерации в военно-экономической сфере.

3. Приоритетные задачи военно-экономического обеспечения:

- своевременное и в полном объеме (в пределах имеющихся финансовых ресурсов государства) финансовое обеспечение планов строительства и развития, боевой и мобилизационной подготовки Вооруженных Сил Российской Федерации и других войск, потребностей всех компонентов военной организации государства;

- экономическое и финансовое обеспечение совершенствования стратегических и обычных вооружений, военной и специальной техники;

- создание экономических и финансовых условий для разработки и производства унифицированных, высокоэффективных систем управления войсками и оружием, систем связи, разведки, стратегического предупреждения, радиоэлектронной борьбы, высокоточных, мобильных безъядерных средств поражения, а также систем их информационного обеспечения;

- повышение уровня жизни, реализация установленных федеральным законодательством социальных гарантий военнослужащим и членам их семей.

4. Основные принципы военно-экономического обеспечения:

- соответствие уровня финансового и материального обеспечения военной организации государства потребностям военной безопасности и ресурсным возможностям государства;

- концентрация финансовых, материально-технических и интеллектуальных ресурсов на решении ключевых задач обеспечения военной безопасности;

- государственная поддержка предприятий (производств) и учреждений (организаций), определяющих военно-техническую и технологическую устойчивость оборонного промышленного комплекса, а также его градообразующих предприятий, закрытых административно-территориальных образований;

- научно-техническая, технологическая, информационная и ресурсная независимость в разработке и производстве основных видов военной продукции.

5. Основные направления мобилизационной подготовки экономики:

- подготовка системы управления экономикой к устойчивому функционированию в период перевода на работу в условиях военного положения и в военное время;

- создание, совершенствование и эффективное функционирование системы мобилизационной подготовки органов государственной власти,

а также организаций и предприятий, имеющих мобилизационные задания,

- оптимизация и развитие потребных мобилизационных мощностей и объектов;
- создание, накопление, сохранение и обновление запасов материальных ресурсов в мобилизационном и государственном резервах;
- создание и сохранение страхового фонда конструкторской и технической документации для военного времени;
- сохранение и развитие объектов экономики, необходимых для ее устойчивого функционирования и выживания населения в военное время;
- подготовка финансово-кредитной, налоговой систем и системы денежного обращения к особому режиму функционирования в условиях военного положения;
- разработка и совершенствование нормативно-правовой базы мобилизационной подготовки и перевода экономики Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований на работу в соответствии с установленными планами.

*Международное военное (военно-политическое)
и военно-техническое сотрудничество*

6. Российская Федерация осуществляет международное военное (военно-политическое) и военно-техническое сотрудничество, исходя из своих национальных интересов, необходимости сбалансированного решения задач по обеспечению военной безопасности.

Международное военное (военно-политическое) и военно-техническое сотрудничество является прерогативой государства.

7. Российская Федерация осуществляет международное военное (военно-политическое) и военно-техническое сотрудничество, исходя из внешнеполитической и экономической целесообразности, задач обеспечения военной безопасности Российской Федерации и ее союзников, в соответствии с федеральным законодательством и международными договорами Российской Федерации, на основе принципов равноправия, взаимной выгоды и добрососедства, с соблюдением интересов международной стабильности, национальной, региональной и глобальной безопасности.

8. Приоритетное значение Российская Федерация придает развитию военного (военно-политического) и военно-технического сотрудничества с государствами - участниками Договора о коллективной безопасно-

сти Содружества Независимых Государств, исходя из необходимости консолидации усилий по созданию единого оборонного пространства и обеспечению коллективной военной безопасности.

Российская Федерация, подтверждая свою принципиальную приверженность целям сдерживания агрессии, предотвращения войн и вооруженных конфликтов, поддержания международной безопасности и всеобщего мира, гарантирует последовательное и твердое выполнение Военной доктрины.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Балуев Дмитрий Геннадьевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры политологии Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород)

Гаврилов Виктор Александрович, кандидат психологических наук, полковник, заместитель начальника управления Института военной истории, Министерства обороны РФ (г. Москва)

Иванов Олег Петрович, доцент кафедры международных отношений и внешней политики Дипломатической академии МИД РФ (г. Москва)

Колобов Олег Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН, АВН РФ, АГН РФ, заведующий кафедрой международных отношений, декан исторического факультета, директор Института стратегических исследований ННГУ им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород)

Корнилов Александр Алексеевич, доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений, директор Центра изучения проблем мира и разрешения конфликтов ННГУ им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород)

Макарычев Андрей Станиславович, доктор исторических наук, Нижегородский государственный лингвистический университет (г. Нижний Новгород)

Макарычева Марина Геннадьевна, кандидат исторических наук (г. Нижний Новгород)

Рыхтик Михаил Иванович, кандидат исторических наук, докторант кафедры международных отношений Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород)

Хохлышева Ольга Олеговна, кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
<u>Глава первая.</u> США, НАТО, ООН и Запад в целом в поиске оптимального варианта управления международно-политическими процессами на глобальном и региональном уровнях	5
<u>Глава вторая.</u> Великие державы и конфликты XXI века	61
<u>Глава третья.</u> Субнациональные акторы европейской безопасности: новые возможности и вызовы для России	90
<u>Глава четвертая.</u> Особенности развития западного направления внешней политики России после балканского кризиса	116
<u>Глава пятая.</u> Новейшие американские взгляды на Россию в процессе расширения НАТО	127
<u>Глава шестая.</u> Косовская проблема во внешнеполитическом дискурсе США: выводы для России	141
<u>Глава седьмая.</u> Силовые действия НАТО против Союзной Республики Югославии и проблемы духовного измерения конфликта на Балканах	160
<u>Глава восьмая.</u> Зачем нужно НАТО в третьем тысячелетии?	176
Заключение	192
Примечания	194
Приложение	215
Сведения об авторах	242

О.А. Колобов, Д.Г. Балуев, В.А. Гаврилов,
О.П. Иванов, А.А. Корнилов, А.С. Макарычев,
М.Г. Макарычева, М.И. Рыхтик, О.О. Хохлышева

РОССИЯ – США – НАТО:

**динамика современных
взаимоотношений и возможности
преодоления кризиса доверия**

Монография

Подписано в печать 03.11.2000. Формат 60×84 1/16.

Бумага газетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 14,2. Зак. 1489. Тир. 250.

Типография Нижегородского госуниверситета.
603000, Н. Новгород, ул. Б. Покровская, 37.

В монографии рассматриваются особенности
взаимоотношений России, США и НАТО
после косовского кризиса 1999 г.
Для специалистов-международников,
студентов, аспирантов и докторантов
университетов России.